

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

№ 4(37)
2008 г.

НАУКА И ПРАКТИКА

Орёл
2008

Министерство внутренних дел Российской Федерации
ГОУ ВПО «Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУКА И ПРАКТИКА

Периодическое печатное научное издание – журнал
Издается с 1996 года
Выходит 1 раз в квартал

№ 4 (37)
2008 г.

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета:

И.А. Калинин, начальник института, кандидат педагогических наук.

Заместитель председателя редакционного совета:

Л.Ю. Щербакова, заместитель начальника института по научной работе, кандидат юридических наук.

Члены редакционного совета:

С.Л. Паньков, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела;

Н.Ф. Зейналов, начальник кафедры тактико-специальной и огневой подготовки;

Н.Г. Подчерняев, начальник кафедры информационных технологий в деятельности ОВД, кандидат технических наук, доцент;

Н.Н. Феликсов, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД, кандидат технических наук;

С.К. Жилиева, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук;

С.Н. Баркалов, начальник кафедры физической подготовки и спорта, кандидат педагогических наук;

А.В. Булыжнин, начальник кафедры криминалистики и предварительного следствия в ОВД, кандидат юридических наук;

В.С. Кураков, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент;

Д.Л. Проказин, начальник кафедры организации деятельности ГИБДД, кандидат юридических наук;

Е.В. Сальников, начальник кафедры социально-философских дисциплин и экономики, кандидат социологических наук;

Д.В. Сопов, начальник кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент;

И.И. Нефёдова, врио. начальника кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук;

Л.И. Анохина, заведующая кафедрой иностранных и русского языков, кандидат филологических наук, доцент.

Редакционная коллегия:

Председатель редакционной коллегии:

Л.Ю. Щербакова, заместитель начальника института по научной работе, кандидат юридических наук.

Заместитель председателя редакционной коллегии:

С.Л. Паньков, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела.

Члены редакционной коллегии:

Е.В. Мурашев, старший редактор организационно-научного и редакционно-издательского отдела;

П.А. Рогоулёв, редактор организационно-научного и редакционно-издательского отдела;

Н.А. Коваленко, корректор организационно-научного и редакционно-издательского отдела.

Адрес редакции:

Игнатова ул., д.2, Орёл, 302027

Тел.: (4862) 41-06-11, факс: (4862) 41-48-56

E-mail: onirio@orurinst.orel.ru

Данный выпуск журнала составлен по материалам выступлений участников состоявшихся в Орловском юридическом институте МВД России межвузовского научного семинара, посвящённого сопоставительному изучению языков в теоретическом и практическом плане. «Языковые соответствия в профессиональной лексике (на материале русского и иностранных языков) и вузовского «круглого стола» «Мотивация правомерного поведения в механизме обеспечения законности и правопорядка» (17 декабря 2008 года).

Материалы опубликуются в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка: П.А. Рогоулёв

Свидетельство о государственной аккредитации рег. № 0440 от 22.12.06 г.

Подписано в печать ____ декабря 2008 г. Формат 60х90^{1/8}.

Учет.-изд. л.-13,45. Тираж ____ экз. Заказ № ____.

ГОУ ВПО «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
Игнатова ул., д.2, Орёл, 302027.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в сборник. Отклонённые материалы не рецензируются и не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. МАТЕРИАЛЫ МЕЖВУЗОВСКОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА, ПОСВЯЩЁННОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРАКТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ. «ЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ).....	6
Анохина Л.И. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ.....	6
Абрамкина О.Г. ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	9
Базавлук Л.М. О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЯХ В НАИМЕНОВАНИИ ЖИВОТНЫХ В РАЗНЫХ ЯЗЫК.....	11
Болохонцева Н.М. ЯЗЫКОВОЕ НЕСООТВЕТСТВИЕ В КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕКСТАХ ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО КАК ВОЗМОЖНЫЙ ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО-АНОМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ.....	14
Бондарева Н. А. ЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ НА УРОВНЕ ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПРЕССИОНИСТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И БЕРНГАРДА КЕЛЛЕРМАНА).....	17
Быхун О.Н. НЕКОТОРЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ТРУДНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	23
Варлакова Т.В. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ЮРИСТА.....	26
Власова Л.А. О ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ ОБЩИХ НАЗВАНИЙ НАРКОТИКОВ В ЖАРГОНЕ НАРКОМАНОВ СЛОВАМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.....	29
Ефимова Т.Г. УПОТРЕБЛЕНИЕ ВВОДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»).....	33
Жучкова Н.Ф. ЭТАПЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ В ОВЛАДЕНИИ ПЕРЕВОДОМ.....	35
Земляков В.Д., Землякова Т.А. К ВОПРОСУ О РОЛИ И МЕСТЕ ПЕРЕВОДА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	37
Зубарев Г. П., Кашина С. В. НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОВ.....	42
Ильин Ю.В. КОГНИТИВНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «ЖЮРИ ПРИСЯЖНЫХ»).....	45
Искандарова Г.Р. ПУТИ ОБРАЗОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ.....	48
Кононова Е.Н. ОТБОР ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	50

Костромичёва М. В. СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	52
Котова Г.В. ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ ПО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИКЕ: В ПОИСКАХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА).....	55
Мамедова Е.Г. ПОИСК ЕДИНИЧНЫХ СООТВЕТСТВИЙ КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАБОТЫ С ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	61
Мартынова Е. М. К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ И КРИТЕРИЯХ ОТБОРА ЯЗЫКОВОГО УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА.....	63
Молчанова С.Н. ИНФИНИТИВНЫЕ ФОРМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА И НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	65
Навроцкая И.Н. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.....	68
Новикова Т. В. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ ЛИНГВИСТА – ПЕРЕВОДЧИКА.....	71
Попова И.В. К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОСИСТЕМЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА.....	72
Рослякова В.Н. К ВОПРОСУ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ.....	74
Сергеева Н. И. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ РЕАЛИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПОЗНАНИЯ, КЛАССИФИКАЦИИ И ПЕРЕВОДА.....	75
Скороходова Т.Н. К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ.....	78
Смирнова И.Ю. ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ И МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ В ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ ЮРИСТОВ.....	79
Чернышева Н.Г. МОНО- И ПОЛИЛЕКСЕМНЫЕ ТЕРМИНЫ В ПОДЪЯЗЫКЕ ЭКОНОМИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	82
Шедий С.А. СВОЙСТВА ТЕРМИНА КАК ОСНОВНОЙ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ.....	86
Щербенко Л.Р. ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ.....	87
Раздел II. МАТЕРИАЛЫ ВУЗОВСКОГО «КРУГЛОГО СТОЛА» «МОТИВАЦИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА».....	90
Бондарев А.А. ПРАВОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ.....	90
Бондаренко М.В. ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА.....	92

Быков А.Н. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	95
Гапонов О.И. ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРАВОВОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ	97
Двоеглазов В.А., Шарихин А.Е. ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ МОТИВАЦИИ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКА МИЛИЦИИ.....	99
Климкина И.В. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО.....	103
Костин Ю.В. ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК КАК ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	105
Костина Л.Н. ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МОТИВОВ, РОЛИ И ВИНЫ ОБВИНЯЕМЫХ В РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ О ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	110
Красникова И.А., Клаверова Л.А. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ В РАКУРСЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ.....	114
Красуля Ю.Ю. СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ.....	116
Лысенко Е.С. О НЕОБХОДИМОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ОВД.....	119
Макуев Р.Х. ПРИНЦИПЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И НЕУТРАЧЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	121
Матросов А.А. ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПО ФЕОДАЛЬНОМУ ПРАВУ РОССИИ.....	124
Нефедова И.И. КОНТРОЛЬ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД.....	126
Пестов Н.Н. О НАУЧНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТРАНСПОРТЕ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	129
Рукавишников Д.В. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК РОДОВОЙ КАТЕГОРИИ И ОСНОВНОГО ПРИЗНАКА ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	134
Сысоева Ю.А., Султанова Д.С., Девятина Ю.В., Гапонов О.И. ЗАКОННОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ИНСТИТУТЫ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	138
Фурсова Р.Ю., Гапонов О.И. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА НЕПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ.....	140
Шепарнева А.И. СОЦИАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX В.).....	142
Юринова Ю.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СОТРУДНИКАМИ ГИБДД.....	143

**Раздел I. ЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ЛЕКСИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ)**
МАТЕРИАЛЫ МЕЖВУЗОВСКОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА,
ПОСВЯЩЁННОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ В
ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРАКТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

Анохина Л.И.,

к.филол.н., доцент, заведующая
кафедрой иностранных и русского языков
Орловского юридического института
МВД России

Сопоставительное исследование различных языков имеет уже довольно богатую историю и свои традиции. Создание сравнительно-исторического метода в начале XIX века явилось исключительно важным событием в развитии языкознания. Впервые, благодаря «открытию санскрита», в Европе была научно обоснована и доказана идея родства языков, были заложены прочные основы для генеалогической классификации языков мира. В этой сфере особенно велика заслуга датского ученого Расмуса Раска, немецких ученых Франца Боппа и Якоба Гримма, русского ученого Александра Востокова. В это же время сделало первые шаги и упрочилось совершенно иное - сопоставительное - изучение языков, целью которого было выявление не генетических, а структурных отношений и связей самых различных языков всех регионов земного шара, группировка этих языков в классы (типы) в зависимости от их структурных сходств и различий. Начало XIX века - это и заря типологических изысканий, типологической классификации языков.

Однако лишь благодаря работам Гумбольдта типология языков действительно получила статус особой и самостоятельной сферы лингвистических исследований. В истории науки о языке этого ученого называют основоположником общего (теоретического) языкознания. Совершенно по-новому, с диалектических позиций Гумбольдт подошел к постановке целого ряда фундаментальных проблем лингвистики. Его интересовали соотношение языка, общества и индивида, связь и взаимодействие языка и мышления, системный характер языка и многое другое. Деятельность Гумбольдта оказала прямое и косвенное влияние на развитие языкознания. Проблемы, разработкой которых он занимался, актуальны и в настоящее время, получают новое осмысление в современной лингвистике. Главным трудом Гумбольдта по праву считается теоретическое введение к трехтомному сочинению «О языке Кави на острове Ява» - «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» [1, 41]. В аппарат общей лингвистики были введены существовавшие ранее термины «изолирующие», «агглютинирующие», «флективные» и «инкорпорирующие» языки. Данная терминосистема прочно вошла во всеобщий лингвистический обиход. Гумбольдт не ставил перед собой задачи формальной классификации языков. В основе всех его теоретических рассуждений лежит понятие «духа» («дух народов», «человеческий дух», «духовная сила», «дух языка», «языковая идея»). Нет ни одной сколько-нибудь важной проблемы, при обсуждении которой Гумбольдт не обращался бы к этому понятию. Естественно, что различие языков и народов также связывается им с особенностями духа, духовной силы. Особенно много внимания Гумбольдт уделяет проблеме неразрывной связи духа и языка, их взаимному влиянию друг на друга. По его мнению, «... сравнительное языковедение ... утратит свой высший интерес, если не попытается проникнуть в то средостение, где язык связан с формированием духовной силы нации» [1, 47]. Наряду с понятием духа в концепции Гумбольдта исключительно важную роль играет понятие формы. Сопоставительное изучение разных языков предполагает, по его мнению, в качестве обязательного условия обращение к форме, учёт её динамического и целостного характера: «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [1, 70]. Под понятие

формы подпадают в своей связи членораздельные звуки, устройство слов, словосочетания. Оно открывает для исследователя путь к постижению тайн языка, к выяснению его сущности. Но языки представляют собой настолько сложное явление, что описание их формы не может быть абсолютно исчерпывающим, лишь достаточным, чтобы получить о них общее представление. Гумбольдт говорит о трудностях этого пути и о том, что только он обеспечивает исследование всех частных, которые при другом подходе легко проглядеть. «Такой путь, правда, ведет к утомительным и часто мелочным изысканиям отдельных элементов; но ведь именно эти мелочи и создают цельное представление о языке, и нет ничего более несообразного в исследовании языка, чем поиски в нем только крупного, идеального, господствующего» [1, 73].

Сутью концепции Гумбольдта, его размышлений о различии строения языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода является не столько классификация языков, как их деление на совершенные и несовершенные. Установление степени совершенства языков предполагает, разумеется, привлечение надежных критериев. Такими критериями, по мысли Гумбольдта, являются особенности в строении слова и предложения. Строение слова как критерий совершенства языков Гумбольдт понимает очень широко. Учёный призывает принимать во внимание самые различные морфологические особенности слова: четкость выделения корня, основы, аффиксов; характер соединения аффиксов с корнем; степень развития словообразования и словоизменения, включая в последнее способы выражения равных грамматических категорий. Но одновременно с этим он обращает самое пристальное внимание и на фонетическую оформленность слова. Здесь важна степень развития членораздельности звуков, четкая противопоставленность системы гласных и согласных, слоговое деление; в качестве средств, обеспечивающих словесное единство, он называет паузы, звуковые изменения («изменения букв», по его терминологии), акцентуацию.

Согласно концепции Гумбольдта, между языком и духом народа, между языком и народным характером существуют настолько тесные взаимосвязи и отношения, что «трудно представить себе что-либо более тождественное». Гумбольдт осознавал, что это утверждение может спровоцировать неблагоприятные заключения о народах, говорящих на соответствующих языках. Он стремился смягчить свои высказывания о неравноценности не только языков, но и народов. Тем не менее эта его концепция подвергалась и подвергается острой критике.

В самом конце XIX века была предпринята попытка деления языков, исходя из некоторых психических особенностей народов, а в качестве фона рассматривать структурные особенности соответствующих языков. Так, Франц Финк в небольшой по объёму книге «Строение немецкого языка как выражение немецкого восприятия мира», вышедшей в свет в 1899 году, утверждал, что для выявления особенностей мировосприятия у народов, говорящих на разных языках, существует только один путь - сравнение строения соответствующих языков. Сравнение языков должно включать, по его мнению, три основные ступени: неиндоевропейские - индоевропейские языки, индоевропейские - германские языки, германские языки - немецкий язык. По мнению автора книги, для полного, исчерпывающего решения задачи необходимо исчерпывающее, точное знание строения всех языков мира, что являлось в то время весьма далеким идеалом. Слабая изученность большинства языков мира со всей остротой ставила вопрос о поисках и нахождении того, что непременно должно было решающим образом влиять на языковой строй. Таким решающим фактором, гарантом относительной истинности Финк признавал психический фактор, точнее и более конкретно - большую или меньшую впечатляемость, а также преобладание представления или преобладание чувств. Эти критерии с привлечением учения о различных темпераментах и использовались им для построения собственной классификации языков. Например, языки (народы) банту он относил к сангвиникам, обосновывая это ссылкой на широкое использование в этих языках префиксации. Появление этого сугубо психологизированного и субъективного ответвления от типологии, до определённой степени подготовленного идеями Гумбольдта и Штейнтала, оказалось созвучным со временем широчайшего проникновения психологических идей в науку о языке, временем расцвета психологии народов Вундта и отражало умонастроение многих лингвистов конца прошлого века.

Первым шагом сравнительного анализа в лексико-семантической области было распознавание и установление значения лексики, не имеющей эквивалентов в языке перевода. Подбор адекватных вариантов передачи названий предметов, действий, процессов и состояний, их характеристик, а также понятий стал органичной частью работы по составлению первых дву-

язычных словарей. Вопрос об эквивалентности всегда был главным и для теории и практики перевода. К основным концепциям переводческой эквивалентности можно отнести концепцию формального соответствия, нормативно-содержательного соответствия, полноценного, т.е. адекватного перевода.

Сопоставительное изучение языков (контрастивная лингвистика) включает в себя, с одной стороны, теоретический компонент, близкий к типологии и соприкасающийся с антропологией и культурологией, и практический компонент, ориентированный на преподавание иностранных языков, с другой стороны. По мнению многих учёных, и обучающий, и обучающийся должны обладать знаниями основ контрастивной лингвистики, которые в сочетании со знаниями в области психологии и педагогики могут служить базой для успешного усвоения иностранного языка. Специальную область языковой дидактики представляет собой анализ ошибок в рамках контрастивной лингвистики. Ошибки систематизируются и статистически обрабатываются. Сначала вычленяются несистематические ошибки и случайные оговорки, а затем выявляются систематические ошибки. Такой контрастивный анализ ошибок помогает исследовать возможную интерференцию двух языков, так как нацелен на располагающуюся между двумя языковыми системами область.

Важно опираться на сопоставительный анализ двух языков и при введении и закреплении терминов. Особое внимание здесь должно быть уделено семантизации терминологического лексического материала, предназначенного для усвоения и употребления в речи. Важно систематически углублять знания обучающихся в области дисциплины «Иностранный язык» и формировать у них навык постоянного поиска сходства и различия в сопоставляемых терминологических единицах.

К наиболее эффективным приёмам освоения и закрепления терминологической лексики можно отнести развитие и совершенствование навыков: а) поиска дериватов к словам-терминам; б) анализа словообразовательных элементов подлежащих усвоению терминологических лексических единиц; в) выделения и анализа интернациональных терминов; г) подбора синонимов в словам-терминам и их обязательной фиксации; д) заучивания наиболее частотных устойчивых словосочетаний терминологического характера. Особое внимание следует уделять качеству усвоения обучающимися «гнездовой» лексики, образующей центр и периферию функционально-терминологических полей. Словообразовательный анализ позволяет выявить семантическую мотивированность производных слов, а это способствует развитию языковой «догадки» при понимании слова-термина, его запоминанию и грамотному употреблению в речи.

Современное сопоставительное языкознание использует большое количество методов, хорошо применимых для объяснения сходств и различий между языками. Тремя главными сопоставительными методами остаются: сравнительно-исторический метод, типология языков, контрастивная грамматика. К основным концепциям начала XXI века относятся «аппроксимативная система», «компромиссная грамматика», «промежуточный язык», «язык-посредник», «аккультурация», «семантическая фоссилизация» и концепция «обратной связи». В данном сборнике опубликован ряд статей, посвящённых контрастивной прагматике, контрастивному анализу научного дискурса и контрастивному анализу параметра «вежливость в общении».

Язык - сложная, многообразная, строго структурированная система. Его единицы состоят в неразрывной связи друг с другом. Являясь средством связи и способом передачи информации в процессе коммуникативного взаимодействия людей внутри этноса и между этническими сообществами, язык необходим для социокультурной деятельности в мире. Формулировка проблемы взаимодействия культур и языков выглядит, в частности, и таким образом: «Язык есть средство отражения культуры в процессах номинации, а потому выражения и воспроизведения ее вместе с использованием языка говорящим / слушающим. Это означает, что язык участвует в формировании менталитета этноса, народа, нации» [2, 71 - 72].

Каждый язык по-своему отражает внематериальную реальность. Изучающий тот или иной язык через предмет своего изучения в определенной мере знакомится и с культурой его носителей. В связи с этим особенно актуальным является уточнение межъязыковых лексических соответствий, поиск переводных эквивалентов многозначных слов, выявление контекстуальных переводных эквивалентов, а также выявление лексических различий между текстами первоисточников и их переводами / толкованиями. Эти задачи ставятся во главу угла контра-

тивной лингвистики, занимающейся изучением соотношений между речевыми произведениями на исходном языке и языке перевода. Поиск, а также установление закономерностей перевода и межъязыковых соответствий проводятся лингвистами с целью выявления общих типологических признаков строения и функционирования сопоставляемых языков.

Профессиональная компетенция преподавателя языка (как родного, так и иностранного), юриста или журналиста должна включать в себя наряду со знанием иностранных языков не только совершенное владение родным литературным языком, но и обладание определёнными познаниями в области профессиональных или социально ограниченных языковых подсистем («подъязыков», «субязыков»). В настоящее время в сопоставительном плане изучаются не только иностранные языки, литературный язык и языки определённых социолектов, но и языки выдающихся писателей, средств массовой информации, представителей различных профессий. В связи с этим материалы данного сборника расширены по сравнению с заявленной тематикой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гумбольдт В.ф. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В.ф. Гумбольдт. Избр. труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
2. Телия В.Н. Культурно маркированная коннотация языковых знаков как понятие лингвокультурологии // Семантика языковых единиц. Докл. 4-й междунар. науч. конф. Ч. 2. Фразеологическая семантика. М.: «Альфа», 1994.

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Абрамкина О. Г.,

к.п.н., доцент, доцент кафедры
иностраных языков Академии
федеральной службы охраны России

Правильная организация самостоятельной работы – важный вопрос методики обучения иностранному языку. При этом важно понимать, какие трудности испытывают обучающиеся при организации своей самостоятельной работы; какие виды заданий являются для них наиболее трудными и требуют много времени на подготовку; почему те или иные виды заданий являются трудными; что мешает своевременно и правильно выполнять самостоятельные задания; что может облегчить выполнение заданий и повысить эффективность самостоятельной работы обучающихся по иностранному языку.

При опросе обучающихся оказалось, что самым трудным видом самостоятельной работы, требующей большого количества времени, является перевод с иностранного языка на русский. На втором месте – задания типа «рассказать, о чем речь...». На последнем месте – чтение и понимание текста, как вид задания. Основной причиной возникновения трудностей при самостоятельной работе обучающиеся называют незнание лексики. Если сопоставить то, что самым трудным заданием является перевод, а основной причиной затруднения при этом является незнание лексики, то более глубокий анализ самостоятельной работы обучающихся позволяет сделать вывод: из-за нечеткости формулировок любое задание по чтению они выполняют как обязательный перевод. И всякий раз эта работа превращается в трудоемкий процесс отыскивания всех слов в словаре. Вместо того чтобы углубиться в чтение, они осуществляют операции по замене иноязычного текста русским.

В процессе контроля внеаудиторного чтения обращает на себя внимание тот факт, что большинство обучающихся выписывают из текста слова безотносительно к его содержанию, не думая о теме. Причем эта привычка выписывать все незнакомые слова значительно уменьшает скорость выполнения задания и делает его трудным, одновременно уводя от задачи проникновения в основную информацию текста.

Таким образом, чтение и понимание текста вызывают затруднения из-за недостаточного знания лексики, неумения правильно работать и, что самое главное, из-за отсутствия четкости и полноты инструкций при формулировке задания.

В ходе бесед с обучающимися, серьезно относящимися к изучению иностранного языка, выяснилось, что общей причиной неправильного выполнения самостоятельной работы является неумение правильно и систематически работать, причем незнание лексики и грамматики отходит на второй план, становясь следствием первой причины.

Следовательно, для успешного своевременного выполнения самостоятельных заданий необходимы ряд условий.

Первое условие – умение правильно и систематически выполнять каждое задание. При этом в формулировке каждого задания (на начальном этапе обучения обязательно) должно быть дано алгоритмическое предписание, которое однозначно определяет действия обучающегося и управляет его деятельностью. Алгоритмизация задания представляется особенно важной, пока у обучающегося не развито умение правильно самостоятельно работать. Иначе ситуация неопределенности, в которой он окажется, не позволит ему быстро и уверенно выбрать путь выполнения задания, последовательность его выполнения, тем самым вынуждая его создать самоинструкцию, которая часто неправильна. В любом самостоятельном задании важно учитывать фактор времени, продолжительность самостоятельной работы. Задача преподавателя – научить обучающегося укладываться во времени, соблюдать темп, выполняя любое задание.

Второе условие – это активность обучающегося на занятии. Поэтому преподавателю следует так организовать аудиторное занятие, чтобы обучающийся активно работал 90 минут, выполняя все задания в чтении, тем самым готовясь к выполнению самостоятельной внеаудиторной работы. С этой целью необходимо, во-первых, выполнять аналогичные виды работ на занятии; во-вторых, надо убедить обучающихся, что языковой материал для самостоятельной внеаудиторной работы усвоен; в-третьих, на занятии разъяснять правильные методы работы, последовательность выполнения самостоятельной работы.

Третьим условием для успешного выполнения самостоятельной работы сами обучающиеся называют необходимость иметь устойчивый словарный запас, знать минимум слов по определенной теме. Поэтому перед преподавателем стоит серьезная и конкретная задача по введению и закреплению лексики для чтения. С этой целью следует широко применять лексические упражнения, обучающие и тренировочные программы по расширению словарного запаса на аудиторных занятиях. Работа же над словообразованием, направленная на расширение лексического запаса, важна на всех этапах обучения, особенно когда незнание лексики является важнейшей причиной неумения и нежелания обучающихся работать над языком самостоятельно. Словообразовательный анализ открывает перед ними системный характер языка, показывает смысловую и структурную связь между словами, что облегчает повторение пройденной лексики и усвоение новой в виде определенной системы и создает базу для сознательного раскрытия значений незнакомых слов. Кроме того, преподавателю следует вести постоянный контроль усвоения лексики, доводить знание лексического материала до автоматизма, вести борьбу против языковой неуверенности обучающихся и предотвращать их постоянное желание отыскивать каждое слово в словаре.

Четвертым условием для достижения цели является наличие интересных учебных материалов, вызывающих желание работать с ними и самостоятельно, расширяющих кругозор обучающихся и полезных для их будущей профессиональной деятельности.

На пятое условие для достижения сформулированной выше цели указывают сами обучающиеся. Это наличие у них личностных характеристик, а именно, целеустремленность, воля, усидчивость, организованность, а также интерес и желание к изучению иностранного языка. Именно личностные характеристики и интерес к изучению иностранного языка должны занимать ведущее место в процессе планирования и организации самостоятельной работы по иностранному языку.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в процессе учебной деятельности, вообще, и в организации самостоятельной работы обучающихся, в частности, происходит изменение ведущих функций преподавателя. От преподавателя требуется так организовать учебный процесс, чтобы вызвать у обучающегося потребность и интерес к изучению иностранного языка, вооружить его необходимыми навыками учебной деятельности. Наличие же у обучаю-

щихся желания изучать иностранный язык и сформированность умения интеллектуальной деятельности при помощи четкого выполнения самостоятельных работ создадут, в свою очередь, необходимые предпосылки для развития у них познавательной активности.

Анализ научной и научно-методической литературы, изучение опыта работы преподавателей кафедры иностранных языков, анкетирование обучающихся привели к выводу о том, что основными факторами, стимулирующими познавательный интерес к овладению навыками чтения, являются страноведческая насыщенность и профессиональная направленность учебного материала, эмоциональная окрашенность текстов, разнообразие тем и жанров, аутентичность текстового материала, коммуникативная направленность заданий. А для этого преподавателю необходимо создать у обучающихся положительную мотивацию, помочь сориентироваться в цели чтения и выбрать соответствующую стратегию, определить доступные им уровни понимания и формировать более высокие.

Таким образом, внеаудиторное чтение как вид самостоятельной работы при изучении иностранного языка носит четко выраженный познавательный характер, является одним из способов сохранения и обогащения активного словарного запаса обучающихся. Совершенствование всех видов самостоятельного внеаудиторного чтения развивает интерес к иностранному языку, прививает обучающимся навыки дальнейшей самостоятельной работы с иностранной литературой по специальности, что, в свою очередь, является необходимым условием для эффективной профессиональной деятельности специалиста.

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЯХ В НАИМЕНОВАНИИ ЖИВОТНЫХ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Базавлук Л.М.,

к.филол.н., доцент кафедры
иностраннных и русского языков
Орловского юридического
института МВД России

В статье речь пойдёт о том, как проявляется одна из главных функций языка – номинативная (от лат. *nominatio* – «называние»), о том, что такое номинация и как возникают названия.

Уже античные философы в спорах искали истину: как соотносится вещь и её имя? Как происходит процесс именования вещей и явлений? Кто даёт, «устанавливает» имя?

В разных странах античного мира (Индия, Китай, Греция, Рим) учёные и философы пытались ответить на вопрос: как создавался язык, как возникли имена – «по установлению» или «по природе», то есть отражается в именах (словах) «природа», сущность вещей или же соответствие имени и вещи устанавливается кем-то произвольно¹?

В Древней Греции этот вопрос обсуждался на протяжении столетий. Многие известные мыслители пытались доказать свою точку зрения. В «Диалогах» Платона, сочинениях Аристотеля и других древнегреческих философов (Гераклита, Демокрита, Эпикура, их учеников) уже видны те пути, по которым пойдёт в дальнейшем изучение языка, осмысление и описание его природы и сущности наименований. Разные позиции античных философов и суть их спора хорошо видны в знаменитом Диалоге Платона «Кратил, или о правильности имён». Крупнейший древнегреческий философ Платон (428–348 гг. до н.э.) основал в Афинах кружок, школу, названную Академией (по имени сада, который получил своё название от имени легендарного героя Академа). Здесь в беседах со своими последователями и учениками Платон обсуждал разные вопросы философии и языка. В Диалоге «Кратил...» три действующих лица: философы Кратил (сторонник идеи «отприродности» имён) и Гермоген (сторонник идеи «уста-

¹ Выражения «установление имён» и «установитель имён» встречаются впервые в древнеиндийских священных книгах (ведах), язык которых – санскрит – стал предметом изучения не только учёных Древней Индии, но и современного языкознания, так как он считается «родоначальником» современных индоевропейских языков.

новления»), утверждающие каждый свою точку зрения, и мудрый Сократ, который как «третейский судья» руководит этим спором, задаёт вопросы, подводит участников к каким-то решениям, сам делает заключение, выводы. В начале беседы Кратил утверждает, что «у всего существующего есть правильное имя, врождённое от природы». Ему возражает Гермоген, говоря, что имя даётся по «установлению», произвольно, оно не предопределено природой вещей. Участники спора выносят на обсуждение прежде всего два вопроса: о связи имени и вещи и о связи имени и именуемого. Сократ подводит философов к выводу, что «изображению совсем нет надобности воспроизводить все стороны того, что оно отображает» и что «устанавливать имена дело не всякого мужа, но некоего творца имён... который реже других мастеров встречается среди людей». Среди других идей, которые Платон высказывает устами Сократа (учителя Платона, считающегося одним из родоначальников такого метода диалектики, как отыскание истины путём постановки наводящих вопросов), важна мысль о том, что «одни имена составлены из более первичных, а другие являются первыми ...».

Интересно, что Платон, рассматривая в этом Диалоге разные точки зрения на происхождение имён, сам в итоге не соглашается ни с одной из них. Почему же это сочинение до сих пор ценится учёными-языковедами? Дело в том, что в Диалоге «Кратил...» отражены все известные во времена античности взгляды на природу языка и языковое творчество и поставлены те вопросы, на которые впоследствии будут стремиться ответить учёные разных стран и эпох, выдвигая свои гипотезы происхождения слова, имени, разных языков¹.

На многие вопросы, связанные с возникновением названий, с проблемой языковой номинации, нет однозначного ответа и в наши дни. Поэтому учёные – не только лингвисты, но и специалисты в области этнографии, социологии, биологии, психологии – продолжают изучать эти «вечные вопросы»: как осознаётся и отражается языком окружающий мир (то есть как соотносятся стороны «треугольника»: действительность – мышление – язык), может ли влиять на язык один человек или только общество в целом, как исторический опыт, культурная и социальная жизнь народов отражается в языковой номинации?

Наука показала, что язык – это своеобразная система знаков, в ней выделяются «знаки-наименования» (к номинативным, то есть называющим, единицам, прежде всего, относится слово) и «знаки-сообщения» (высказывания). У человека (человечества) в процессе его исторического развития в результате познания окружающей действительности (разных явлений, вещей, их свойств, признаков, процессов) возникали представления, складывались понятия, создавался «мир образов», отражающий существующий предметный мир. И объектом номинации по сути выступал не конкретный, единичный предмет, а «типизированный», обобщённый образ этого предмета, класс предметов.

Итак, слова – это единицы языка, служащие для наименования, номинации предметов, лиц, процессов, свойств. Понятие «номинация» (называние, наименование) включает в себя и процесс (называние), и результат (название, имя). Что же такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак.

Очень часто этот признак не является главным и не выражает сущности предмета, явления, но языковая традиция закрепляет наименование, и оно начинает жить в языке активной самостоятельной жизнью. Всем, например, известна маленькая серая птичка, удивительным пением которой мы не раз наслаждались поздним вечером или на заре ранней весны. Но имя соловей получил по цвету серенького оперения, а вовсе не из-за своего главного таланта. В разных славянских языках названия этой птички похожи (в польском – *słowiak*, чешском – *slavík*, болгарском – *славей*, *славик*) и связаны с праславянским корнем *солв-* (от * *solъvъ* – «жёлто-серый»). Здесь сделана небольшая отсылка в историю.

Как известно, русский язык относится к группе родственных славянских языков (наряду с украинским, белорусским, польским, чешским и другими). Когда-то существовал единый язык славян (его называют праславянским), на основе которого впоследствии развились от-

¹ Об истории возникновения таких теорий см., например, в учебнике А.А. Реформатского «Введение в языкознание» (М., 1960).

дельные славянские языки¹. Очень многие русские слова свою «биографию» начали в те далёкие времена, в этом едином праславянском языке. К таким названиям относятся не только *соловей*, но и *голова*, *город*, *зима*, *земля*, *зерно*, *зверь*, *иней*, *камень* и мн. др. Имея общий корень, эти слова получили в разных славянских языках разное грамматико-фонетическое оформление. Например, русскому слову *голова* соответствует болгарское *глава*, польское *głowa*, чешское *hlava*. В русском языке – *зерно*, в болгарском – *зърно*, в чешском – *zrno*, в польском – *ziarno*. К одному корню (индоевропейскому) восходят русское слово *камень*, болгарское *камен*, чешское *kámen*, польское *kamień*.

Устанавливать такие родственные связи помогает наука о происхождении слов – этимология (от греч. *etymologia*, из *etymon* – «истина» и *logos* – «слово, учение»). Существуют особые этимологические словари, они приводят сведения о происхождении слов и помогают учёным «отыскивать» те первые «признаки» предметов, на которые обратили внимание люди, создавая названия. Можно привести здесь ещё один показательный пример. Русское слово *заяц* этимологически связано с глаголом *скакать*, восходит к праславянскому корню **zajęśь*, поэтому близки «русскому» зайцу болгарский *заец*, чешский *zajíc*, польский *zająć*, который в свою очередь связан с индоевропейским корнем **ghai*→*zaj* – «прыгать, скакать». Интересные данные приводятся в «Этимологическом словаре русского языка» известного этимолога М. Фасмера (пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. – СПб., 1996. – Т. II. – С. 84). Фасмер считает, что первоначальное значение зайца – «прыгун», и эта черта издревле связывает такие названия, как *конь* в древнеиндийском и *козёл* в латинском языке. На этих примерах видно, что и в некоторых языках признак «прыгучести» тоже был отмечен, но лёг в основу других названий. Кстати, нашего «прыгуна»-зайца другие народы называли по иным замеченным признакам. Так, в немецком языке заяц *Hase* имеет связь с названием цвета «серый», в некоторых диалектах венгерского языка заяц *fűles* происходит от *fűl* – «ухо».

Это отступление было сделано для того, чтобы стали понятнее пути возникновения наименований, причины сходства и различий названий в разных языках.

Вернёмся снова к «соловью». В немецком языке его называют *Nachtigal* (от *Nacht* – «ночь» и *gallen* – «петь»), в финском *satakiele* (буквально – «сто языков»). Ещё пример из «мира животных»: имя небольшого лесного зверька с пушистым хвостом – *белка* – связано с древнерусским корнем *бѣл-* – «белый» (первоначально так называли только одну из разновидностей этого зверька – белых «белок»), а вот греки отметили другой признак и образовали название от слов *тень* и *хвост* («тот, кто делает тень хвостом»).

Можно продолжить эти удивительные истории разных названий. Например, давайте вспомним «родословные» *медведя* и *снегиря*:

Медвѣдь, укр. *медвідь*, болг. *медвѣд*, сербохорв. *мѣдвјед*, словен. *médved*, чеш. *medvěd*, польск. *niedźwiedź*. || Праслав. **medvĕdъ* (первонач. «поедатель мёда», от *мѣд* и **ĕd-*). Ср. др.-инд. *madhuvád-* «едающий сладкое», лит. *mės-ėdis* «тот, кто ест мясо» (3: Т. II. – С. 589).

Снигѣрь, обычно *снегѣрь*, укр. *снігѣрь*, *снігѣрь*, *снигѣрь*. В семантическом отношении ср. чеш. *sněhule* – птица «подорожник зимний», польск. *śniegula* – то же, лит. *snieginis* «снегирь», буквально «снежный», лтш. *sniedze* «снегирь», нем. *Schneeammer* «белая куропатка» (3: Т. III. – С. 698).

Как же возникают названия? От чего зависит выбор признака наименования и почему всё-таки разные народы по-разному называют одни и те же предметы и явления окружающего мира?!

На эти вопросы может помочь ответить сам язык и окружающая действительность, так как причины лежат и вне языка, и в самом языке. К внеязыковым, «экстралингвистическим» причинам прежде всего относятся условия жизни разных народов, населяющих нашу землю. Номинация связана с национальными традициями, историей, культурой и в немалой степени зависит от географической среды, места проживания народа и даже от климата. Не менее важную роль играют и причины внутриязыковые: в зависимости от внутренних законов развития,

¹ Праславянский язык выделился из ещё более древнего – индоевропейского языка, на котором говорили люди, населявшие когда-то территорию от Индии до Европы (откуда и название «индоевропейский»). Как предполагают учёные, праславянское языковое единство распалось в V–VII вв. н.э.

от лексических, смысловых, словообразовательных связей в каждом языке используются свои средства и способы наименования, создаётся своя система номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голанова Е.И. Как возникают названия. М.: Просвещение, 1989. С. 9-14.
2. Леонтьев А.А. Мир человека и мир языка. М., 1984.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. СПб.: Терра – Азбука, 1996.

ЯЗЫКОВОЕ НЕСООТВЕТСТВИЕ В КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕКСТАХ ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО КАК ВОЗМОЖНЫЙ ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО-АНОМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Болохонцева Н.М.,

преподаватель кафедры иностранных
и русского языков Орловского
юридического института МВД России

Общение – это рационально оформленный, целенаправленный информационный обмен между людьми. В идеале обмен информацией должен осуществляться в подготовленной форме, иметь свои единицы, структуру и план, быть осмысленным как нечто целое, то есть весь процесс общения должен состоять из подготовленных и осмысленных частных высказываний, которые можно понять. Словесное выражение информации с обеих сторон должно удовлетворять требованиям определенного кода – оно должно осуществляться на отдельном языке, содержать известные всем участникам общения языковые единицы и конструкции. Общение должно удовлетворять требованиям информационной содержательности с обеих сторон [8, 10].

Собеседник всегда должен быть нами «прочитан», то есть, воспринят органами чувств, выделен из других, у него должны быть отмечены нами индивидуальные признаки, к нему должно быть сформировано определенное отношение – со знаком плюс или минус. Например, когда мы говорим коллеге или незнакомому человеку «У вас что-то случилось?», «Вы себя плохо чувствуете?», «Вам нужна помощь?», это значит, что мы его «прочитали» и индивидуализировали [8, 9].

Все более актуальным становится вопрос развития коммуникативных «навыков» личности, становится ясно, что культуре общения, так же как и чтению, письму и счету, необходимо обучаться. Коммуникативная обученность необходима каждому, так как ошибки в коммуникации способны доставить большие неприятности в нашей и без того нелегкой жизни (например, сильно снизить качество делового общения и, как результат, явиться причиной неудачи при заключении какой-нибудь важной сделки). Под термином «культура речи» принято понимать такой набор и организацию языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач [7, 10]. В культуре речи выделяют два основных фактора: соблюдение общепринятых языковых норм и речевых установок рационального коммуникативного взаимодействия; особенности индивидуального стиля речи.

Таким образом, находясь в обществе и стремясь к бесконфликтному общению, коммуникант пытается соблюдать «общую линию» речевого поведения, принятые нормы и условности общественной жизни, самым непосредственным образом влияющие на характер речевого поведения. Особенно много усилий в данном направлении приходится приложить человеку, оказавшемуся в иноязычном обществе, бесконфликтность общения в котором также требует наличия у коммуникантов компетентности, которая в данном случае будет являться межнациональной. Межнациональная компетенция является своего рода «интеграцией речевых поступков и внеязыковых знаний и включает в себя языковую и – шире – коммуникативную компетенцию, знание чужой культуры» [5, 6]. В центре внимания находятся прагматические умения, включающие в себя способность самостоятельно устанавливать контакт, вступать в речевое общение, поддерживать его и завершать, соблюдать социальные нормы и речевой этикет носи-

телей чужой культуры. Отсутствие этих знаний и умений может привести к коммуникативным неудачам в общении с собеседником-иностранцем.

Важно отметить, что при помощи речи осуществляется кодирование и декодирование информации: адресант в процессе говорения кодирует эту информацию. Точность понимания слушающим смысла высказывания может стать очевидной для адресанта лишь тогда, когда произойдет смена «коммуникативных ролей», т.е. когда адресат превратится в адресанта и своим высказыванием даст знать о том, как он раскрыл смысл принятой информации [1, 376].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что вербальное высказывание имеет большую потенциальную возможность воздействия на собеседника. Необходимо лишь уметь грамотно построить свою речевую стратегию, быть коммуникативно-грамотным, чтобы добиться коммуникативной цели в общении, то есть, чтобы общение было эффективным. Для этой цели необходимым (но недостаточным) фактором является также наличие у коммуникантов коммуникативной компетентности, а также, справедливо выделенной К.Ф. Седовым, способности к кооперации (что некоторым образом перекликается с принципом Кооперации Г.П. Грайса).

Однако коммуникация не всегда протекает бесконфликтно. Иногда по той или иной причине в диалоге могут возникнуть разногласия, недопонимание или спор. Какими же факторами обусловлено появление коммуникативно-аномальных ситуаций. Для решения данной проблемы необходимо для начала рассмотреть составляющие коммуникативного акта как единицы коммуникации. На наш взгляд, одна из наиболее удачных и развернутых моделей коммуникативного акта предложена Б.Ю. Городецким, который выделяет следующие его составляющие: 1) коммуниканты; 2) коммуникативный текст; 3) процессы вербализации и понимания; 4) обстоятельства коммуникативного акта; 5) практические цели; 6) коммуникативные цели.

Если взять модель коммуникативного акта, предложенную Б.Ю. Городецким, то можно предположить, что каждая из ее составляющих может быть потенциальной причиной возникновения коммуникативных дискомфортных ситуаций. Например, Л.П. Семенов, учитывая, что каждый из шести компонентов акта общения может при тех или иных условиях выступить в качестве потенциального источника коммуникативного дискомфорта, выделяет шесть типов дискомфортных коммуникативных ситуаций [6, 73-80]. Такое разграничение весьма условно, поскольку все перечисленные компоненты существуют в тесном взаимодействии и лишь в абстракции могут считаться предметом самостоятельного анализа, но мы считаем обоснованной классификацию дискомфортных коммуникативных ситуаций Л. П. Семенова, основанную на принадлежности к тому или иному компоненту речевого акта в рамках концепции Б. Ю. Городецкого. Мы же в своей статье рассмотрим коммуникативный текст как одну из сфер возникновения разногласий между коммуникантами.

Согласно автору рассмотренной модели, коммуникативный текст состоит из речевых произведений, создаваемых коммуникантами. Вербализация есть переход от коммуникативной потребности к тексту, а понимание – извлечение из текста определенной информации. Понимание возможно, если участники коммуникативного акта используют один и тот же код и в состоянии правильно кодировать и декодировать информацию. Необходимо отметить, что коммуникативное поведение зависит от того, что находится вне текста. Но текст, в свою очередь, становясь элементом дискурса, влияет на последующее коммуникативное поведение участников общения.

Когда же возможно возникновение коммуникативно-аномальных ситуаций в сфере коммуникативного текста. Очевидно, что одним из потенциальных факторов появления разногласий в данной сфере является языковое несоответствие в коммуникативных текстах говорящего и слушающего. Данную область И.А. Стернин определяет как фактор языкового оформления, а Н. Ф. Муравьева как сферу кода. Последняя трактовка ближе цели нашей работы, так как она затрагивает более широкий круг понятий. Итак, возникновение коммуникативных аномальных ситуаций в сфере коммуникативного текста (или в сфере кода) связано с использованием языка как основного средства общения.

Интересна позиция Б.Ф. Поршнева, который выделяет непонимание в четырех сферах: 1) фонетической (непонимание возникает из-за использования неопознаваемого адресатом набора фонем); 2) семантической (непонимание возникает из-за использования неопознаваемой адресатом семантики, из-за расхождения тезаурусов адресанта и адресата); 3) стилистической (непонимание возникает из-за несоответствия между формой и содержанием общения); 4) ло-

гической (непонимание возникает из-за разного рода погрешностей в сообщении, из-за расхождения в «логиках» адресанта и адресата). Несмотря на некоторую непоследовательность в рассуждении автора, важно то, что он заостряет наше внимание на сфере кода как источника возникновения недопонимания, провоцирующего коммуникативно-аномальные ситуации.

Таким образом, некоторые расхождения в отношении коммуникативного текста собеседников (который мы относим к сфере кода) способны стать причиной коммуникативного дискомфорта. Чтобы обладать как можно более схожим кодом (даже при условии, что собеседники пользуются одним языком, например, русским), коммуникантам требуется единство языкового опыта, приблизительная тождественность объема памяти, единство представлений о норме, языковой референции и прагматике. Полной идентичности в отношении данных понятий невозможно достичь, следовательно, в диалогах возможно возникновение коммуникативно-аномальных ситуаций, обусловленных различиями, касающимися сферы коммуникативного текста.

Рассмотрим пример возникновения коммуникативно-аномальной ситуации, обусловленной неким языковым несоответствием в коммуникативных текстах говорящего и слушающего.

– И зачем говорить, чтобы вы смотрели за его господином в оба? Что-то здесь не так. Не могли бы вы припомнить, какие именно слова он произнес?

– Очень хорошо запомнил. «Вы смотреть лучше сегодня». Каждое слово по очереди выживал из лексикона.

– Хм. А как это было по-английски? You ...watch out today?

– Нет, как-то по-другому. – Я нахмурил лоб, роясь в памяти. – Что-то такое на букву «б».

– На «б»? Better?

– Да, именно так!

– Ну-ка, попробуем восстановить английскую фразу. «Вы» – это you, «смотреть» – это see или look, потом better, «сегодня» – это today. «You see better today» – это бессмыслица. Стало быть, получается «you look better today».

– Да правильно! Те самые слова! – обрадовался я.

Эраст Петрович развел руками.

– Тогда, Зюкин, вынужден вас разочаровать; это вовсе не рекомендация получше следить за Линдом, а выражение, означающее «Сегодня вы выглядите лучше».

– Всего лишь? – разочаровался я.

– Увы. Вы с мистером Фрейби стали жертвами буквального перевода.

[Акунин, 214]

Рассматриваемый диалог иллюстрирует возникновение недопонимания в процессе общения по причине некоторых расхождений в сфере кодирования и декодирования информации. Очевидно, что один из собеседников, являясь носителем английского языка и владея им в совершенстве, произносит фразу, смысл которой трактуется вторым собеседником неправильно, что провоцирует создание коммуникативно-аномальной ситуации, а именно, «ложного» коммуникативного комфорта. Оба собеседника уверены, что их общение успешно, однако тот факт, что слушающий неточно декодирует реплику говорящего, позволяет нам утверждать, что это «ложный» комфорт в коммуникации.

Таким образом, мы видим, что языковое несоответствие в коммуникативных текстах говорящего и слушающего действительно может послужить причиной возникновения коммуникативно-аномальных ситуаций, в том числе ситуаций «ложного» коммуникативного комфорта. Возможно, в данном случае возникновение недопонимания можно было бы избежать, если бы говорящий более четко формулировал свои мысли и не допустил бы возможности двусмысленного толкования сказанного (глагол «to look» имеет несколько значений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1996. 376 с.
2. Городецкий Б.Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. М.: Центр. совет филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 39-56.

3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. Сборник; перевод с англ.; ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.
4. Муравьева Н.В. Язык конфликта. М.: Издательство МЭИ, 2002. 264 с. // <http://www.rusexpert.ru>.
5. Недобух А.С. Формирование межкультурной компетенции. 1999. <http://homepages.tversu/~susov/index.html>.
6. Семененко Л. П. Аспекты лингвистической теории монолога. Московский государственный лингвистический университет // Кафедра лингвистической семантики. Москва: 1996.
7. Скворцов Л.И. Культура речи // ЛЭС. М., 1991.
8. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие, Воронеж: Истоки, 2001. 245 с.
9. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London–N.Y.: Longman, 1983. 250 с.
10. Ширяев Е.Н. Что такое культура речи // Русская речь. 1991. №4, 5.

ЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ НА УРОВНЕ ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ЭКСПРЕССИОНИСТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И БЕРНГАРДА КЕЛЛЕРМАНА)

Бондарева Н.А.,
к.филол.н., старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Орловского государственного института
экономки и торговли

Экспрессионистские тенденции в творчестве Леонида Андреева проявились по времени раньше, чем у его немецких коллег. Путь Андреева был несколько иным, чем тот, по которому позднее пошли В. Газенклевер, А. Лихтенштейн, Э. Штадлер, И. Бехер: уже первые их произведения были новыми, необычными и по содержанию, и по форме. Находясь под сильнейшим воздействием творчества Дюрера, Леонид Андреев решает написать трилогию о человеке и человечестве. Уже в октябре 1906 года первое произведение из этого цикла было завершено, это - «Жизнь человека».

Немецкие читатели и критика были хорошо знакомы с отдельными произведениями русского писателя, в том числе и с теми, где отчётливее всего выделяются экспрессионистские тенденции. Исходя из имеющихся подтверждений популярности произведений Андреева в Германии, есть основание предполагать, что немецкие писатели - экспрессионисты читали произведения Андреева, видели его драмы на сцене, возможно, именно Л. Андреев оказал влияние на некоторых из них, что побудило их невольно использовать мотивы андреевского творчества в своих экспрессионистских произведениях. Во всяком случае, сравнивая экспрессионистские произведения (или определённые тенденции в них) немецких авторов (И. Бехера, Ф. Толлера, Г. Кайзера, Б. Келлермана, В. Борхерта) с произведениями Андреева, созданными по времени раньше, поражаешься удивительной перекличке мыслей, образов, идей, приёмов.

Немецкие экспрессионисты и русский писатель стояли у истоков данного направления. Художественный метод Бернгарда Келлермана (1879 - 1951) так же, как и художественный метод Леонида Андреева, не определён до конца. Переклички на уровне содержания и формы в их произведениях очевидны.

Трагедию человека в мире Андреев и Келлерман раскрывают идентичными художественными средствами, извлекая их из арсенала экспрессионистов, цель которых - выразить чувственное ощущение, субъективную интерпретацию события, человека.

Портрет Ллойда (Келлерман): «Лицо Ллойда напоминало морду бульдога. Нижняя челюсть была несколько выдвинута вперёд, ноздри представляли собой круглые дырки; слезящиеся, воспалённые глазки были косо врезаны в смуглое, высохшее и неподвижное лицо. Он был совершенно лыс. Отвратительные лишай изъели и высушили шею, лицо и голову Ллойда: вялые мускулы и табачного цвета кожа обтягивали кости» [3, 30].

Елеазара (Андреев, «Елеазар»): «На висках Елеазара, под его глазами и во впадинах щек лежала густая землистая синева; так же землисто-сини были длинные пальцы рук, и у выросших в могиле ногтей синева становилась багровой и тёмной. Кое-где на губах и на теле лопнула кожа, вздувшаяся в могиле, и на этих местах оставались тонкие красноватые трещинки, блестящие, точно покрытые прозрачной слюдой. И тучен он стал» [1, II, 192].

Пейзаж:

«Город неистовствовал, кричал, свистел, стрелял, звенел. Из центра этого бушующего, дымящего, белого, заваленного мусором города днём и ночью поднимался чудовищный столб пыли. Он образовывал облако, подобное тем, какие бывают при вулканических извержениях. Этот столб, придавленный верхними слоями атмосферы, имел форму гриба, и воздушные течения отрывали от него облачные клочья» [3, 58].

«Всё пустынное, всё теснее, всё уже становились улицы, по которым я двигался бесцельно, тускло бороздя неподвижный, удушающий жар. Это уже не были те широкие, прямые улицы - аллеи, которые дают иллюзию воздуха и простора, это были изогнутые, узкие коридоры с отвесными стенами, подпирающими небо, каменные трещины, полные заколдованных неотпирающихся дверей, обманчивые пути, заводящие в ловушку» [1, III, 25].

Описание людского «безличья», толпы, «серой массы»:

«Вот уже показались люди - серая тысячеголовая движущаяся толпа... Это была целая армия, двигавшаяся плечом к плечу по серому пустырю... Толпы рабочих горланили, свистели, хохотали, все рты были искажены усилием, - они старались производить как можно больше шума» [3, 170].

«Помню, что сперва, по выходе из отеля, я отдался толпе. И она подхватила меня и понесла вдоль каменных домов... Я двигался. Как и все; и как бы я ни шёл, быстро или медленно, и что бы я ни делал: останавливался ли у витрин и разглядывал выставленные вещи, ожидал ли на перекрёстке удобной минуты, чтобы под мордами лошадей и перед толстыми колёсами дрожащих автомобилей перескочить на другую сторону... - я роковым образом отражал движения и поступки других, толпы; я удваивал, утраивал их, повторял бесконечно» [1, III, 21].

Гротесково представлена реальность, превращающаяся в метафору. У Келлермана - «тысячи человек», «бесконечные поезда с материалами», «грандиозный барачный город», «полчища крошечных паровозиков», «стотысячная армия рабочих», «тысячи газет», «бесконечный поток камней». У Андреева - «тёмными, чуждыми массами подымались строения», солнце «огромно и страшно», «странные и страшные шары» вместо голов, «тридцать тысяч трупов», «копошились чудовищные уродцы - дети с головами взрослых убийц», «тёмно-красное поле», покрытое трупами («Красный смех»).

Характерной чертой экспрессионизма стал приём противопоставления различных миров: отцы - дети, мужчина - женщина, правда - ложь, жизнь - смерть. В романе Б. Келлермана «Девятое ноября» отчётливо изображены два поколения, два мира. Мир отцов - в образе центрального персонажа романа генерала фон Гехт-Бабенберга, и мир детей, то есть нового поколения, в лице его сына Отто, дочери Рут и её друга Аккермана. В обрисовке характера генерала проявилось мастерство писателя, развенчавшего одного из типичных представителей немецкой военной верхушки того времени. Это родовитый помещик, потомственный прусский офицер. Он с десятилетнего возраста «...носил платье военного образца. Штатский костюм он надевал очень редко... В десять лет он стал кадетом, в 18 - лейтенантом, потом - капитан, майор, подполковник и полковник, командующий полком» [2, 286]. Всё поведение его диктуется ненавистью к простым людям, презрительным отношением ко всем стоящим рангом ниже его: «Хотя его отделяло от них всего лишь окошко лимузина, они - эти люди, с их зонтами, пальто, калошами, бородами, очками, - были далеки ему, как существа с другой планеты, казались почти нереальными!» [2, 286].

Для него это были не люди, это был хаос, масса, «в которой бродили странные шальные идеи, бесплодные и опасные страсти. Поступки её бессмысленны, непонятны» [2, 286]. У них не могло быть ни идеалов, ни высоких стремлений, только голод, чувственность, жажда денег. Для него это была бесформенная масса, из которой власть имущие лепили, что хотели и черпали то, что им было необходимо. Мир генерала был населён существами, облачёнными в военную форму и «...сходящими в могилу под орудийные залпы. Эти существа двигались по опре-

делённым законам. Они проходили широкими длинными колоннами, как морской прибой, или стояли в строю тысячеголовыми уступами, точно высеченные из камня» [2, 288].

У представителей мира генерала не было собственной жизни, собственных мыслей, имён, лиц, сердец. Они приводились в движение «немногими избранниками, вдыхавшими в них жизнь». Другими словами, это были солдаты, оружие в руках сильных мира сего, тех, кто стоял у руля мировой истории.

В то же время в морях крови рождался новый мир. В качестве антипода генерала и зачастую его сознательного противника в романе выступает новое поколение, представленное в произведении, главным образом, Аккерманом, а также сыном генерала Отто и дочерью Рут. Эти миры так различны. Генерал сам прекрасно понимает это: «Непонятно. Непостижимо. Более молодые, чем он, делали, как он опять-таки часто говаривал, мировую историю. Никому не известные люди, без роду и племени, шли в гору. Таковы были времена, чтобы не сказать попросту - конъюнктура. Сколько знал он бездарных дураков...» [2, 304].

Различны были и стремления, мечты этих двух поколений. Каждый раз под аркой Бранденбургских ворот у генерала возникало видение возвращающихся на родину победоносных армий, «он словно наяву слышал гул шагов, видел катившиеся среди чёрной человеческой массы пушки, увенчанные лавровыми венками... Крики ликующей толпы, на трибунах машут белыми платочками, - если было в жизни генерала что-либо глубоко волнующее его, по-настоящему волнующее, так это вышеописанная мечта. Без сомнения, это будет счастливейший день в его жизни!» [2, 112].

А Отто, напротив, не видел никаких пушек, увенчанных лаврами, «ему и в голову ничего подобного не приходило». Ему хотелось наконец-то мира и спокойствия: «Да, это была жизнь, и он хотел впитаться в неё зубами, как тигр в газель, обеими руками мять и рвать её, как кровоточащее мясо... Он хотел урвать от жизни всё, что возможно. Он хотел полностью возместить себе все эти так злополучно растраченные четыре года. День за днём...» [2, 409].

В «Жизни Василия Фивейского» представлены два мира: мир отца Василия и остальных людей, окружающих его: его жена, сын - идиот, дочь, церковный староста Иван Копров, Семён Мосягин. Каждая служба в церкви, как и вся жизнь, представляются ему казнью, «где палачами являются все: и бесстрастное небо, и оторопелый, бессмысленно хохочущий народ, и собственная беспощадная мысль» [1, I, 489].

Он один в своем мире, и, возможно, только истовая вера дала отцу Василию силы пережить преследовавшие его несчастья: смерть сына, рождение другого сына - идиота, пьянство жены и её страшную гибель во время пожара.

Ареной борьбы абстрактных сил является Человек, он всегда в центре внимания обоих писателей. Он - часть страшного мира, его жертва и, одновременно, оружие зла, поскольку является виновником великих бед, развязывая страшную войну, приносящую столько жертв («Красный смех»), нарушая «закон жизни, согласно которому человек должен прожить на земле отведённое ему время («Губернатор», «Рассказ о семи повешенных»), превращая человека в раба («Так было»).

Персонажи Андреева, находящиеся в вечном разладе с собой и всем миром, страдающие и непонятые окружением, заставляют вспомнить героев Келлермана. Раздвоенность определяет строй души их персонажей, она же становится подчас и первопричиной больших и малых трагедий. Молодые по летам, его герои, равно как и герои Келлермана, ощущают себя стариками: «Вот он - счастливый юноша. Смотрите, как ярко пылает свеча!.. Но убывает воск, съедаемый огнём. Но убывает воск. Вот он - счастливый муж и отец... Вот он - старик, больной и слабый. Уже кончились ступени жизни, и чёрный провал на месте их, - но всё ещё тянется вперёд дрожащая нога. Пригибаясь к земле, бессильно стелется синеющее пламя, дрожит и падает, дрожит и падает - и гаснет тихо. Так умрёт человек...» [1, II, 443].

Читая эти строки, вспоминаешь главного героя романа Б. Келлермана «Туннель» Мака Аллана: «Аллан начал постройку молодым человеком, теперь это был старик с белоснежными волосами, бледными, несколько дряблыми щеками и добродушными голубовато-серыми глазами» [3, 260].

Следует вновь обратиться к образу генерала фон Гехт - Бабенберга из романа Б. Келлермана «Девятое ноября». Субъективная честность уживалась в нём с глубокой аморальностью, добропорядочность с беспредельной жестокостью и подлостью. Он был настолько предан

себе и своему миру, что, казалось, он таким и родился. «Стремительно поднимался он по лестнице военной карьеры, от звания к званию, но ему казалось, что он всегда оставался всё тем же, менялись лишь знаки различия. Его мир, его мировоззрение, его понимание своих служебных обязанностей, своего долга, отношение к начальству, религии, фатерланду никогда не менялись. От лейтенанта до генерала. По-настоящему он никогда не чувствовал себя молодым. Даже когда был кадетом. Никогда не был молод, и вот уже - старик» [2, 123].

Пронзительно звучит у обоих писателей тема неприкаянности и одиночества героев. Мак Аллан («Туннель») одинок, несмотря на то, что он постоянно окружён людьми: коллегами, рабочими, семьей, корреспондентами и просто зеваками. Особенно остро осознаёт он это после гибели жены и дочери. Студент Аккерман («Девятое ноября») и сын генерала остро ощущают свою неприкаянность. Генерал фон Гехт - Бабенберг тоже одинок, хотя это одиночество несколько другое. Ему просто никто не нужен. Он существует один в своём мире и не тяготится этим.

Исповедальность - одна из характерных черт произведений Леонида Андреева и Келлермана («Ложь», «Красный смех» Андреева; «Йестер и Ли» Келлермана). Повествование ведётся от первого лица («Ложь», «Красный смех»), в форме дневника, письменного свидетельства о себе. Рассказ «Ложь» построен как монолог. Внешнее отсутствие так называемого посредника (автора) между героем и читателем даёт возможность Леониду Андрееву добиться максимальной субъективности повествования, и это делает чувства героя более яркими и понятными читателю. Функции повествователя передаются герою - рассказчику; события даются не в авторской интерпретации, а в понимании рассказчика. Таким образом, повествование доверяется одному из очевидцев событий, не претендующему на всезнание, не имеющему возможности постичь весь сложный комплекс причинно-следственных связей. В итоге читатель не имеет общей картины действительности, но её неполнота компенсируется яркостью отдельных аспектов. Этой же цели подчинена и композиция произведения.

Чрезвычайно важной особенностью экспрессионизма, в том числе и произведений Келлермана и Андреева, является контрастность. Автор - экспрессионист мыслит контрастными категориями: жизнь - смерть, правда - ложь, свет - тьма. Контраст становится принципом построения произведения, пронизывает все уровни текста. Однако контраст служит иногда для цели не совсем обычной: автор совмещает несовместимые понятия, добиваясь при этом усиления действия приёма. Основное противоречие произведения автор - экспрессионист воплощает в двух рядах образов, противопоставленных друг другу. Основным контрастным образом в рассказе «Ложь» является героиня. В сознании героя она обретает земные черты - и тогда она вполне реальная женщина, то теряет их - и тогда она ложь. Благодаря этому приёму рассказ, в котором отсутствуют какие-либо последовательные действия, воспринимается как динамичное повествование.

Мир писателя - экспрессиониста в основном чёрно-белый: «Некто в сером... Подобие большой правильно четырехугольной, совершенно пустой комнаты, не имеющей ни двери, ни окон. Всё в ней серое, дымчатое, одноцветное: серые стены, серый потолок, серый пол. Из невидимого источника льётся ровный, слабый свет - и он также сер, однообразен, одноцветен, призрачен и не даёт ни теней, ни светлых бликов. Неслышно отделяется от стены прильнувший к ней Некто в сером. На Нём широкий, бесформенный серый балахон, смутно обрисовывающий контуры большого тела; на голове Его такое же серое покрывало, густою тенью кроющее верхнюю часть лица... То, что видимо: скулы, нос, крутой подбородок, - крупно и тяжело, точно высечено из серого камня» [1, II, 91]; или: «И в молчании гаснет свет, и мрак объемлет Его и серую пустую комнату. ...глубокая тьма, в которой всё неподвижно. Как кучка серых притаившихся мышей, смутно намечаются серые силуэты Старух... Чувствуется бесконечный тёмный лес» [1, II, 96].

Если в этот чёрно-белый мир и врываются краски, то это обязательно краски яркие, тревожащие, лишь подчеркивающие общий чёрно-белый характер жизни. В романе Келлермана «Девятое ноября» уже на первой странице появляются яркие краски, они служат для создания чувства напряжённости: «... и только какому-то писарю удалось в самую последнюю минуту нырнуть в швейцарскую: на верхней площадке лестницы зардели ярко-красные отвороты генеральской шинели» [2, 6].

В «Туннеле» преобладают в основном тёмные «грязные» краски, но иногда в мрачную картину врываются яркие тона: «Её круглую голову украсили огненно-красным париком, сделанным из старого мешка, белые зубы были намалёваны краской. Из попоны смастерили балахон, напоминавший известное всем коричневое пальто Мака... Голова этой куклы была бурого цвета, глаза и челюсти были разрисованы в отвратительные цвета» [3, 16].

И Андреев, и Келлерман совмещают, кажется, несовместимые понятия войны и мира. Вообще, данной теме в творчестве этих двух писателей отведено значительное место. Леонид Андреев делит произведение «Красный смех» на две части, создавая своеобразную систему рассказчиков. Одна часть - чувственное восприятие войны: «... безумие и ужас. И тут впервые я почувствовал это... И тут не я один, а все мы, почувствовали это. Оно шло на нас с этих тёмных, загадочных и чуждых полей; оно поднималось из глухих чёрных ущелий, где, быть может, ещё умирают забытые и затерянные среди камней, оно лилось с этого чуждого, невиданного неба» [1, I, 32].

А вторая часть - рациональная: «Нет уже более смертоносной жары, ни этого страха, ни усталости. Мысли мои ясны, представления отчётливы и резки; когда, запыхавшись, я подбегаю к выстраивающимся рядам, я вижу просветлевшие, как будто радостные лица, слышу хриплые, но громкие голоса, приказания, шутки» [1, I, 25].

Это характерный для Леонида Андреева приём: он часто сталкивает в своих произведениях разум и инстинкт, но в «Красном смехе» они не противостоят друг другу: рассказ имеет подзаголовок «отрывок из найденной рукописи». Обрывки фактов, мыслей, чувств создают ощущение бессвязности. Рассказчик не способен собрать воедино свои впечатления о войне. Автор же намеренно не пытается создать единую картину войны. Такая субъективная, раздробленная картина способна приблизить читателя к пониманию мятущейся души самого автора. Он погружает читателя в атмосферу войны, заражает его страхом, отчаянием, неверием в возможности человека. Всеохватывающая субъективная интерпретация реальности становится основным принципом построения текста. Этот принцип оправдывает тяготение Андреева к гиперболизации и абстрактности. Автор концентрирует внимание на собственной концепции мира, деформирующей действительность. В рассказе нет правды и лжи, поэтому нет достоверности и вымысла. Всё это субъективная интерпретация автора, который «растворяется» в своих героях, доверяет им свои собственные мысли и чувства.

Достаточно отчётливо прослеживается отношение самих авторов к войне: «Великие европейские державы довели свои принципы разбоя на большой дороге до гигантских масштабов. Опираясь на свои армии и флоты, эти рыцари наживы грабили страны земного шара, порабошили народы, жёлтые, коричневые, чёрные, а потом, завистливые и алчные, передрались друг с другом. Белая раса оказалась самой проклятой из всех, обитающих на планете. Она истребляла целые народы, но в своих зоологических садах бережно растила редкие виды газелей. Более того: рыцари наживы поработили собственные народы! ... они по всей Европе растаптывали Человека ежедневно, ежечасно, на протяжении сотен лет... Европа превратилась в гнойник, отравляющий земной шар» [1, II, 102].

В «Туннеле» Келлерман даже «выводит» закон войны – «Многие возвращались инвалидами, кое-кто погибал на поле битвы - таков закон войны!» [3, 106]. Война жестоко обошлась со многими из её участников. И даже те, которые сначала верили в правое дело войны, со временем эту веру утратили, как, например, случилось с Отто в романе «Девятое ноября». «Героическая смерть не привлекает его больше ни с какой стороны. Что за жалкий обман - сладостно и почётно умереть за свой фатерланд!» [2, 200]. И только юнцы ещё верили в этот обман или те, кто никогда не видел страшной смерти на поле боя. На самом деле это были фальшивые фразы, с помощью которых гонят других на бойню.

Среди отмеченных экспрессионистских приёмов, способствующих усилению гиперболически представленной идеи, не последнее место занимает звук. Как правило, звуки у экспрессионистов повторяются так же, как и краски, - вызывающие, неестественные, раздражающие душу автора - экспрессиониста и читателя. Через весь рассказ Леонида Андреева «Ложь» проходит фраза: «... и прямо в ухо моё смеялся кто-то запертый: хо - хо - хо» [1, I, 264].

Данный звуковой приём способствует усилению впечатления напряжённости при восприятии субъективной оценки ситуации автором. Часто - это смех, но не тот, что приятен и является показателем хорошего доброго настроения. Это безобразный смех, который уродует и

лицо, и вообще самого человека. В произведениях данных авторов смех - это особый найденный ими приём; он - это нечто не совсем естественное, это уже даже не эмоция, а результат пережитого и служит авторам для иной цели: с его помощью переданы не радость, а ужас, граничащий с помешательством, и смех воспринимается как нечто кошмарное, граничащее со смертью.

«Спасённый кивнул.

- Да, - я иногда слышал смех...

- Смех?

Все с ужасом переглянулись.

- Да, смех. И вполне естественно.

... и тут они вдруг услышали отдалённый резкий смех. Ничего более жуткого, чем этот смех в безмолвной, дымной штольне, им никогда не приходилось слышать. Они остолбенели и затаили дыхание... Смех становился всё отчётливее. Это был дикий, сумасшедший смех... Сквозь дым они увидели двух, трёх, четырёх человек, катавшихся по земле, плясавших, жутко кривлявшихся и всё время пронзительно, неестественно хохотавших» [1, I, 154].

Ещё один из повторяющихся «звучков» - крик, который слышится практически во всех произведениях Л. Андреева и во многих произведениях Б. Келлермана. Крик сам по себе крайне редко может нести положительный заряд, как правило, это либо высшая степень напряжённости, либо раздражения, беспомощности, страха, несостоятельности. У данных авторов - это результат борьбы, противоречий, раздирающих душу. Писатели - экспрессионисты намеренно искажают картину мира так, чтобы она соответствовала их собственному взгляду на жизнь. В таком случае крик, как определённый приём (впрочем, как и само экспрессионистское произведение), с одной стороны, эмоционален, так как рождён каким-то чувством и призван воздействовать на чувства, а с другой стороны, рационален, так как является логическим следствием определённой идеи автора. Таким образом, писатель - экспрессионист выполняет свою задачу - доносит до читателя собственное восприятие мира, воздействуя не столько на мысль, сколько на чувство. Это позволяет разбудить равнодушную толпу, спокойно живущего обывателя, не желающего замечать боли и страдания другого человека.

С точки зрения композиции отличительной чертой экспрессионистского произведения следует признать членение текста на отрывки, на относительно законченные и самостоятельные части («Ложь», «Красный смех», «Мысль» Л. Андреева и «Девятое ноября», «Туннель» Б. Келлермана). Отдельные отрывки, части, обрывки фактов, мыслей создают чувство бессвязности, неестественности пропорций, всё это подчинено одной цели - вызвать такой же беспорядок в душе и мыслях читателя. Автор - экспрессионист хочет достучаться до читателя пусть ценой его внутренней дисгармонии. Страдания и боль за судьбу человечества, ужас и страх, рождённый несправедливостями окружающего мира, - вот основа мировосприятия экспрессиониста.

Некоторые исследователи считают, что искусству экспрессионизма присуща ограниченность в постижении реальности даже в годы его наивысшего подъёма; экспрессионизм не предполагал изучения сложности жизненных процессов. Реальность рассматривается через призму характерных для экспрессионизма представлений: отрицание уродств жизни - вера в изначальную доброту людей, противостояние героя и толпы. Мод - жена Мака Аллана из романа «Туннель» - до самого конца не верит, что люди могут быть так жестоки, что они способны убить ни в чём не повинного человека. Герой «Жизни Василия Фивейского» - человек, верящий в добро вообще. Любовь к людям, вера в то, что они по природе своей добры, сочеталась и у Андреева, и у Келлермана с обострённым неприятием мира, в котором они жили. «Поверьте мне: я до иступления ненавижу современное культурное человечество, я не принимаю жизни, какая она есть, и никогда не приму...» - писал Леонид Андреев [4, 18]. И несколько позднее: «И моя вся суть в том, что я не принимаю мира, каким мне дали его наставники и учителя, а беспокойнейшим образом ставлю ему вопросы, расковыриваю, раскапываю, перевёртываю, перелицовываю...» [4, 132].

Отметим сходные признаки произведений Андреева и Келлермана. Экспрессионистское произведение рождено действительностью, но при этом действительность не является предметом изображения, она лишь толчок для создания образов, далеко не всегда имеющих к ней прямое отношение. Следствием подобного отношения к изображаемой действительности является обострённый взгляд автора на жизнь.

Особенность экспрессионистского мышления выражается и в соединении несовместимых для читателя понятий. С этой целью авторы - экспрессионисты обращаются к приёму контраста, но он в их произведениях не разделяет, а скорее, объединяет: автор совмещает противопоставленные понятия, добиваясь при этом усиления действия приема.

Сокращение дистанции между автором и повествователем до минимума приводит к тому, что взгляд на мир оказывается максимально приближенным к авторскому.

Членение текста на отрывки, на относительно законченные и самостоятельные части позволяет в какой-то степени совместить эпическое повествование с лирическим содержанием. В человеке постоянно борются рациональные и подсознательные силы. Действующее лицо, как правило, мало связано с окружающей средой: оно как бы приподнято над реальной действительностью.

Особое место отводится передаче цвета и звуков. Но при этом функции цвета и звука несколько необычны. Цветовой образ помогает читателю почувствовать сущность происходящего. Что касается звука, то очень часто одна мелодия проходит через всё произведение, отчетливо выявляя замысел писателя.

Жизнь у экспрессионистов воспринята в аспекте взвихренного движения, рождённого не только стремительным ритмом современной цивилизации, но и ощущением близившихся катаклизмов в истории, чувством трагической зависимости личности от социального бытия. Пересекаются ранее отграниченные ряды предметов и явлений: пугающую самостоятельность обретает мир вещей. Экспрессионизм с удивительной силой переживает сосуществование в природе живого и мёртвого, трагизм их взаимных переходов и столкновений. Отталкивающее и прекрасное, ничтожное и великое, вырождающееся и новое составляют целое в контрастном восприятии реальности. Экспрессионизм исходит из задачи постижения глубинной сущности жизни, скрытой поверхностным слоем «видимостей», миром отчуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6 т. / Л.Н. Андреев; [сост. и подгот. текста В. Александрова, В. Чувакова; коммент. В. Чувакова]. М.: Худож. лит., 1990-1995. В тексте диссертации ссылки на это издание даны с указанием тома и страницы.
2. Келлерман Б. Девятое ноября/ Л.: Время, 1934.
3. Келлерман Б. Туннель. Л., 1938.
4. Письма Леонида Андреева. Предисловие и послесловие Г. Чулкова. Л.: Колос, 1924.

НЕКОТОРЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ТРУДНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Быхун О.Н.,
старший преподаватель кафедры
иностраннных языков
Санкт-Петербургского университета
МВД РФ

Основным направлением в изучении иностранных языков в неязыковом вузе специалисты считают формирование навыков чтения специальной литературы и беседы по специальности. Однако термин «чтение» нельзя назвать удачным, даже если под ним подразумевается чтение и понимание текста. Единственным эффективным путем к пониманию иноязычного текста может быть только перевод. Любое сообщение состоит из языковых единиц, каждая из которых несет определенную информацию, имеет собственное значение. Содержание всего высказывания существует только в рамках значений языковых единиц, из которых оно состоит, а цель любого перевода – передача смысловой информации текста. В условиях юридических вузов основное внимание уделяется переводу текстов по специальности с иностранного языка на родной.

Адекватный перевод текста с иностранного языка на родной подразумевает овладение навыками семантического анализа лексических единиц исходного языка (в нашем случае англ-

лийского) и языка перевода (русского). Известно, что семантическое содержание слов в исходном языке может по-разному соотноситься с семантическим содержанием лексических единиц в языке перевода. В этой связи мы выделяем несколько основных трудностей, встреченных нами при обучении курсантов переводу текстов по специальности:

1. Перевод лексических единиц, семантическое содержание которых в английском и русском языках совпадает (полные терминологические параллели, по определению В.В. Дубичинского). Это достаточно редко встречается при переводе и касается в основном специальной, а также интернациональной лексики:

Profession	профессия
Inspector	инспектор
Method	метод
Detective	детектив, оперативник
Identification	идентификация, установление личности

2. Перевод лексических единиц, семантическое содержание которых в английском языке шире, чем семантическое содержание в русском языке (неполные терминологические параллели, или интертермины, по определению В.В. Дубичинского):

Department	1. отдел, 2. область, 3. ведомство, министерство, 4. кафедра
Officer	1. чиновник, должностное лицо, 2. офицер
Interview	1. деловое свидание, встреча, беседа, 2. интервью, 3. опрос

3. Перевод «ложных друзей» переводчика, т.е. слов, близких по звучанию и написанию в разных языках, но имеющих различные значения (ложные терминологические параллели, по определению В.В. Дубичинского):

Accurate (solution of a crime)	точный, тщательный (а не аккуратный)
Activities (Detective activity)	деятельность (а не активность)
Brilliant	блестящий (а не бриллиантовый)
Bar	I 1. полоса, 2. болванка, 3. засов II 1. прилавок, 2. бар, буфет III 1. барьер, отделяющий судей от подсудимых, 2. адвокатура (а не только бар)
Court	1. двор, 2. суд (а не корт)
Corpse	труп (а не корпус)
Data	данные (а не дата)
Examine	осматривать, исследовать (а не экзамен)
Examination	осмотр, исследование, экспертиза (а не только экзамен)

4. Перевод слов, имеющих соотносимые варианты перевода на русский язык, но указывающих на реалии, не присущие русской правовой культуре. В таких случаях возможен буквальный перевод, требующий от преподавателя комментария:

Jail	тюрьма, где содержатся лица под следствием
Prison	учреждение исполнения наказаний, где содержатся лица, совершившие тяжкие преступления и отбывающие срок наказания более 1 года
Barrister	старший адвокат, который может защищать интересы клиента в судах высшей инстанции
Solicitor	младший адвокат, который занимается юридической работой вне суда и может защищать интересы клиента в низшем мировом суде
Judge	судья высшего суда, назначаемый из старших адвокатов, оплачивается государством
Magistrate	мировой судья (магистрат), не оплачивается, работает добровольно несколько часов в неделю

Coroner

следователь, ведущий дела о насильственной или скорострительной смерти

5. Перевод лексических единиц, семантическое содержание которых в английском языке уже, чем семантическое содержание в русском языке. Примером может служить лексический ряд, образованный словом «право» и его производными в русском языке, их эквиваленты в английском языке:

Право	right
Право голоса	the vote, suffrage
С правом совещательного голоса	with deliberate functions
Всеобщее избирательное право	universal suffrage
Право наций на самоопределение	right of nations to self-determination
Поражение в правах	disfranchisement
Восстановиться в правах	be rehabilitated
С полным правом	rightfully
Вступать в свои права	come into one's own
Право (свидетельство)	license
Водительские права	driving license
Право (наука)	law
Уголовное право	criminal law
Обычное право	common law
Правовед	lawyer, jurist
Правовой	legal
Правовые нормы	legal rules
Правонарушение	breaking/transgression/ infringement of the law
Правонарушитель	wrongdoer, transgressor, infringer of the law, delinquent
Малолетний правонарушитель	juvenile delinquent
Правопорядок	law and order
Правосознание	feeling for law and order, sense of justice
Правосудие	justice

Как преподавателю, так и учащемуся при обучении необходимо ясно представлять типологию подобных лексем в одной лексической системе, глубину и своеобразие семантических структур лексической единицы каждого языка. Это значительно расширит возможности преодоления интерференционных ошибок в употреблении данных лексем на иностранном языке и при переводе.

К сожалению, в настоящее время в соответствии с программой по иностранным языкам для неязыковых вузов обучению навыкам перевода уделяется сравнительно мало внимания. Поэтому необходимо использовать все возможности для развития «семантического чутья», или, иными словами, навыков семантического анализа у учащихся. Неправильное использование лексических единиц при переводе ведет к нарушению процесса коммуникации и неверному пониманию переводимого текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринев С.В. Введение в терминографию. М.: Моск. пед. ун-т, 1996.
2. Дубичинский В.В. Лексические параллели. Харьков, 1993.
3. Дубичинский В.В. Интернациональные омонимы, паронимы, антонимы и синонимы в русском языке. Харьков, 1993.
4. Дубичинский В.В. Русско-английские лексические параллели. Харьков, 1993.
5. Русско-английский словарь под ред. О.С. Ахмановой. М., 1985.
6. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М., 1991.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ЮРИСТА

Варлакова Т.В.,

к.филол.н., доцент кафедры
иностранных языков Омской
академии МВД России

Наше исследование посвящено многочисленным фразеологическим омонимам. Многочленный фразеологический омонимический ряд состоит из трех и более фразеологических омонимов и представляет собой один из частных случаев проявления омонимических отношений между фразеологизмами. По мнению некоторых ученых, многочисленные фразеологические омонимические ряды (или группы) – явление редкое. Так, М.И. Сидоренко утверждает, что «во фразеологии почти нет многочисленных омонимических групп, в словарном составе их содержится большое количество» [8; 171]. Представленное утверждение опровергается результатами исследований, проведенных Н.А. Павловой [6; 223]. Описываемый нами материал включает 308 многочисленных фразеологических омонимов в 96 рядах.

Цель настоящей работы состоит в выявлении многочисленных фразеологических омонимов, наиболее часто употребляемых в юридической речи, а также в описании семантических свойств исследуемых омонимов, контекстных условий и предполагаемых оснований включения таких ФЕ в речь юристов. Для достижения указанной цели нами были исследованы тексты судебных речей и фрагменты записей судебных прений.

По количеству употреблений наиболее частотными оказались фразеологические омонимы, относящиеся к модальным и служебным (фразеологическим частицам, союзам, предлогам), что предопределяется широтой, универсальностью значения единиц данных семантико-грамматических классов.

Рассмотрим многочисленный омонимический ряд: **во всяком случае 1** – «непременно, обязательно», качественно-обстоятельный; **во всяком случае 2** – «все-таки, однако», служебный, фразеологическая частица; **во всяком случае 3** – «выражение утверждения», модальный. Фразеологический ряд в полном составе представлен в текстах судебных речей. Однако преобладают по частотности употреблений последние два омонима данного ряда, например: *То, что принадлежит наследникам, они получают во всяком случае, но ставить судьбу людей наряду с деньгами и просить присяжных обвинить людей без фактов, без улик нельзя. В.П. Пржевальский. По прусскому кодексу, который считается лучшим, нижний чин, получивший незаконное приказание, может сделать представление начальнику, он должен исполнить приказание, но имеет право жаловаться, и во всяком случае эта незаконность приказа значительно ослабляет или смягчает его вину. В.Д. Спасович. Во всяком случае, утверждает обвинитель, если можно как-то объяснить нанесение первого удара кочергой, то уж во втором не было никакой необходимости. О.В. Дервиз.*

По результатам нашего исследования можно говорить о представленности в текстах судебных речей омонимов многочисленного фразеологического ряда **по (сути) существу 1** – «существенный, конкретный», призначный; **по сути (существу, дела) 2** – 1 «о самом главном, существенном, основательно, существенно», 2 «на деле, в действительности», качественно-обстоятельный; **по сути (существу, дела) 3** – «выражение оценки степени достоверности высказывания», модальный. Например: *Налицо та самая ситуация, о которой можно сказать: «Формально – нормально, а по существу – издевательство». Ю.А. Костанов. Я прежде всего имею в виду действия Голанова, зубного техника, который, по существу, так же, как и Лозинский, занимается частнопредпринимательской деятельностью, используя государственные формы... Ю.А. Костанов. Как видно из приведенных примеров, в текстах судебных речей преимущественно используются фразеологические омонимы призначной и модальной семантики. При исследовании записей судебных прений нами были выявлены случаи употребления качественно-обстоятельной единицы **по сути (существу, дела) 2** – 1 «о самом главном, существенном, основательно, существенно», 2 «на деле, в действительности». Наши выводы подтверждаются следующими примерами диалогической речи на суде: *Судья: Так, З., хватит. Мы**

уже это слышали. **По сути** будете что-то говорить? Судья: (прерывая) Ну не надо. Давайте **по сути**... [4; 63, 91].

Из фразеологического омонимического ряда: **между прочим 1** – «попутный, неосновной», призначный; **между прочим 2** – «попутно, мимоходом, не уделяя особого внимания», качественно-обстоятельный, **между прочим 3** – «кстати, к слову», модальный, – в исследованных текстах употребляются качественно-обстоятельный и модальный омонимы: Предварительным следствием было **между прочим** обнаружено, что Качка и Байрашевский познакомились в Москве еще в 1878 г. П.Н. Обнинский. На это (раскрытие истинной причины убийства – Т.В.), **между прочим**, потребовалось много времени, и вот почему мы только сегодня приступаем к судебному разрешению события, совершившегося ровно год тому назад... П.Н. Обнинский.

Широко представлены в профессиональной юридической речи на суде фразеологические предлоги из многочисленных омонимических рядов: **со стороны 1** – «посторонний, чужой, ранее неизвестный», призначный; **со стороны 2** – 1 «объективно, беспристрастно», 2 «отстраненно, на расстоянии, отчужденно, извне», качественно-обстоятельный; **со стороны** (кого/чего) **3** – «от», служебный, фразеологический предлог; **по дороге (пути) 1** – 1 «попутный», 2 «заодно, вместе», призначный; **по дороге (пути) 2** – 1 «попутно, мимоходом», 2 «кстати, одновременно, заодно», качественно-обстоятельный; **по дороге (пути) (чего) 3** – «в направлении (чего)», служебный, фразеологический предлог. Приведем примеры, подтверждающие сказанное: Здесь в объяснениях по этому поводу **со стороны** Ольги Петровны начинается нечто вроде игры в прятки, причем одна книга (алфавитная долговая – Т.В.) служит для нее ширмой для объяснения другой. В.П. Пржевальский. Как можно было ожидать, мои соображения и выводы вызвали немало нареканий и упреков **со стороны** защиты... Н.В. Муравьев. Удар выстрелов отразился в другом углу Москвы и в одну минуту превратил в круглых сирот двух малюток, которые только что испытывали счастье возвращенной любви **со стороны** временно увлеченной матери, теперь стряхнувшей с себя пути нечистой страсти... Ф.Н. Плевако. Вместо того чтобы критически рассмотреть результаты следствия, принципиально реагировать на его недостатки и ошибки, самостоятельно и объективно рассмотреть круг вопросов и проблем, имеющих существенное значение по делу, прокурор пошел **по пути** безапелляционной защиты всего того, что было создано и нагромождено следствием, **по пути** «оправдания» следственных ошибок и упущений, **по пути** полнейшего игнорирования данных судебного разбирательства. И.М. Кисеницкий.

Фразеологические омонимы многочисленного ряда: **как раз 1** – «соответственный по размеру, годный, удобный, подходящий», призначный; **как раз 2** – 1 «в это время», 2 «своевременно, вовремя», 3 «тотчас, мигом», качественно-обстоятельный; **как раз 3** – «именно, точно», служебный, фразеологическая частица, – в нашем материале представлены употреблениями служебной ФЕ. Проиллюстрируем сказанное цитатами: Но, господа присяжные заседатели, человек обладает свойством более высшего источника, свойством, ему прирожденным, – разумом, здравым смыслом. Область его начинается **как раз** там, где экспериментальный вывод дает в результате такой ноль. П.Н. Обнинский. Дело, как известно, рассматривается вторично, и мы считаем, что правильное разрешение вопроса содержится **как раз** в предыдущем решении суда. В.И. Лифшиц.

Следует отметить, что в юридической речи встречаются случаи употребления фразеологизмов, совмещающих признаки двух семантико-грамматических классов, например: Но вот тут Лозинский сам себя **как раз** и высек. Ю.А. Костанов. Что касается Лозинского, то все, что он получил от Краюшина, все 25 граммов золота в оплату за крестики, должны быть конфискованы в силу санкции той же части 1 статьи 88, поскольку являлись **как раз** предметом валютной сделки. Ю.А. Костанов. В процитированных высказываниях фразеологизм находится на стадии переходности от качественно-обстоятельного типа семантики к служебному, поэтому включает в семантическую структуру элементы двух индивидуальных значений.

На примерах из текстов судебных речей можно проследить изменения, происходящие в семантике свободного словосочетания при образовании на его базе фразеологической единицы. Сказанное имеет отношение к двум предметным фразеологическим омонимам многочисленного ряда **последнее слово 1** – «окончательное решение», **последнее слово 2** – «новейшее дос-

тижение», **последнее слово 3** – «выступление обвиняемого в суде», **последние слова 4** – «брань, непристойность», **последнее слово 5** – «высшая на данный момент цена». В семантической структуре описываемых омонимов имеются семы их объединяющие: категориальная сема «предметность», субкатегориальная сема «отвлеченность». Групповые семы у них различны: **последнее слово 1** – «результат мыслительной деятельности», **последнее слово 2** – «активная творческая, исследовательская деятельность», **последнее слово 3** – «речевая деятельность», **последние слова 4** – «средство выражения чувства, отношения к кому-либо», **последнее слово 5** – «выражение стоимости товара». В значение первого фразеологизма-омонима входят дифференциальные семы «заклучение», «вывод», второго – «только что появившийся», «положительный итог исследовательской работы», «успех», «наивысший уровень достижений», третьего – «возможность высказаться», «защита», «предполагаемые искренние признания», четвертого – «осуждение», «унижение», «оценка», пятого – «стоимость товара», «представление продавца о цене изделия». В текстах судебных речей по отношению к двум фразеологическим омонимам **последнее слово 2** – «новейшее достижение», **последнее слово 3** – «выступление обвиняемого в суде» обнаруживаются переходные явления, демонстрирующие стадию зарождения фразеологической единицы на базе свободного словосочетания: *В этом отношении я обязан особенной осмотрительностью ввиду тех последних слов, которые записала Качка в протоколе предъявленного ей следственного производства: «Преступно мое прошлое, бесполезно настоящее – судите беспощадно!» П.Н. Обнинский. Вопросом этим брошено было подозрение, что психиатрия в ее последних словах есть наука материалистическая и что, склонившись к выводам психиатров, мы дадим на суде место «материалистическому» мирообъяснению. Ф.Н. Плевако. Состояние переходности подчеркивается употреблением описываемых единиц в несвойственной для фразеологических омонимов **последнее слово 2** – «новейшее достижение», **последнее слово 3** – «выступление обвиняемого в суде» грамматической форме множественного числа. В материалах нашего исследования рассматриваемые фразеологизмы зафиксированы в форме ед.ч.: *Его (Андреа - Т.В.) проекты, отличавшиеся изумительной простотой и стройностью, считались в то же время последним словом горнозаводской науки. А.И. Куприн. ...В его речи было все самое последнее, что было тогда в ходу в его круге и что принималось тогда за... последнее слово научной мудрости. Л.Н. Толстой. Последнее слово подсудимого, который откровенно рассказал весь ход дела, решило его участь: присяжные вынесли оправдательный вердикт. Д.Н. Мамин-Сибиряк. После последнего слова обвиняемых и переговоров сторон в форме постановки вопросов, продолжавшихся еще довольно долго, вопросы были поставлены, и председатель начал свое резюме. Л.Н. Толстой.**

Ранее рассмотренные фразеологические единицы относятся к нейтральным языковым средствам. Данной особенностью объясняется, по-видимому, их широкое применение в проанализированных юридических текстах. Однако русские фразеологизмы в большинстве случаев отличаются яркой образностью, а также наличием в семантической структуре коннотаций, поэтому относятся в сфере ограниченного употребления. В зависимости от характера и содержания расследуемого дела, от целей, которые ставят перед собой прокурор и адвокат, от их позиции, предпочтений в юридическую речь включаются фразеологические омонимы, имеющие экспрессивно-эмоциональную окраску. Кроме того, создать яркий образ происходившего, а значит воздействовать на сознание присутствующих в судебном заседании позволяет использование фразеологических омонимов, обладающих прозрачной внутренней формой: *Действительно, если закрыть глаза на отношения Качки к Байрашевскому и Пресецкой, на поведение Байрашевского, на его измену, на силу любви Качки и т.д., тогда, пожалуй, можно приписать убийство душевной болезнью... П.Н. Обнинский. Разорвать такую живую цепь не в силах никакая экспертиза; прежде чем уверовать в противное, надо отречься от своего собственного разума или умышленно закрыть глаза перед очевидными каждому, победоносно убедительными фактами. П.Н. Обнинский.* Внутренняя форма данного фразеологизма в основе имеет мотивирующее ассоциативное действие, исходящее из прямого значения свободного словосочетания – закрыть глаза = не видеть.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что в профессиональной юридической речи выбор как лексических, так и фразеологических средств определяется прежде всего стилистической принадлежностью языковой единицы. Речь юриста предполагает строгие рамки официальной ситуации общения. Требования к составлению процессуальных документов четко рег-

ламентируются, допускают включение лишь некоторых фразеологизмов, относящихся к деловой речи. Исследуемые нами фразеологизмы – многочленные омонимы употребляются в текстах судебных речей, а также во время судебных прений. Как показывает проведенный анализ, по типу семантики наиболее распространенными являются модальные и служебные фразеологические омонимы. Исследуемые единицы не закреплены за каким-либо функциональным стилем. В речи юристов на суде ситуативно оправданным может быть использование фразеологических омонимов, отличающихся экспрессивно-эмоциональной окраской или обладающих прозрачной внутренней формой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введенская Л.А. Риторика для юристов: учебное пособие / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. Ростов-на-Дону, 2006.
2. Губаева Т.В. Практический курс русского языка для юристов: учебное пособие. Казань, 1990.
3. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия (риторика для юристов): учебное пособие. М., 2006.
4. Киселев Я.С. Судебные речи. Л., 1967.
5. Кисенишский И.М. Известные судебные процессы нашего времени (записки адвокатов-участников) / И.М. Кисенишский, М.М. Кисенишский. М., 1996.
6. Красовская О.В. О речевой коммуникации в судебной практике. М., 2008.
7. Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 2003.
8. Павлова Н.А. Омонимия в сфере фразеологии. Омск, 1997.
9. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века. Тула, 1997.
10. Сидоренко М.И. Типы фразеологических омонимов русского языка // Вопросы семантики фразеологических единиц. (На материале русского языка). Часть 1. Тезисы докладов и сообщений. Новгород, 1971.
11. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н.А. Павловой. Омск, 2003.

О ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ ОБЩИХ НАЗВАНИЙ НАРКОТИКОВ В ЖАРГОНЕ НАРКОМАНОВ СЛОВАМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Власова Л.А.,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры
русского языка Орловского
государственного университета

Язык представляет собой сложную, многообразную, но очень строго структурированную систему, в которой все единицы обнаруживают связи с другими языковыми единицами на основе сходства каких-либо признаков или субстанций. Эти отношения можно определить как языковые соответствия. Соответствие – это «отношение между чем-л., выражающее согласованность, равенство в каком-л. отношении» (МАС: IV: 197). В широком понимании языковыми соответствиями, на наш взгляд, являются все типы отношений между языковыми единицами, обнаруживающие согласованность, равенство содержательных или формальных компонентов. Установление этих связей способствует пониманию логики языковой организации и успешному (а главное – осознанному!) усвоению языка во всех его формах, что является для специалиста непременным условием высокого профессионализма в своей сфере деятельности.

Профессиональная компетенция юриста предполагает владение не только русским литературным языком, но и обладание определёнными познаниями в области других профессиональных или социально ограниченных языковых подсистем, к которым относятся жаргоны. Как известно, жаргон, или арг – это «язык отдельных социальных групп, сообществ, искусственно

создаваемый с целью языкового обособления (иногда «потайной язык»), отличающийся главным образом наличием слов, непонятных людям непосвящённым» (СЛТ: 28-29).

Печальным показателем нашего времени является довольно широкое распространение наркотиков в нашей стране и появление значительного числа наркоманов, особенно среди молодёжи. Преследование по закону распространения и пропаганды наркотических средств привело к созданию и использованию в среде наркоманов особого жаргона, в котором изопрённо изобретаются лексические средства, обозначающие и сами наркотики, и наркоманов, и различные приспособления, используемые при приготовлении и употреблении наркотиков, и действия, производимые с ними. Необходимость понимать язык наркоманов, уметь его расшифровывать, «переводить» на нормативный русский язык остро стоит в настоящее время перед следователями, судьями и особенно перед лингвистами-экспертами.

Лингвистам-экспертам нередко предоставляются стенограммы разговоров, в которых его участники используют зашифрованный язык, употребляя малоизвестные слова или метафорические средства. Задача экспертов сводится к обнаружению соответствий между общепринятыми узуальными языковыми единицами и лексемами жаргона наркоманов. В этом им приходится на помощь, к сожалению, пока ещё труднодоступные пособия и словари жаргона наркоманов [Быков, Грачёв, Елистратов, Мирошниченко и др.].

Как отмечает в предисловии к своему словарю «Жаргон наркоманов» Л.Д. Мирошниченко, «жаргонная лексика современных наркоманов – большой котёл, варка словесного материала в котором находится в разгаре» [Мирошниченко: 4]. Употребление данных слов с трудом поддаётся системе и «языковой дисциплине», семантика лексем пополняется новыми значениями, их этимологию нередко сложно установить.

Тем не менее, каждая языковая подсистема также структурирована и определённым образом организована. Её познание и описание – одна из актуальных задач современной социолингвистики. Обратимся лишь к одному аспекту этой проблемы – выявлению лексических соответствий между наименованиями наркотиков в жаргоне наркоманов, представленным в вышеназванном словаре Л.Д. Мирошниченко, и словами литературного языка.

В литературном языке слова, называющие наркотики, находятся в гиперонимическом отношении. Слово *наркотик* выступает гиперонимом, гипонимами являются слова, обозначающие его виды: *анаши, гашиш, героин, ЛСД, кокаин, марихуана, опиум, экстази* и некоторые другие. Слово *наркотики* отмечено в «Словаре русского языка в 4-х томах» во множественном числе в значении «сильнодействующие вещества, вызывающие состояние одурманивания, опьянения (используются в медицине как болеутоляющие и снотворные средства)» (МАС: II: 388). В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова это слово дано в единственном числе и толкуется как «возбуждающее ядовитое вещество, употр. как болеутоляющее или снотворное средство» [Ожегов: 495].

В жаргоне наркоманов слову литературного языка *наркотик* соответствуют 47 лексических единиц: *балда, балда́хин, балда́шкин, беда, бешеные, бодяга, бодяжка, верёвка, гадость, граммофон, грев, дрянь, дуреха, дурман, дурь, зараза, кашка, кишиши, книжки, корм, космос, кошка, лекарство, лекарь, музыка, наркота, натура, обезьяна, отравка, паль, подогрев, препарат, собачка, стафф, темнота, торч, торчалло, торчалово, торчок, ханка, хума́ра, чума, ши́зиловка, ши́зо, ши́зуха, яд*. Отметим, что в английском языке с этими названиями соотносятся 30 лексических единиц (*candy, cotics, dope, gear, goods, grow* и др.) [Мирошниченко: 129]. Все слова приведённой группы являются синонимами, то есть имеют тождественное лексическое значение. Внутри данной группы абсолютное большинство (32 лексемы) составляют слова, соотносимые с единицами литературного языка.

Анализ жаргонных наименований наркотиков позволяет заметить, что большинство из них содержит в семантической структуре негативный оценочный компонент 'плохой, вредный, опасный', который эксплицитно выражается в слове. Значительная часть жаргонных лексем (13 единиц) напрямую соотносится со словами литературного языка, нередко имеющими сниженную стилистическую окраску – разговорную и просторечную, и актуализируют в своей семантике следующие семы:

1) «затуманивающий сознание»: *дурман*. В литературном языке *дурман* – «2. То, что одуряет, опьяняет; опьяняющее, одурманивающее средство» [МАС: I: 453];

- 2) «лишающий разума»: *балда, дуреха, дурь, бешеные*. В литературном языке *балда* – «3. Прост. бран. Бестолковый, глупый человек» [МАС: I: 57]; *дурёха* – «Прост. пренебр. Дура, глупая женщина» [МАС: I: 453]; *дурь* – «Разг. Сумасбродство, блажь [МАС: I: 454]; *бешеный* – «1. Исступлённый, необузданный; неистовый // Горячий, буйный» [МАС: I: 89];
- 3) «негативно оцениваемый по качеству»: *гадость, дрянь*. В литературном языке *гадость* – «Разг. То, что вызывает гадливое чувство; нечто мерзкое, отвратительное» [МАС: I: 296]; *дрянь* – «1. *соби́р.* Что-л. негодное, ненужное; сор, хлам. 2. *в знач. сказ. Разг.* О ком, чем-л. плохом, скверном» [МАС: I: 450];
- 4) «обладающий поражающей заразительной силой»: *зараза, чума*. В литературном языке *зараза* – «1. Болезнетворное начало, распространяемое микроорганизмами» [МАС: I: 564]; *чума* – «острая заразная эпидемическая болезнь» [МАС: IV: 693];
- 5) «влекущий опасные последствия»: *беда, темнота*. В литературном языке *беда* – «1. Несчастье, бедствие, горе, невзгода» [МАС: I: 67]; *темнота* – «1. Отсутствие света, освещения; мрак, тьма» [МАС: IV: 351];
- 6) «ведущий к гибели»: *отрава, яд*. В литературном языке *отрава* – «1. Ядовитое вещество, способное вызвать отравление живого организма; яд» [МАС: II: 704]; *яд* – «1. Вещество, способное вызвать отравление живого организма» [МАС: IV: 779].

Поразительно, но все эти наименования наркотиков, созданные наркоманами на основе переосмысления слов литературного языка, свидетельствуют об осознании носителями этой субкультуры пагубности и смертельной опасности пристрастия к наркотикам, что отражается в их языке.

Гораздо меньше в жаргоне наркоманов лексем, в семантике которых содержится положительный оценочный компонент. В ряде слов (9 единиц) актуализируются такие семы, как:

- 1) «вызывающий неземные ощущения, позволяющий отрешиться от реальности»: *космос*. В литературном языке *космос* – «мир, вселенная» [МАС: II: 110];
- 2) «оказывающий физическое облегчение»: *лекарство, лекарь, препарат*. В литературном языке *лекарство* – «вещество, применяемое для лечения или предупреждения болезни // О средстве, помогающем пережить какое-л. несчастье, забыть что-л. неприятное» [МАС: II: 173]; *лекарь* – «// Разг. устар. Тот, кто лечит (врач, фельдшер и т.п.)» (МАС: II: 173); *препарат* – «2. Хим., фарм. Продукт лабораторного или фабричного изготовления лечебного или другого назначения» [МАС: III: 381];
- 3) «вызывающий приятные физические, слуховые и эмоциональные ощущения»: *музыка, подогрев*. В литературном языке *музыка* – «3. *перен.* Гармоническое, приятное для слуха звучание чего-л.» (МАС: II: 310); существительное *подогрев* является производным от глагола *подогреть* – «*перен. Разг.* Несколько взбудоражить, возбудить» [МАС: III: 205];
- 4) «возвращающий в естественное состояние»: *натура*. В литературном языке *натура* – «1. Устар. То же, что природа (в 1 знач.). 2. Устар. Сущность, основное свойство кого-, чего-л.» [МАС: II: 407]. Полагаем, что семантика слова *натура* в жаргоне наркоманов соотносится не с 1-ым значением слова *природа* в литературном языке (на что указывает отсылка) – «1. Окружающий нас материальный мир, всё существующее, не созданное деятельностью человека», а с 3-им значением – «3. Совокупность естественных свойств, склонностей, потребностей человека, человеческого организма» [МАС: III: 437].

И в этом смысле названная сема ассоциативно соотносится, на наш взгляд, с семой «уподобляющий животному, приводящий в животное состояние» в семантике слов *кошка, обезьяна, собачка*, называющих наркотики в языке наркоманов.

Гораздо сложнее обнаружить прямую внутреннюю связь между словами литературного языка *верёвка, граммофон, кашка, кишимии, книжки, корм* и аналогичными по форме названиями наркотиков. Опосредованной является связь между словом литературного языка *верёвка* – «скрученные или свитые в виде шнура пряди пеньки, льна или каких-л. других материалов» [МАС: I: 150] и жаргонного *верёвка* – «*жарг.* 1. Вена. 2. Наркотик /и/» [ТСНЛ: 77]. Появление второго значения жаргонной лексики обусловлено первоначальным метонимическим переносом со слова литературного языка, определившим первое значение жаргонного слова.

Имя существительное *граммофон* в литературном языке имеет значение «музыкальный аппарат с рупором, воспроизводящий звуки, записанные на особые пластинки» [МАС: I: 342]. Можно предположить, что сближение с жаргонным словом происходит, очевидно, на основе

косвенных ассоциаций наркоманов со слуховыми галлюцинациями, напоминающими музыкальное звучание, что подтверждает наличие в жаргоне наркоманов слова *музыка* в тождественном значении «наркотик».

Слова литературного языка *кашка, кишмиш, корм* входят в тематическую группу «продукты питания», что вызывает мысль о появлении в сознании наркоманов устойчивой логической связи между наркотиками и жизненно необходимой пищей.

Вызывает затруднение установление логической связи между названием наркотиков *книжки* и аналогичным словом литературного языка. Носителям языка, вероятно, знакомо разговорное слово *начитанный* в функции сказуемого в переносном значении «в состоянии алкогольного опьянения; пьяный» (например, в высказывании *Он сегодня такой начитанный*). Состояние наркотического одурманивания по внешним проявлениям сходно с состоянием опьянения, что позволяет предположить наличие у наркоманов косвенной ассоциативной связи жаргонного слова *книжки* со словом литературного языка.

Значительно меньшую группу (15 слов) по сравнению с лексемами, соотносимыми со словами литературного языка, составляют жаргонные словообразовательные варианты, которые структурно соотносятся:

а) с единицами литературного языка и являются их производными (*наркота* ← от *наркотик*; *паль* ← от *палый* – «прост. Павший, дохлый (о скоте)» [МАС: III: 15]; *шизиловка, шиизо, шизуха* ← от *шизофрения* – «тяжёлое психическое заболевание, характеризующееся нарушением связности психических процессов и упадком психической деятельности» [МАС: IV: 714];

б) с единицами наркоманского жаргона и являются их производными (*балдахин, балдашкин* ← от *балда*; *бодяжка* ← от *бодяга*; *грев* ← от *подогрев*; *торч, торчало, торчало, торчок* ← от *торчать* «3. жарг. Испытывать эйфорию после принятия наркотиков» [ТСНЛ: 852]; *хумара* ← от *хумарить* – «жарг. Принимать наркотики» [ТСНЛ: 949].

Небольшую группу составляют слова с затемнённой этимологией (*бодяга, ханка*). *Бодяга* – «4. жарг. Пища» [ТСНЛ: 49], *ханка* – «жарг. 1. Еда, продукты; жратва. 2. Самогон. 3. Опий» [ТСНЛ: 920]. Как было отмечено выше, возможно предположение об установлении в сознании наркоманов ассоциативного уподобления наркотиков жизненно необходимой пищи, без которой становится невозможным психическое и физическое существование человека, страдающего наркотической зависимостью.

Название наркотика *стафф* является заимствованным из английского языка и полностью тождественно слову *staff* как по фонетическому облику, так и по семантике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков В. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1993. 222 с.
2. Грачёв М.А. Методические рекомендации по применению жаргонных слов в деле разоблачения дельцов наркобизнеса. Н. Новгород, 1994.
3. Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980-1990 гг. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
4. МАС – Словарь русского языка в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988.
5. Мирошниченко Л.Д. Жаргон наркоманов. Словарь. Русско-английский, англо-русский, двуязычный. М.: Анахарсис, 2003. – 160 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов. / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. – 1200 с.
7. СЛТ – Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: «Просвещение», 1976.
8. ТСНЛ – Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2005. 1021 с.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВВОДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)

Ефимова Т.Г.,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры
русского языка Орловского
государственного университета

Современная эпоха – эпоха информационной революции. Она характеризуется глобальным распространением и утверждением в повседневной жизни разнообразных технических средств коммуникации для обслуживания, прежде всего, массовой информации, для оперативной передачи информации, актуальной для миллионов людей.

Интенсивное развитие и распространение печатных и электронных средств массовой информации (далее СМИ) оказывает громадное влияние на сам процесс создания вербальных текстов, их воспроизведения, распространения и восприятия таких текстов. Все это не может не сказываться на формировании новых способов речевого общения, новых форм речи, в конечном счете – на развитии языка.

Как отмечает Т.Г.Добросклонская, «тексты массовой информации, или медиатексты, являются сегодня одной из самых распространенных форм бытования языка» [2; 7]. Ю.А.Бельчиков отмечает, что эти тексты призваны влиять на общественное мнение, формировать его. Влияние на общественное мнение посредством языка опирается на словесно выраженную информацию об актуальных событиях, фактах текущей жизни - социальной, политической, культурной, научной, духовной, экономической и т.п. [6; 115].

Публицист, журналист сообщает о людях, фактах, событиях текущей жизни, общественных, политических силах, участвующих в ней. При этом он дает всему этому идейную, политическую трактовку, эмоционально-экспрессивную оценку, с тем чтобы максимально эффективно воздействовать на адресата текста, на его миропонимание, сознание, настроение, на его восприятие содержания публицистического текста [6; 115].

По справедливому замечанию Ю.А.Бельчикова, на организацию языковых средств в таких текстах оказывает влияние принцип оценочности и социальной значимости определенной части языковых средств [6; 116].

Г.Я.Солганик указывает, что принцип социальной оценочности языковых средств «определяет во многом отбор языковых средств, призванных выражать прежде всего социальную оценку фактов, явлений, событий» [5; 11].

В языке газеты различают стандартизированные синтаксические построения: газетные композиционные шаблоны (штампы-образцы, штампы абзацы), застывшие словесные формулы (вводные конструкции, тематические дифференцированные обороты, административно-государственная номенклатура) и т.д. [6; 125].

Рассмотрим употребление вводных элементов в газете «Комсомольская правда». Вслед за А.М.Ломовым вводные слова, словосочетания и предложения мы будем называть вводными элементами [4; 37]. Методом сплошной выборки нами было выписано 121 предложение с вводными элементами из указанной газеты.

Под вводными мы понимаем такие элементы, которые грамматически не связаны ни с одним из членов предложения, выражают различную оценку говорящим высказываемой мысли, указывают на связь ее с другими сообщениями, характеризуют способ оформления мысли, адресуют высказывание собеседнику, побуждая его к активному восприятию, устанавливают степень обычности/необычности сообщаемых фактов.

По нашим наблюдениям, значительную группу составляют вводные конструкции, выражающие оценку говорящим достоверности сообщаемого (не/уверенность, предположительность, возможность. П.А.Лекант называет их вводно-модальные компоненты [3; 215]: **конечно, разумеется, безусловно, правда, может быть, пожалуй, возможно, наверное, допустим, оказывается, казалось бы, видимо, может и т.п.** *Хотя это, конечно, огромная ответственность; Правда, когда их вызывали к командиру, упоминали имя Меньшикова; Видимо, это шутки для тех, кто постарше* и т.д. Они выражают степень достоверности высказывания –

персуазитивность. Содержание высказывания оценивается самим говорящим как достоверное или как вероятное, предположительное. Значение достоверности (уверенности) выражается модальными словами **конечно, безусловно, несомненно** и др.; значение вероятности (предположения) передают модальные слова **вероятно, наверное, видимо, очевидно, может быть, кажется** и др., а также конструкцией **по всей вероятности**.

Данная группа вводных элементов является самой частотной в газете «Комсомольская правда». Она составляет 35,6 %. И.Б.Голуб отмечает, что вводные конструкции, выражающие достоверность, уверенность, предположительность, тяготеют к книжным стилям, к которым относится и газетно-публицистический стиль [1; 402].

Частота употребления этой группы вводных элементов, видимо, связана с тем, что в газете было много интервью, в которых передается живая речь. В условиях интервью собеседники, отвечая на вопросы, высказывают различные предположения, о чем-то говорят с уверенностью.

Чаще всего употребляется вводное слово **конечно**. Героями интервью являются известные люди (актер Марат Башаров, жена актера Валерия Золотухина и др.), а эти люди не привыкли сомневаться. Иногда они высказывают предположения, но это случается нечасто.

На втором месте по употребительности находятся вводные элементы, определяющие логическое соотношение между частями высказывания или между отдельными высказываниями в составе текста, указывающие на связь мыслей, последовательность изложения: **во-первых, впрочем, кстати, между прочим, например, к примеру, в общем, значит, таким образом, с одной стороны, однако, наоборот, напротив: Во-первых, это все надоедает; Впрочем, это касается не только женщин; Таким образом, некоторые из НЛО...управляются американскими летчиками** и т.д.

Указанная группа вводных конструкций в газете «Комсомольская правда» занимает 33,1%. Чаще всего встречается вводное слово **например (к примеру)**. Это связано с газетными жанрами. Как указывалось выше, в газете напечатано много интервью. Высказывая ту или иную точку зрения, персонажи приводят различные примеры, а для этого им и требуется названное вводное слово.

Довольно часто в языке газеты встречаются вводные элементы, указывающие на непосредственный источник сообщения. П.А. Лекант называет их «вводно-авторские компоненты» [3; 215]. Они содержат также указание на автора информации, мнения, оценки и пр.: **говорят, мол, по словам (кого-то), на мой взгляд, по данным (кого), по мнению (кого), по слухам, по-моему, как говорят** и т.п.: *А ваша жена, говорят, ревнует; По слухам, у них даже случился конфликт; На мой взгляд, это неостроумная передача; По словам Березовского, он остро чувствовал перемены и т.п.*

Вводные элементы данной группы в нашем фактическом материале составляют 22,3%, то есть в публицистике встречаются довольно часто. Это связано с тем, что авторы газетных статей вынуждены ссылаться на источник сообщения, чтобы приведенные факты были достоверными. Правда, иногда журналист не хочет или не может называть источник информации, поэтому довольно часто в газетных публикациях используется вводное слово **говорят**.

По нашим наблюдениям, вводные элементы, выражающие эмоциональную оценку сообщения (чувства говорящего в связи с сообщением), по П.А. Леканту, - «вводно-эмоциональные компоненты» [3; 215] - встречаются в публицистических текстах нечасто, хотя в языке составляют значительную группу: **к счастью, по счастью, как ни печально, как это ни удивительно: К счастью, мама пожертвовала своей работой; По счастью, продюсеры Бритни живут через океан; Как ни печально, но уже далеко не так свеж, как хотелось бы; Звезды Голливуда, как это ни удивительно, тоже люди**. В указанных вводных элементах, выражая радость, печаль, удивление, они встречаются в речи персонажей, которые выражают свои чувства по тому или иному поводу. Частота их употребления составила всего 3,3 %.

Вводные элементы, указывающие на приемы и способы оформления мыслей, также представлены единичными примерами и составляют 3,3 %: **прямо скажем, точнее сказать, скажем: Она – лицо российского спорта, и лицо, прямо скажем, более чем приятное; В свои двадцать она командует...нет, точнее сказать, владеет многомиллионной армией поклонников; Да и примеры для подражания есть более свежие, скажем, Маша Шарапова**.

Вводные элементы, представляющие собой призыв к собеседнику или к читателю с целью привлечь его внимание к сообщаемому, внушить определенное отношение к излагаемым мыслям, к производимым фактам, по П.А.Леканту, - «вводно-контактные компоненты» [3; 216], в газете «Комсомольская правда» представлены одним примером: *Ведь, **согласитесь**, приятно и удобно всегда иметь возможность пользоваться родными товарами.*

И.Б.Голуб пишет, что вводные элементы этой семантической группы, «как правило, функционируют в разговорном стиле, их стихия – устная речь» [1; 403]. Наши данные подтверждают это мнение. Газетно-публицистический стиль относится к книжным стилям, в него могут включаться элементы разговорного стиля, но, как правило, они используются в речи персонажей.

Вводные элементы, показывающие степень обычности/необычности сообщаемого, тоже малоупотребительны в газете «Комсомольская правда». П.А. Лекант называет их «вводно-обобщительные компоненты» [3; 216]. Они обозначают степень обычности названного в конкретном предложении события, положения, то есть или единичности, случайности (**бывает, случается**), или повторяемости, привычности, типичности (**как обычно, по обыкновению, как правило, как всегда** и т.п.): *Как правило, такие люди напряжены; И, как правило, это ремиксы русских популярных мелодий.* Таким образом, в процессе анализа выявлено, что наиболее часто встречаются вводные элементы, выражающие оценку говорящим достоверности сообщаемого. На втором месте по употребительности находятся вводные элементы, указывающие на связь мыслей, последовательность изложения. И самая малочисленная группа вводных элементов, представляющих собой призыв к собеседнику или к читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Рольф; Айрис-пресс, 1997.
2. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М., 2000.
3. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 2004.
4. Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису русского языка. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
5. Солганик Г.Я. Лексика газеты. М., 1981.
6. Стилистика и литературное редактирование / В.И.Максимова. М.: Гардарики, 2004.

ЭТАПЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДНОСТЕЙ В ОВЛАДЕНИИ ПЕРЕВОДОМ

Жучкова Н.Ф.,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры
иностраннных и русского языков
Орловского юридического института
МВД России

Обучение иностранным языкам в условиях неязыкового вуза должно отражать профиль вуза. Поэтому иностранный язык регламентируется профилем данного вуза так, чтобы он не потерял своего основного назначения как средства общения.

Учебный план регламентирует время и сроки обучения. Программа и профиль вуза определяют объем и характер учебного материала. Если фонетика и грамматика не подвержены влиянию профиля вуза, то лексический материал зависит от него в значительной степени.

Безаспектное преподавание иностранных языков в неязыковом вузе выдвигает следующие требования: научно обоснованный отбор и реализацию в учебном процессе фонетического, грамматического и лексического материала, который может обеспечить практическое владение языком; определение правильного соотношения между разговорной речью и традиционной практикой «прочтите и переведите» как средства извлечения необходимой информации из первоисточника; обеспечение учебно-методическими материалами (учебниками, учебными пособиями, учебно-методическими разработками).

Восприятие и понимание текста (письменного или устного) сопряжено с преодолением трудностей, определяемых конкретным видом речевой деятельности.

Восприятие и понимание иноязычной речи может быть связано: а) особенностями речи носителя языка, б) быстротой темпа речи, в) недостаточным владением предметом речевого общения, г) недостатком знаний об окружающем мире применительно к стране изучаемого языка.

Слуховая рецепция неповторима и непрерывна. Слушающий не может остановить и повторно послушать говорящего. Он должен принимать информацию непрерывно и однократно, что может привести к частичному или полному непониманию речи.

Говорение и чтение – разнонаправленные виды речевой деятельности, но тесно взаимосвязаны в психологическом плане и имеют общие механизмы: вероятностное прогнозирование (для чтения) или опережающее отражение (для говорения), оперативную и длительную память, осмысление, ряд общих умений.

Однако, так как чтение и говорение – разнонаправленные виды речевой деятельности, то требуется и разная методика в обучении, то есть коммуникативных речевых упражнений для обучения говорению [1; 76] и языковых лексико-грамматических – для обучения чтению.

Все возрастающий обмен информацией выводит чтение на иностранном языке на новое место в процессе обучения. В условиях научно-технического прогресса от специалиста требуется такое практическое владение иностранным языком, при котором извлечение информации в процессе чтения иностранной специальной литературы не вызывало бы затруднений. Тогда иностранный язык содействует повышению профессиональной подготовки специалиста.

Организационной формой обучения чтению является система упражнений, направленных на распознавание формализованных признаков языковых явлений. Лексико-грамматические материалы для устной речи (говорение, аудирование) и чтения получают зрительное подкрепление в тексте для основного (изучающего) и синтаксического (ознакомительного) чтения. При чтении текстов совершенствуются лексико-грамматические навыки, автоматизируемые ранее. Дальнейшее совершенствование навыков и развитие речевых умений по той или иной теме осуществляется в творческих речевых упражнениях с использованием материала для устной речи и чтения.

Так как чтение входит в сферу коммуникативно-общественной деятельности человека и является источником информации, следовательно, конечной целью обучения чтению и должно быть извлечение информации из текста, иными словами – понимание иноязычного текста.

В зависимости от полноты и точности понимания читаемого определяются виды чтения – ознакомительное, поисковое, просмотровое, изучающее [3; 25].

Некоторые методисты до сих пор используют термины «аналитическое чтение», «синтетическое чтение». Предложение заменить эти термины на «подготовленное – неподготовленное чтение» и «переводное – беспереvodное чтение» [2; 75-106] тоже односторонне, так как представляет различные уровни выполнения одной задачи – развить умение читать [1; 85].

Под руководством преподавателя и в результате самостоятельной работы (внеаудиторного чтения) у обучающихся формируются навыки и умения полного и глубокого восприятия – «понимания» текстов общественно-политического и специального характера.

Без достаточного овладения этими двумя формами языковой деятельности невозможно перейти к более сложному этапу – переводу. Особенно это ощущается в отношении текстов по специальности, язык которых отличается от разговорного и литературного языка.

Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка. Перевод – это процесс, совершающийся в форме психологического акта, который состоит в том, что речевое (текст или устное высказывание) произведение пересоздается на другом языке.

Перед переводящим стоят две задачи: 1) понять, точно уяснить себе самому переводимое; 2) найти, выбрать соответствующие средства выражения.

Самые общие правила при работе над переводом следующие:

1. Внимательное прочтение всего текста без помощи словаря. Каков бы уровень владения языком ни был, некоторая самая общая информация становится доступной при первом прочтении. В этом помогают имена, даты, географические названия, интернациональные слова. Интернациональные слова часто совпадают по форме и значению в разных языках, например, football, constitution, parliament, viking, и др. При их переводе мы следуем часто правилам сочетаемости или требованиям контекста. Сравните: criminal law – уголовное право, criminal talent –

криминальный талант, criminal act – преступное деяние/уголовное преступление. Но некоторые слова являются «ложными друзьями» переводчика, например, formal – официальный (formal charge – официальное обвинение, а не формальное). В таких случаях следует проконтролировать свою догадку по словарю. Понимание слов может быть на основе словообразовательных элементов (морфемного анализа). Например, crime – criminal – noncriminal – criminology – criminological. В определении темы может помочь понимание заголовка, сравните: «The Bodies of Government in the UK» – «Органы управления Великобритании». Однако заголовок «US Government» может трактоваться по-разному – «Правительство США», «Форма управления США», «Правление/управление США». После знакомства с текстом выясняем, что в тексте говорится о трех ветвях власти, т.е. об органах управления США. И тем не менее на этом этапе понимание заголовка поможет определить общую направленность иноязычного текста.

2. Повторное прочтение всего текста поможет определить его структуру, выделить ключевые фрагменты. Ключевые фрагменты – это слова и сочетания, достаточные для идентификации содержания текста. Ключевые фрагменты позволяют проследить развитие главных тем текста в рамках абзаца или группы абзацев. Однако в одном абзаце может быть выделено несколько фрагментов, и в то же время ряд абзацев может не содержать ни одного фрагмента. При повторном прочтении для понимания оригинала дает о себе знать уровень владения грамматикой. Ведь лексика – всего лишь «листья», а грамматика – «дерево» текста. Адекватный перевод тогда только возможен, когда переводчик ясно видит структуру предложения и роль каждого «листа» в этой структуре.

3. Третий этап – передача иностранного текста средствами родного языка, поиск неизвестных слов в словаре. Найти в словаре абсолютное соответствие – явление относительно редкое, поэтому при переводе приходится учитывать смысловые и стилистические особенности. Словарные возможности переводчика определяются возможностью использования тех словарных значений, которые доступны пользователям традиционных двуязычных словарей.

4. При оформлении перевода следует придерживаться той разбивки текста на абзацы, которая была в тексте оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пассов Е.И. Учебное пособие по методике обучения иностранным языкам. Воронеж, 1975.
2. Розов О.А. Методика обучения беспереводному чтению на иностранном языке. Владимир, 1971.
3. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М., 1987.

К ВОПРОСУ О РОЛИ И МЕСТЕ ПЕРЕВОДА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Земляков В.Д.,
старший преподаватель кафедры
иностраннных языков Белгородского
юридического института МВД России
Землякова Т.А.,
преподаватель кафедры иностранных
языков Белгородского юридического
института МВД России

Для грамотного перевода с иностранного языка на русский в первую очередь необходимо усвоить в общих чертах грамматический строй этого языка, накопить определённый словарный запас, то есть иметь общую языковую подготовку. Такой минимум должны иметь выпускники средних учебных заведений. Поэтому перед преподавателями иностранных языков неязыковых вузов вполне можно ставить задачу – формирование и развитие навыков перевода специальных текстов с иностранного языка на русский.

Под переводом следует понимать процесс и результат создания на основе исходного текста на одном языке равноценного ему в коммуникативном отношении текста на другом языке. В основе правильного перевода лежит принцип адекватности, т.е. соответствия текста перевода тексту оригинала. Для успешного осуществления перевода даже непрофессиональными переводчиками необходимы следующие условия:

- Знание определенного минимума наиболее употребительных слов, а именно служебных слов (предлоги, союзы, союзные слова); неправильных глаголов в трех основных формах; общеупотребительных слов, часто встречающихся в текстах на любую тему; специальной терминологии.
- Знание основ грамматики иностранного языка.
- Знание одних слов не может обеспечить понимания и правильного перевода текста. Лексика представляет собой лишь строительный материал языка, который получает осмысленный характер, организуясь по правилам грамматики.
- Владение основами техники перевода
- Знакомство студентов с той областью знаний, к которой относится данный текст.

Это положение приобретает особое значение при работе над юридическими текстами. Студент, не знакомый основательно с соответствующей областью юриспруденции, неизбежно сделает ошибки и исказит текст оригинала. На данный момент необходимо обратить внимание при составлении тематических планов по иностранным языкам и подборе учебных материалов, учитывая межпредметные связи.

Со служебными словами и общеупотребительной лексикой, как и основами грамматики, студенты познакомились еще в средней школе. Дальнейшему развитию этих навыков будет уделяться внимание на практических занятиях по иностранному языку в высших учебных заведениях. Специальная терминология на иностранном языке будет накапливаться в процессе изучения различных лексических тем в соответствии с тематическими планами. Необходимые знания в области юриспруденции студенты получают на соответствующих лекциях и семинарах. Возникает вопрос: когда целесообразно познакомить студентов с основами перевода? По нашему мнению, это необходимо сделать непосредственно после изучения студентами вводно-коррективного курса и начать следует с техники перевода простого и сложного предложений и пути преодоления лексико-грамматических трудностей при этом.

Основным средством полного и правильного понимания английского текста студентами является лексико-грамматический анализ предложения. Английский язык по своему строю значительно отличается от русского. В русском языке отношения между словами определяются грамматическими окончаниями, и порядок слов не играет большой роли. В английском же языке почти нет грамматических окончаний, и одним из основных средств определения синтаксической функции слова является место, занимаемое им в предложении. Поэтому в языке установился твердый порядок слов: подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство.

Например:

A detective arrests a criminal.

Сыщик арестовывает преступника.

Изменение порядка слов влечёт за собой коренное изменение смысла высказывания:

A criminal arrests a detective.

Преступник арестовывает сыщика.

Понимание этого явления значительно влияет на правильный перевод не только с английского языка на русский, но и с русского языка на английский. Рассмотрим технику перевода повествовательных предложений.

Техника перевода простого предложения состоит из двух основных этапов: а) синтаксического анализа предложения и б) морфологического разбора слов.

Синтаксический анализ заключается в членении предложения на синтаксические группы в соответствии с твердым порядком слов:

- 1) группа подлежащего (подлежащее с поясняющими словами);
- 2) группа сказуемого (сказуемое с поясняющими словами);
- 3) группа дополнения (дополнение с поясняющими словами);
- 4) группа обстоятельства (образа действия, места, времени и др.).

Иногда с целью логического выделения обстоятельство выносится на нулевое место, т.е.

занимает положение перед подлежащим, например:

- Robert is <u>at the crime scene</u> .	- Роберт – <u>на месте происшествия</u> .
- Where?	- Где?
- <u>At the crime scene</u> he is.	- <u>На месте происшествия</u> он.

Определение не имеет фиксированного места в предложении и входит в состав той синтаксической группы, с которой оно логически связано. Различают *левое определение*, которое обычно выражается местоимением, прилагательным или причастием, и *правое определение*, которое может быть выражено группой слов с предлогом (of, for, in, to и др.), причастным оборотом, инфинитивом, герундием с предлогом или придаточным предложением:

Левое определение

our officer
a **good** officer
an **investigating** officer
the **arrested** officer

Правое определение

the officer **of our division**
the officer **investigating the crime**
the officer **to be arrested**
the officer **who is at the crime scene**

Членение предложения на синтаксические группы надо производить по характерным признакам данных групп.

I. Признаки группы подлежащего:

- 1) Группа подлежащего, как правило, стоит слева от группы сказуемого.
- 2) Обычно подлежащее выражается личным местоимением в именительном падеже или существительным без предлога, которое можно определить по трём основным признакам:

- а) по артиклю – **a, an, the**;
- б) по окончанию мн. числа – **s**;
- в) по наличию после него предлога – **of**.

II. Признаки группы сказуемого:

- 1) Признаком сказуемого являются личные формы вспомогательных и модальных глаголов:

- am, is, are, was, were;
- have, has, had;
- do, does, did;
- shall, should, will, would;
- can, could, may, might, must;

и их отрицательные формы с частицей **not**: am not, haven't, shan't, cannot и др.

Обычно вспомогательный или модальный глагол стоит не один, а является частью сказуемого:

They **are reading** now.

- 2) Сказуемое можно определить по окончанию прошедшего времени **-ed** правильных глаголов:

He **examined** the crime scene.

и по II форме неправильных глаголов:

The lawyer **wrote** a letter.

- 3) Сказуемое также можно определить по окончанию 3-го лица ед. числа настоящего времени – **s**:

She **looks** after our children.

III. Признаки группы дополнения:

Единственным признаком группы дополнения является её положение справа от группы сказуемого. Различают 3 вида дополнений:

- а) Прямое дополнение, отвечающее на вопросы русского винительного падежа (кого?, что?):

The officer interviews **a witness**.

- б) Беспредложное косвенное дополнение. Некоторые глаголы (**to give** *давать*, **to show** *показывать* и др.) требуют после себя кроме прямого, ещё и косвенного дополнения без предлога, отвечающего на вопрос кому?:

I showed **him** a photo.

Если беспредложное косвенное дополнение поместить после прямого, то оно должно употребляться с предлогом **to** или **for** и, таким образом, становится предложным косвенным дополнением:

I showed a photo **to him**.

в) Предложное косвенное дополнение состоит из сочетания предлога со словом (группой слов) и отвечает на вопросы русских косвенных падежей (кроме винительного). Обычно оно занимает место после прямого дополнения:

He informed the police **about a crime**.

IV. *Признаки группы обстоятельства:*

Группа обстоятельства обычно стоит на конце предложения или, реже, в начале предложения перед подлежащим. Границы группы обстоятельства часто обозначаются предлогами (места, движения или времени):

The police detect the criminal **in town**.

Перевод незнакомого предложения нужно начинать с главных членов предложения, содержащих основную мысль: с подлежащего и сказуемого. Легче всего в предложении отыскать сказуемое благодаря его глагольным признакам. Далее, опираясь на сказуемое, не трудно определить и остальные члены предложения, используя твёрдый порядок слов.

Словарь даёт значения слов в функциях различных частей речи: **work** – *n. работа; v. работать*. Отсюда следует, что прежде чем обращаться к словарю, надо определить, какой частью речи является данное слово в предложении. Для этого необходимо произвести морфологический разбор на основе синтаксического анализа.

Произведём для примера синтаксический анализ и морфологический разбор следующего предложения:

At present time the judiciary places a youthful offender in the reformatory

а) по глагольным признакам (окончание **-s** 3-го лица ед. числа настоящего времени) находим сказуемое: *places*

б) по местоположению слева от группы сказуемого и по артиклю **the** определяем подлежащее: *the judiciary*

в) по местоположению справа от сказуемого находим группу дополнения: *a youthful offender*

г) определяем границы группы обстоятельства по предлогам **at** и **in**:

at present time и *in the reformatory*

Установив, таким образом, синтаксические группы предложения, определяем теперь морфологическую принадлежность (т.е. принадлежность к частям речи) незнакомых слов.

1) *at present time*

Слово *present* стоит на месте определения, и, следовательно, выполняет функцию прилагательного. Поэтому мы будем искать его в словаре под условным обозначением *a* или *attr.*

2) *the judiciary*

Артикль **the** показывает, что подлежащее выражено именем существительным, поэтому отыскиваем его значение под обозначением *n.*

3) *places*

Восстанавливаем исходную форму смыслового глагола путём отбрасывания окончания **-s** и находим значение слова **place** под обозначением *v.*

4) *a youthful offender*

В группе дополнения по словообразовательным элементам (т.е. суффиксам **-ful** и **-er**) отыскиваем в словаре соответственно значения прилагательного и существительного.

5) *in the reformatory*

Это обстоятельство состоит из предлога **in** (значение которого мы знаем) и существительного (на что указывает артикль **the**). Под обозначением *n* находим значение незнакомого нам слова.

Определив, таким образом, значения незнакомых слов и согласовав их друг с другом, получаем перевод всего предложения:

В настоящее время судебная власть помещает юного правонарушителя в исправительное заведение для малолетних преступников.

Рассмотрим технику перевода сложного предложения. Прежде чем переводить предло-

жение текста, нужно прочесть его до конца и установить простое оно или сложное. Признаками сложного предложения являются:

- а) наличие более чем одного подлежащего и связанного с ним сказуемого;
- б) наличие сочинительных и подчинительных союзов между предложениями;
- в) наличие в некоторых случаях знаков препинания, отделяющих предложения.

Затем можно воспользоваться следующей схемой анализа и перевода этого предложения:

1. Установить, что предложение сложное путём нахождения грамматических подлежащих и согласованных с ними сказуемых.

2. Найти все служебные слова, соединяющие предложения и, учитывая знаки препинания, разбить сложное предложение на простые.

3. Учитывая характер соединительных слов, определить тип сложного предложения; найти главное и придаточные предложения.

4. Произвести синтаксический анализ, морфологический разбор и перевод главного, а затем придаточных предложений.

Представив, таким образом, материал, необходимо закрепить его и постараться довести до автоматизма. При этом нельзя забывать, что в переводе как сложном виде речевой деятельности имеются специфические умения и навыки, которые нужно специально формировать: например, девербализация и трансформация.

Для формирования навыков девербализации можно использовать микрореферирование. Студентам предлагается текст, из которого они должны выписать ключевые слова и затем предложить свои варианты пересказа всего сообщения, опираясь на записанные слова.

Трансформацией являются различные преобразования текста при сохранении его содержания. К лексическим трансформациям относят замену слова или выражения их синонимами. Семантические трансформации предполагают толкование тех или иных лексических единиц. Грамматическими трансформациями называют замену одних грамматических конструкций на другие. Благодаря такой работе над текстом, можно получить несколько переводов, имеющих право на существование. Различные варианты можно сравнивать и выделять наиболее удачные работы, то есть не только точно передающих содержание сообщения на языке оригинала, но воссоздающих средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения.

Таким образом, преподаватели иностранных языков должны уделять на занятиях внимание некоторым общим вопросам перевода, а именно: сущности и способам достижения адекватности перевода, проблеме выбора слова и передаче значения грамматических конструкций, способам и приемам преодоления важнейших лексико-грамматических трудностей перевода, без решения которых невозможен грамотный перевод специальных текстов, и соответственно, самостоятельная работа с иноязычным материалом по специальности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Архипов А.Ф. Самоучитель перевода с немецкого языка на русский. М., 1991г.
- 2. Баристов Н.Б. Основы перевода. М.: Литература на иностранных языках, 1959.
- 3. Кравченко А.П. Немецкий язык. Практикум по переводу. Ростов-на-Дону, 2002.
- 4. Миньяр-Белоручев Р.К. Обучение переводу в школе с углубленным изучением иностранного языка // ИЯШ №1, 1995.

НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОВ

Зубарев Г.П.,

к.филол.н., профессор, начальник
кафедры иностранных языков Академии
федеральной службы охраны России

Кашина С.В.,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры
иностранных языков Академии
федеральной службы охраны России

В последние десятилетия внимание ученых-лингвистов все чаще обращается к процессам номинации, проходящим в специальной лексике, в частности, в научной и профессиональной речи. В этой связи весьма актуальным становится вопрос о номинативной роли тропов: метафоры, метонимии, персонификации, иронии и т. д. Термины, возникшие таким образом, чаще всего транспорентны по своей внутренней форме. Предметы и понятия, которые не укладываются в наше представление, становятся легко понимаемыми для широкого круга специалистов. Этим частично объясняется то предпочтение, которое отдается мотивированным способам терминологической номинации.

Номинативная функция тропов обнаруживается в первую очередь в современных стремительно развивающихся отраслях человеческого общества, таких как телекоммуникации, компьютерные технологии. Наиболее часто терминоподобные слова зарождаются в жаргонной (сленговой) составляющей лексики этих отраслей. По мнению Н. В. Виноградовой, «роль номинативной функции ...гораздо более существенна в компьютерном жаргоне, чем в других профессиональных диалектах» [1]. Хотя освоение жаргонизированной лексики активнее происходит в сниженном языковом регистре, было бы неправильно недооценивать распространенность ее использования в повседневной коммуникации. В результате последовательной ротации жаргонное слово «обкатывается» в профессиональной среде в качестве термины и постепенно становится термином, используемым в официальных документах. Эмоционально-экспрессивная сторона стирается, слово приобретает однозначное толкование, ср.: *браузер, мышь, вирус, спам, ноутбук* и др.

Есть различные способы мотивированной номинации: метафорический перенос, метонимический перенос, морфемно-мотивированный способ и другие. В отдельных случаях эти способы взаимодействуют между собой, образуя полимотивированные термины. В рамках данной статьи рассматривается номинативная функция метафоры на примере «устоявшейся» лексики, зафиксированной в специализированных словарях. Как показывает анализ, метафорический перенос является наиболее распространенным способом формирования терминов.

Для терминообразования метафорическим путем характерно то, что номинируемый денотат всегда имеет какую-нибудь сходную общую черту с предметом, которому дается название. В номинативном плане метафора по своей сути строится по определенным моделям. Как способ семантического словообразования она во всех языках мира занимает достаточно прочное место. Метафорический перенос, как указывалось выше, основан на сходстве или противопоставлении понятий. Семантическая мотивированность может быть обусловлена различными ассоциативными признаками, сходством формы, функций или признаков. По мнению Релеке, метафора возникает по трем моделям: человеческое и животное тело, человеческая психика и интеллект, повседневная механика. Считаем необходимым добавить в этот список еще одну модель: природные явления. В этой связи разным языкам присущи различные модели. Понимание этой особенности важно для преподавания иностранных языков, так как именно в сфере межкультурной лингвистики обнаруживаются существенные различия между языками [2]. Образованные путем метафорических переносов термины отличаются большей образностью.

Для того чтобы лучше понять процесс, лежащий в основе формирования неологизмов, прежде всего в жаргонной лексике, вначале рассмотрим примеры из терминологии нейтрального стиля. Сопоставим способы образования терминологических единиц в трех языках: немец-

ком, английском и русском на материале немецко-русского [6] и англо-русского словарей по радиоэлектронике [4].

В немецком языке, в отличие от английского и русского, зафиксировано гораздо больше терминов, построенных на основе сходства физиологических (чаще родственных) человеческих отношений: *Mutterbild* – изображение-оригинал, *Mutter-sender* – главный передатчик, *Tochter-drucker* – вспомогательное печатающее устройство, *Tochterstation* – ведомая станция; *Zwillings-sender* – сдвоенный передатчик, *Zwillingstransistor* – составной транзистор. В «Немецко-русском словаре по радиоэлектронике» фиксируется свыше 40 терминов, первым компонентом которых служат существительные *Vater*, *Mutter*, *Tochter* (но ни одного с *Sohn*!), *Zwilling*, среди них мы находим лишь два русских аналога: *Mutterplatte* – материнская плата и *Tochtersatellit* – дочерний спутник.

В англо-русском словаре термин *mother* – второй металлический оригинал фонограммы и производное от него *mother-board* – материнская плата встречается один раз. Слово *daughter* в словосочетании *daughter-board* – дочерняя плата зафиксировано лишь в словаре по вычислительной технике [5] и также лишь один раз. Отсутствуют существительные *отец* (*father*), *сын* (*son*), зато английский эквивалент немецкого существительного *Zwilling* (близнец, двойник) широко распространен в различных словосочетаниях: *twin-cord* – двужильный, *twinplex* – двухканальный, *twin triode* – двойной триод, *twin circuit* – схема на паре Гото и т.п. Точный эквивалент слова *двойник* зафиксирован в производном термине *двойникование* (анг. *Twinning*).

В качестве признаков в метафорической номинации часто используются названия отдельных частей тела человека или животного: *палец*, *ножка*, *пятка*, *колено* (волновода) *глазок*, *рог* (разрядника), *клювик* и т. п. Метафорический перенос по внешнему сходству с различными животными чаще наблюдается в формировании существительных в адъективной функции (в англ. языке) или прилагательных (в русском языке): *catwhisker* (усы кошки) *diode* – точечный диод, *butterfly circuit* – контур бабочка, *snake* (змея) *circuit* – паразитная цепь.

Существуют и терминологические словосочетания, заимствовавшие эпитеты из области других наук, например во фразе *sessile dislocation* – сидячая дислокация первый компонент заимствован из ботаники и зоологии.

Что касается модели «человеческая психика, физиология и интеллект», она чаще встречается в английской лексике, а именно – в прилагательных: *blind-spot detection* (обнаружение объектов вне зоны видимости), *alive/dead circuit* (под напряжением/обесточенная цепь), *dead-on-arrival circuit* (ИС, вышедшая из строя до использования), *deadbeat* (апериодический) и т.п. Следует отметить, что в целом роль прилагательных в метафоризации ограничена. В описываемых языках метафорические новации представлены преимущественно субстантивной лексикой, в частности, по данным Н. С. Карповой, в русском языке они составляют 66,6 % от общего числа исследованных ею лексических единиц [3]. В этой модели в английском языке возможно также использование существительного в адъективной функции, например *idler circuit* – холостой контур (прямое значение слова *idler* – бездельник).

В основе ряда терминологических словосочетаний лежат слова, связанные с некоторыми аспектами человеческой деятельности: *bucket-brigade circuit* (схема на ПЗС типа пожарная цепочка), где *bucket* означает ведро, *population density* (плотность населения) и др. Редко метафора формирует самостоятельный термин: *angel* – «ангелы», ложные отражения (от птиц, объектов неизвестных), *inheritance* (наследство) и некоторые другие.

На основе модели «повседневная механика», а именно – «орудия труда, созданные человеком», сформированы следующие термины: *pencil* – луч света, *boat* – лодочка, *disk* – диск и т.п. Эти же термины и некоторые другие входят в ряд словосочетаний в качестве определений: *screw* – винтовой, *dish* – тарелка, *оптический* и др.

В качестве примеров выделенной нами модели «природные явления» можно привести немало терминологических словосочетаний, в состав которых входит определение, указывающее на сходство денотата с определенными объектами окружающего нас мира: *honey comb* – медовые соты и *honey comb diode* – диодная матрица в словаре по радиоэлектронике, а в словаре по связи дана метафора *сотовый* (диод) [7]; *tree-damage* – древовидное разрушение, *star topology* – топология звезда, *electric breeze* – электрический ветер.

Большинство терминов и слов жаргонной компьютерной лексики – метафоры. Ср.: *шлейф* (от нем. *Schleife* – петля) – контур обратной связи, *bag* (от англ. *bug* – жук) – непредви-

денная в компьютерной программе ошибка, *брандмауер* (от нем. *Brandmauer* – противопожарная стена) – аппаратно-программный комплекс, создающий защитный барьер между двумя или несколькими сетями; *снег* (от англ. *snow*) – помеха на изображении в виде множества белых пятен; *сота* (сотовая связь, сотовый телефон) от англ. *cell* (ср. нем. *Zelle*) – одна из ячеек, определяющихся зонами покрытия отдельных базовых станций и образующих вместе сотовую сеть, а также канал, портал, протокол, маркер, вирус, версия, миксер, пароль и многие другие термины, в которых просматривается главная черта термина – семантическая однозначность.

Как отмечает В. К. Харченко, «номинативные свойства метафор просвечивают не только в пределах конкретного языка, но и на межъязыковом уровне. Образ может возникнуть при дословном переводе заимствованного слова и, наоборот, при переводе слов родного языка на другие языки» [8]. Значительная часть метафоризированной терминологической лексики приходит в русский язык как кальки из других языков, большей частью из английского: *электронная почта*, *бегущий код*, *жесткий диск*. Особенно распространено калькирование в жаргоне: *сторожевой пес для компьютера* (англ. *watch-dog timer*), *icebreaker* (англ. ледокол) (программа для взлома), *программа-почтальон*, *мусорный ящик*, *приложение-убийца*, *всемирная паутина*. В жаргонной терминологии для процессов метафоризации характерно также использование традиционных фольклорных и литературных персонажей: *Баба Яга – видеопроектор*, *Аватар* (санскр. *Аватара* – «нисхождение», в индуизме одно из земных воплощений бога Вишну) – синтетический интерактивный объект, представляющий пользователя в виртуальном мире; технология беспроводного доступа «*блютуз*» (англ. *Bluetooth*) названа в честь датского короля по прозвищу «*Голубой зуб*», жившего в X веке и т. п.

Еще большее количество жаргонизированных метафор-терминов возникает в результате звуковой мимикрии: русифицированной фоноверсии английских слов: *босьяк* – язык программирования *BASIC*, *компот* – *COM-порт* *последовательный интерфейс*, *горелые дрова* а также *король дров*, название графического редактора *corelDRAW*, *лопата LPT-line printer* – *параллельный интерфейс*, *рак* (*rack* – сменный накопитель). Этот способ является наиболее продуктивным и приводит к появлению большого количества межстилевых омонимов. Подобного рода примеры в немецком языке зафиксированы не были.

В компьютерном жаргоне функционирует небольшое количество глаголов, образованных путем метафоризации: *скачивать*, *сливать*, *ковырнуть/ломануть/покрушить* (*взломать программу*), *тормозить* и т. п.

Частным случаем метафоры могут рассматриваться составные термины, в которых в качестве мотивированного компонента выступает графический знак, указывающий на сходство номинируемого предмета с этим знаком (*похожий на ...*) в английском и русском языках: *S-distortion* – *зигзагообразное* искажение, *F-display* – индикатор *F-мюна*, *G-display* – индикатор *G-мюна*, *T-circuit* (нем. *T-Kreis*) – *T-образная* схема; немецкие термины: *V-Grube*, *S-Fläche* и многие другие.

Таким образом, несмотря на некоторое своеобразие способов метафорического переноса при формировании терминов в разных языках, в целом он демонстрирует больше универсальных черт, чем отличий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Н. В. Номинативная функция русского компьютерного жаргона [эл. доступ]. Режим доступа: <http://www.dialogue.21.ru/dialogue2007/material.html/VinogradovaN.htm>.
2. Цит. по «Профессиональные тексты в лингвистике и в журнале «Немецкий язык как иностранный». Метафорика профессиональной лексики (Releke). <http://www.Phil.Muni.Cz/Stylistika/studia/zachtexte.html> 02.12.2006.
3. Карпова Н. С. Роль метафоры в развитии лексико-семантической системы языка и языковой картины мира (на материале английских и русских неологизмов). Автореф. дис. канд. филол. н. Саратов, 2007.
4. Лисовский Ф.В. Англо-русский словарь по радиоэлектронике / Ф.В. Лисовский, И.К. Калугин. М.: Русский язык, 1984.
5. Пройдаков Э. Англо-русский толковый словарь по вычислительной технике, Интернету и программированию / Э. Пройдаков, Л. Теплицкий. М.: Русская редакция.

6. Русско-немецкий словарь по радиоэлектронике / под ред. И.С. Янкельсона. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.: «Русский язык», 1990.
7. Соловьев В. И. Англо-русский словарь по связи / В.И. Соловьев, Т.Ю. Шитова. М.: Военное издательство, 1986. С. 247.
8. Харченко В. К. Функция метафоры. [эл. доступ]. h.g.: [http://www.nnspsu.net/fileadmin/library/books/2 web/x rest./article/lexica/structure/nar 0.1.01 2000](http://www.nnspsu.net/fileadmin/library/books/2%20web/x%20rest/article/lexica/structure/nar%200.1.01%202000).

КОГНИТИВНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «ЖЮРИ ПРИСЯЖНЫХ»)

Ильин Ю.В.,

к.филол.н., доцент кафедры иностранных
языков Нижегородской академии МВД
России, докторант

Данная работа представляет собой фрагмент сравнительного концептуального исследования, в котором в качестве примера анализируется структура концепта «Law/ закон/право» в бытовом его восприятии непрофессионалами на материале общих толковых словарей и его структура в сознании профессиональных юристов на материале специальных юридических словарей современного английского языка (BE и AE). В основе выполненной работы лежит предположение, что любые знания репрезентируются наиболее широко языковыми средствами как в профессиональной среде, так и за ее пределами. В отличие от узких, специальных наук, например ядерной физики, право относится к наукам широкого пользования. Сам факт включения базовых юридических терминов в словари общего пользования объясняется тесной взаимосвязью между областью суда и права, с одной стороны, и ежедневной жизнью граждан, с другой. По своему предназначению общие словари отражают определенный уровень знания, достаточный для понимания неспециалистами в специальных областях знания. Предполагается, что на основании последовательного развития индивида в обществе, что возможно при условии знания и исполнения индивидом основных требований со стороны государства к нему, в сознании рядового члена общества существует достаточно адекватное понимание его прав и обязанностей. С привлечением нескольких толковых словарей общего предназначения можно сконструировать конфигурацию знания закона в бытовом восприятии; в равной мере на базе нескольких юридических словарей можно спроектировать модель знания закона специалистами. Посредством сопоставления их структур возможно составить мнение об их соотношении в терминах общего и специфического значения.

Знания выражаются языком, и в этой связи актуальным является вопрос: каким языковым соответствиям следует учить курсантов и слушателей при изучении иностранного языка.

А. Обыденная картина мира права и суда на базе общих англо-английских словарей.

В качестве первоисточников обыденного знания о праве использовались пять известных толковых английских словарей, изданных во второй половине двадцатого века: Webster 1962; Shorter 1965; Chambers's 1966; Oxford ALD 1982; Longman 1993. Целью анализа было установление количественного и качественного состава когнитивного содержания юридического термина «Law» в разных словарях и возможность построения модели или имиджа обыденного представления о законе.

Количественный аспект концептуальных признаков – от 3 минимально до 6 составляющих максимально. **Качественный состав** признаков выявляется после установления совпадающих и расходящихся признаков и может быть представлен следующим образом: 1) конституент «свод, совокупность (правил)» в двух из пяти словарей; 2) компонент «правила» присутствует во всех пяти источниках, но со следующей языковой особенностью – во множественном числе в двух из пяти, в трех из пяти в ед. ч.; 3) конституент «источники» указан в четырех из пяти, но в разном составе: три источника указаны в трех словарях из пяти, к которым отнесены законодательные акты, обычаи, постановления властей. В первом словаре указаны два источника (законодательство и обычаи), в четвертом – один широкий источник (постановления

властей), в пятом такой признак отсутствует полностью; 4) признак «*обязательность (исполнения)*» присутствует в двух словарях из пяти; 5) признак «*для кого предназначен закон*» отмечен во всех пяти лексикографических источниках и конкретно репрезентируется следующими языковыми средствами: *given community, a state or community, community or state, community or society, members of society*; 6) признак «*для чего закон*» содержится в разной форме – эксплицитной и имплицитной. Наиболее явно эта составляющая содержится в определении закона в четвертом словаре (Oxford Advanced Learner's Dic. 1982) в формулировке «*proper regulation*». Здесь же она дублируется в другой равнозначной фразе «*correct conduct*». В пятом словаре этот признак выражен через глагол *to control* с его дополнительным семантико-когнитивным толкованием как «*to have power over, to rule*». При сравнении малых величин, какими являются конституенты концепта «Law», важным дополнительным параметром является «степень, интенсивность». Введение данного параметра описания подтверждает сложность структуры понятия закона, трудность проникновения в его суть, что манифестируется как четко выраженными, самостоятельными, автономно очерченными признаками, так и вариативными признаками, трудно вербализуемыми как следствие отражения, с одной стороны, сложности самого объекта познания и тонкости человеческого восприятия, с другой.

Конструируем номинативное поле концепта по данным каждого из пяти лексикографических источников, сравниваем их методом наложения малых полей на самое большое и получаем следующую конфигурацию знания концепта «Law» по данным общих толковых словарей (после каждого признака предлагается совокупность языковых соответствий, его репрезентирующих):

1) «свод, целостность» (*all, body, aggregate*); 2) «правило/а» (*rules/rule*); 3) «источники права»: а. «законодательная деятельность» (*by legislation/enacted /statute*), б. «постановления правительства» / «подзаконные акты» (*by govt/by the power of govt, by authority*), в. «обычаи» (*customary/custom*); 4) «для кого закон» (*for all members, society, community, state*); 5) «для чего закон» (*(correct) conduct, work, behaviour*); 6) «обязательность (исполнения закона)» (*binding, enforced*). Структуру конфигурации обыденного типа юридического знания составляют шесть признаков, каждый из которых материализуется несколькими языковыми соответствиями.

Б. Структура концепта «LAW» в его репрезентации специальными юридическими словарями.

Количественный анализ: в качестве итога анализа языковых репрезентаций концепта «Law» в пяти специальных юридических словарях следует отметить, что, как и в общих словарях, количественный разброс составляющих образ закона не только имеет место, но и увеличивается и составляет от 6 до 8. **Качественный анализ:** в целом конституенты знания, что такое закон у специалистов, совпадают с составляющими одноименного концепта в общих словарях, но добавляются некоторые новые языковые единицы их материализации. Общая конфигурация знания закона в рамках юридического типа знания нами представляется как состоящая из двух частей:

А. Общая или совпадающая часть знания: 1) «свод, совокупность» (*body, aggregate + code, codification*); 2) «правил /и принципов» (*rule/rules + новое слово principles*); 3) «для чего закон» (цель) (*conduct, of conduct and action + activities of people*); 4) «источники закона» а) «законодательные органы» (*legislative authority*), б) «распоряжения исполнительных органов» (*controlling authority*), в) «обычаи» (*local customs*) с добавлением квалифицирующего определения *local (customs)*; 5) «для кого закон» (*citizens, society, persons who constitute a community or state + people and organizations, a country*); 6) «обязательность (исполнения закона)» (*to enforce, binding + prescribed (2)*).

Б. Также следует отметить и существенные дополнения к тому образу закона, который создается на базе общих словарей. Только в специальных словарях появляется абсолютно новый признак: 7) «*written and unwritten laws*» - законы могут быть писаными и неписаными. Примечательно, что такой признак или такая компонента понятия закона характерны только для Англии, что и дается двумя британскими юридическими словарями. При сравнении характеристик важна не только их номенклатура у двух сравниваемых предметов мысли, но и их интенсивность как внутреннее измерение каждой характеристики. При совпадении такого конституента закона как «источники», только в американских юридических словарях названы судебные решения. Как проявление разной интенсивности общего признака «обязательность ис-

полнения закона» мы отмечаем, что этот компонент знания закона отмечен лишь в одном общем словаре, но среди специальных юридических отмечается в трех; 8) абсолютно новым качеством закона, которое не было ослвлено общими словарями, является наказуемость за неисполнение закона, которое мы обозначаем как «санкции». Это качество закона отмечается в двух специальных словарях двумя языковыми средствами: sanctions, punishment. Структуру конфигурации профессионального юридического знания составляют восемь признаков, из которых шесть совпадают со структурой обыденного юридического знания, а два являются присущими только профессиональному юридическому знанию.

В качестве краткого общего заключения по репрезентации концепта «Law» на базе общих и специальных юридических словарей констатируем, что агрегированно его содержательную структуру в современном менталитете англоязычного сообщества можно представить следующим образом:

- 1) «свод, общность» (sum – sum total – totality – aggregate – assortment – code – codification);
- 2) «правила и принципы» (rules – principles);
- 3) «законы подлежат исполнению» (to be prescribed (2), to enforce, binding, to impose; enforceable – дважды в одном источнике);
- 4) «источники права»: а) «традиции» (customs – habits – ways – practices – uses – usages – conventions – local customs); б) «законодательные органы» (statutes, acts of Parliament/Congress, formal enactments); в) «судебные решения» (court decisions); г) «исполнительные органы» (controlling authority);
- 5) «для кого закон» (for society, for citizens, for a society, for those persons who constitute community or state, for a country – for the whole country);
- 6) «для чего закон» (to guide one's actions, rules of action or conduct, to control activities of people and organizations – in employment – in everyday life – in recreation and enjoyment);
- 7) «два типа закона» (written versus unwritten);
- 8) «санкции» (sanctions – punishment).

Таково максимально полное когнитивное пространство концепта «Law» в англоязычной культуре по данным обоих типов словарей. Его структура представлена восемью когнитивными признаками, шесть из которых совпадают со структурой обыденного знания закона, а два характерны для профессионального юридического формата знания.

В обществе имеет место синтез научных и обыденных представлений о действительности суда и права. В подобных работах, посвященных типам знания, как правило, подчеркиваются их различия. Исследованный материал и фактический результат его анализа позволяет нам сместить вышеобозначенный акцент с различий на то общее, что их объединяет. Привлеченный объем фактического материала (десять современных словарей английского языка) позволяет нам предложить два типа юридических знаний – обыденное и профессиональное, но в их структурах отмечается больше общего, нежели специфического. Представляется существенным именно совпадение признаков знания одного и того же концепта в обществе, что способствует адекватному поведению членов правового общества. Расширительно концепт «Закон, право» раскрывается в тематических (судебноправовых) текстах, анализ которых с точки зрения полноты репрезентации правовых знаний составляет перспективу исследования.

Предложенное исследование ставит перед преподавателями иностранных языков в вузе МВД практическую задачу: при многовариантном обозначении каждого признака концепта (не только концепта «Law», но и других) встает необходимость отбора наиболее адекватных языковых соответствий их обозначения, которыми могут быть такие языковые средства, которые являются наиболее частотными и межстилевыми или межжанровыми. Поэтому проблема соответствий – когнитивных и языковых – в разных культурах остается актуальной и значащей.

ПУТИ ОБРАЗОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

Искандарова Г.Р.,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры
иностраннных и русского языков
Уфимского юридического института
МВД России

В последние десятилетия наблюдается активизация деривационных процессов, результатом которых стало обилие новообразований, отражающих новые реалии современной российской и немецкой действительности. Решительные трансформации государственного устройства, экономического уклада в России и Германии, смена политических лидеров, усиливающееся влияние определенных политиков на жизнь общества повлекли за собой значительные изменения в лексике русского и немецкого языков, которые выражаются в архаизации ранее известных слов и во введении новых в активное употребление [3, 25]. Характерными чертами современной жизни стали раскрепощенность языка, свобода от ограничений, способствующая расцвету окказионального, или незуального словообразования, которому присущи яркая полемичность и высокая степень оценочности новообразований.

Одним из наиболее быстрых и чутких регистраторов речевых новаций являются средства массовой информации. Объектом номинации в российских и зарубежных СМИ выступают явления общественной жизни и человек как представитель социума. Очень часто материалом для новообразований становятся имена политических и государственных деятелей. На базе таких собственных имен создаются абстрактные имена, названия процессов и качеств и обозначения лиц. Образования от собственных имен редко звучат нейтрально, они всегда оценочны, нередко содержат иронический подтекст или насмешку [2, 152].

Значительную часть таких новообразований в русском и немецком языках составляют нарицательные имена лиц, созданные по типовым образцам суффиксальных существительных со значением «сторонник, приверженец, последователь того или иного общественно-политического деятеля, его учений, взглядов и убеждений», например, рус. *жириновец, зюгановец*, нем. *Kohlianer* - «последователь, приверженец Коля», *Schäublianner* - «последователь, сторонник Шойбле», *Genscherist* - «сторонник Геншера».

Очень часто для обозначения политических противников используются формы множественного числа имен собственных, например, рус. *баркашовы, макашовы*, нем. *Zitelmänner* - «последователи Цительмана, правые интеллектуалы, старающиеся оправдать преступления нацистов», *Heitmänner* - «последователи Гейтмана, ставящие во главу политического интереса обычного, нормального немца, а не меньшинства». Как отмечает Венгелер, такой стратегией пользовались национал-социалисты Веймарской республики, называя своих политических врагов [1, 292]. Уже само звучание этих апеллятивов несет в себе оттенок негативного.

Созданные на основе собственных имен обозначения лиц нередко употребляются в форме множественного числа, т.е. возможны формы как *жириновцы, зюгановцы, руцкисты, дудаевцы* и более сниженные формы как *ельциноиды, мавродики*.

В силу известности некоторых общественно-политических деятелей в СМИ и актуальности их взглядов, позиций, действий и т.д. повышается вероятность образования новых слов от основы их имен. Так, например, иногда можно выделить целые словообразовательные ряды:

рус. яз.:

- а) *горбомания* (вариант *горбимания*), *горболюбие, горбономика*...
- б) *ельцинизм, ельциноиды, ельцинофобия, проельцинский*...
- в) *Путинбург, Путиниана, путинизм, пропутинский, путинка*...
- г) *зюгановщина, зюгановцы, зюганизация, Зюганицина, зюг-ТВ, Зюгашивили*...

нем. яз.:

- а) *Kohlismus, Kohlianer, Kohlologe, kohlig, Verkohlung, verkohlen*...
- б) *Schröderismus, Verschröderung, schröderig, schrödern*...
- в) *Genscherismus, Genscherist, Genscherisierung, genschern*...
- г) *Schäublianner, schäubleweise, schäubeln*...

Яркой приметой языка СМИ являются *nomina actionis* – обозначения процессов, действий, состояний, соотносящиеся с качествами, образом поведения и мышления и т.д. определенных политических деятелей. В русском языке они образуются от имен собственных с помощью суффикса *-изаци(я)*, например, *гайдаризация, чубайсизация, зюганизация*. В немецком языке особую продуктивность обнаруживают суффиксальные новообразования, созданные по модели «имя собственное + суффикс *-isierung*» и префиксально-суффиксальные апеллятивы типа «префикс *Ver-* + имя собственное + суффикс *-ung*», причем обе модели могут конкурировать друг с другом. Очень часто подобные новообразования имеют при себе определение в генитиве, например, *Schröderisierung/Verschröderung grüner Politik; Haiderisierung/Verhaiderung Österreichs; Westerwellisierung der Politik; Scharpinisierung; Verkohlung* и т.д.

Высокая степень продуктивности характерна для интернациональной словообразовательной модели «имя собственное + суффикс *-изм/-ismus*», которая образует стилистически окрашенные (часто негативные) существительные со значением «общественно-политическое течение, философское и религиозное учение, направление, основоположником которого является тот или иной политический деятель», например, рус. яз. *меркелизм, ширакизм, ельцинизм, шпедеризм, миттеранизм*; нем. яз. *Kohlismus, Schröderismus, Clintonismus*.

В немецком языке в отличие от русского языка весьма продуктивно образование окказиональных глаголов от имен собственных при помощи суффикса *-(e)n* со значением «вести себя как ...», «занимать позиции...», например, *genschern, schrödern, schäubeln, stoibern, töllemannen* и т.д. В русском языке подобные образования встречаются весьма редко: у Валгиной мы находим единственный окказионализм *обгайдарить* [2, 152], хотя, на наш взгляд, не исключены и такие образования, как *путинить, ельцинить*...

В последнее время отмечается рост именной префиксации в современных деривационных процессах, в частности префиксации заимствованного характера. Негативная оценка или ирония часто выражаются в немецком и русском языках с помощью приставки *анти-/anti-* со значением противоположности, отрицания, например, рус. яз. *антиявлинский, антисталинский*; нем. яз. *anti-Merkelisch, anti-Bushistisch, Anti-Kohlianer*. В русских окказионализмах встречаются и другие интернациональные префиксы, а именно: *квази-* (*квазипутинский*), *псевдо-* (*псевдопутинский*), *супер-* (*суперпутинский*).

Образованные от имен политических деятелей относительные прилагательные могут усиливать свое значение в русском и немецком языках. Так, в немецком языке они способны принимать значение степени (*kohliger, schröderiger*), а в русском языке употребляются с распространителями, указывающими на степень проявления признака (*по-настоящему путинские реформы*). Во многих случаях экспрессивность таких прилагательных усиливается контекстом:

нем. яз.: *Die SPD wird immer schröderiger (taz, 23.3.1998), die intellektuelle Opposition ist kohliger als Kohl gewesen ... (taz, 23.3.1998)* [1, 294].

рус. яз.: *Только теперь по-настоящему путинские реформы будут прямо и последовательно воплощаться в жизнь* [4].

Анализ новообразований в немецком и русском языках СМИ показывает, что образование сложных слов происходит не только путем простого сложения слов (*ельцинофобия; Gorbitanie*), но и путем сложения производящих основ с усечением начальных или конечных морфем, например:

рус. яз.: *чубаучер* = *Чубайс* + *ваучер*, *горбономика* = *Горбачев* + *экономика*

нем. яз.: *Kohlifizierung* = *Kohl* + *Infizierung*, *Eichelnomics* = *Eichel* + *economics* (англ.).

Следует отметить, что в русском и немецком языках наряду с традиционными способами словообразования активно используются и неузусальные способы, например, графическое словообразование. При графическом словообразовании происходит полное совмещение одного из исходных слов с частью другого, что на письме выделяется графически. Например,

рус. яз.: *ГОРЯчились, БУШевали, президента выбирали*

нем. яз.: *KRENZNiederlegung* (*Krenz* – последний глава ГДР, приговоренный к тюремному заключению; в игре слов *Krenz* и *Kranz* «венки» ассоциируется тюремное заключение Кренца с возложением ему венков). Подобные новообразования отличаются увеличением семантического объема, явной установкой на языковую игру и имеют ярко-экспрессивный оценочный характер.

Кроме того, в русском и немецком языке можно выделить словообразовательные модели (напр., «имя собственное + суффикс *-esk*», «имя собственное + суффикс *-loge*», «имя собственное + суффикс *-geit*»), говорить о степени продуктивности которых не представляется возможным. Они породили единичные образования, например, в немецком языке: *schröderesk*, *Kohlologe*, в русском языке: *Моникагейт*, в котором элемент *-geit* выступает в качестве нарицательного наименования крупного политического скандала (ср. другие новообразования от имен собственных – обозначений государств: *Ирангейт*, *Израильгейт*, *Панамгейт*) [2, 132 – 133].

Как видим, окказиональное словообразование от имен политических и государственных деятелей в российских и немецких СМИ происходит по уже имеющимся в словообразовательной системе моделям и с использованием уже имеющихся в языках словообразовательных средств. В известные словообразовательные модели вливаются все новые и новые имена деятелей, собственно новыми оказываются только номинации. Умение распознать и расшифровать новые наименования, несомненно, предполагает знание имени собственного и связанного с ним политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wengeler, Martin*: Zwinglisch, Marxismus, genschern: Deonomastika aus Personennamen im Deutschen. В журнале: *Muttersprache*, № 4, 2000, С. 292.
2. *Валгина Н.С.*: Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. С. 152.
3. *Васильев А.Д.*: Слово в российском телеэфире. М., 2003. С. 25.
4. *Интернет*.

ОТБОР ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Кононова Е.Н.,

к.п.н., доцент, доцент кафедры
иностраннных языков Академии
федеральной службы охраны России

Самостоятельная работа в неязыковом вузе представлена главным образом индивидуальным внеаудиторным чтением. Чтение является видом речевой деятельности, позволяющей не имитировать, а воспроизводить одну из форм реального иноязычного общения. В результате чтения осуществляется процесс получения информации, а это, в свою очередь, имеет практическую значимость для будущей профессиональной деятельности специалиста.

В процессе обучения иностранному языку в неязыковых вузах целесообразно использовать следующие виды самостоятельного внеаудиторного чтения:

1. Внеаудиторное чтение по заданию преподавателя, которое предполагает чтение дополнительных профессионально ориентированных текстов, соответствующих по своей тематике текстам, изучаемым на аудиторных занятиях, но содержащих дополнительную информацию.
2. Внеаудиторное чтение, которое предусматривает работу с текстами по самостоятельному чтению. Курсанты самостоятельно подбирают тексты с профессиональной направленностью. Они лишь получают от преподавателя указания относительно количества материала, который они должны прочитать за определенный промежуток времени. Организуя данный вид работы с текстами для самостоятельной работы, необходимо убедить курсантов в том, что самостоятельное чтение – серьезный труд, требующий большой и сложной мыслительной деятельности, воображения, памяти и волевых усилий.

Анализ научных и научно-методических источников показал, что существуют различные подходы к классификации видов чтения: а) по форме прочтения: чтение про себя; чтение вслух; б) по использованию логических операций: аналитическое и синтетическое чтение; в) по глубине проникновения в содержание текста: интенсивное и экстенсивное чтение; г) по целе-

вым установкам: изучающее, ознакомительное, просмотровое, поисковое чтение; д) по уровням понимания: полное (детальное) понимание; общее (глобальное) понимание.

В зависимости от цели обучения различаются просмотровое, ознакомительное, изучающее и поисковое чтение.

В основе каждого вида чтения лежат следующие умения:

1) понимание общего содержания: получать общее представление о прочитанном; определять, есть ли в тексте интересующая читателя информация;

2) понимание основного содержания: определять и выделять основную информацию текста; отделять информацию первостепенной важности от второстепенной; устанавливать связь (логическую, хронологическую) событий, фактов; предвосхищать возможное развитие (завершение) действия, события; обобщать изложенные в тексте факты; делать выводы по прочитанному и т.д.;

3) извлечение полной информации из текста: полно и точно понимать факты, детали, выделять информацию, подтверждающую, уточняющую что-либо; устанавливать взаимосвязь событий; раскрывать причинно-следственные отношения между ними, определять главную идею, сравнивать, сопоставлять информацию и др.;

4) понимание необходимой (интересующей) информации: определять в общих чертах тему и жанр текста; выявлять информацию, относящуюся к какому-либо вопросу, определять важность (ценность) информации и др.

Анализ научной и научно-методической литературы, изучение опыта работы преподавателей кафедры иностранных языков, анкетирование курсантов привели к выводу о том, что основными факторами, стимулирующими познавательный интерес к овладению навыками чтения, являются страноведческая насыщенность и профессиональная направленность учебного материала, эмоциональная окрашенность текстов, разнообразие тем и жанров, аутентичность текстового материала, коммуникативная направленность заданий. А для этого преподавателю необходимо создать у обучающихся положительную мотивацию, помочь сориентироваться в цели чтения и выбрать соответствующую стратегию, определить доступные курсантам уровни понимания и формировать более высокие.

Таким образом, приходим к выводу о том, что внеаудиторное чтение как вид самостоятельной работы при изучении иностранного языка носит четко выраженный познавательный характер, является одним из способов сохранения и обогащения активного словарного запаса обучающихся. Совершенствование всех видов самостоятельного внеаудиторного чтения развивает интерес к иностранному языку, прививает обучающимся навыки дальнейшей самостоятельной работы с иностранной литературой по специальности, что, в свою очередь, является необходимым условием для эффективной профессиональной деятельности специалиста.

Следует отметить, что в системе обучения иностранному языку в неязыковом вузе особое место занимает обучение информационному поиску и чтению научно-технических текстов. Чтению принадлежит исключительно важная роль, т.к. оно открывает будущему специалисту доступ к источникам информации. Чтение является одним из основных средств удовлетворения познавательных потребностей обучающихся. Познавательный интерес к овладению навыками чтения у обучающихся связан с будущей профессиональной деятельностью. Поэтому при отборе текстового материала считается целесообразным учитывать его профильную ориентацию, способность вызвать профессиональный интерес и обеспечить познавательный эффект.

Содержание самостоятельной работы по иностранному языку, главным образом, составляет самостоятельное чтение профессионально ориентированных текстов. Формирование навыков самостоятельной работы курсантов по иноязычному профессионально ориентированному чтению является особенно важным, поскольку они выступают средством: 1) достижения определенного уровня коммуникативной компетенции при обучении в вузе; 2) осуществления дальнейшего самообразования с целью повышения собственной профессиональной компетентности; 3) применения полученных знаний, умений и навыков в последующей профессиональной деятельности.

Профессионально ориентированные тексты правового и общественно-политического направления подбираются, обрабатываются и адаптируются для курсантов юридического профиля.

Этот дополнительный текстовый материал позволяет курсантам обнаружить, что юриспруденция является не только областью специальных знаний, но и непосредственно соприкасается с каждым из нас. Что, к примеру, Хартия Вольностей или Кодекс Наполеона связаны с такими актуальными проблемами, как права человека или отмена смертной казни. Именно выбор материала подводит курсантов к мысли о том, что юриспруденция – первостепенная основа человеческого общежития. Так реализуется просветительско-воспитательная цель, являющаяся сверхзадачей всякого фундаментального обучения.

Эти тексты могут использоваться как для самостоятельной работы в аудитории, так и для работы на самоподготовку, которая традиционно считается основной разновидностью самостоятельной работы.

Разработанные нами задания для дифференцированного контроля самостоятельного чтения нацелены как на расширение активного и пассивного словаря, так и на развитие навыков чтения.

Дифференцированный тестовый контроль самостоятельного чтения осуществляется по программам согласно уровню сформированности навыков (повышенная, средняя, пониженная) и включает:

- 1) выполнение письменных тестовых заданий по содержанию текстов, дифференцированных по сложности и объему (самоконтроль осуществляется по ключу);
- 2) обсуждение содержания текстов, ответы на вопросы, выделение ключевых предложений;
- 3) передача содержания текстов на русском языке (для курсантов с низким и средним уровнями языковой компетенции) и на английском языке (для курсантов с высоким уровнем языковой компетенции).

Наша экспериментальная работа по применению методики дифференцированного тестового контроля внеаудиторного самостоятельного чтения подтвердила необходимость создания целостной системы источников обучения, включающей диагностирующие тесты, комплекс учебных пособий, различных по сложности текстов по специальности и дифференцированных заданий к ним, дающих возможность работы по разным программам.

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Костромичёва М.В.,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры
русского языка Орловского
государственного университета

Судебные лингвистические экспертизы – это достаточно новый вид экспертиз, к которому в настоящее время обращаются все чаще: «необходимость производства подобных экспертиз в гражданском, арбитражном, уголовном процессе, административном производстве связана с тем, что в современных социально-экономических условиях множатся судебные иски по защите чести, достоинства и деловой репутации, авторских и смежных прав» [5: с. 387].

Наибольшим авторитетом в области производства судебной лингвистической экспертизы по праву пользуется Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). Работы членов Гильдии, представленные в многочисленных публикациях этого коллектива, имеют огромное значение для всех, кто занимается судебной лингвистической экспертизой, поскольку в них содержатся методические рекомендации по проведению экспертиз, тексты экспертиз, что оказывает неоценимую помощь не только экспертам (особенно начинающим) при проведении экспертизы, но и юристам (судьям, адвокатам, прокурорам, следователям, дознавателям) при оценке выводов лингвистического исследования.

Одним из наиболее сложных вопросов при проведении экспертизы является определение понятийного аппарата исследования. Хотя в статье 204 «Заключение эксперта» УПК РФ нет прямого указания на выделение в составе заключения понятийного аппарата, однако в практике проведения экспертиз указание терминов и их пояснение обязательны: «в методоло-

гическом параграфе эксперт обязан изложить суть используемых методов, основные понятия и термины» [3: с. 143].

В публикациях ГЛЭДИС неоднократно публиковались списки терминов и понятий, актуальных для проведения лингвистических экспертиз [см. 2: с. 45-54; 4: с. 23-32; 7: с. 204-210]. Список понятий и терминов в приведенных источниках разнится в количественном отношении. Так, в книге «Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (2002 г.) приведены «термины и слова» [7: с. 204], часть которых исключена из более поздних публикаций. Причина этого вполне объяснима: многие из приведенных терминов имеют значение, которое по определению должно быть известно как лингвистам, так и юристам (хотя бы на уровне фоновых знаний), например: *абзац, афоризм, дефиниция, диалог, каламбур* и др. Исключены из более поздних публикаций и такие лингвистические термины и понятия, как *паронимия, носитель языка, адресат, адресант, номинация*.

Однако наиболее востребованные при производстве экспертизы понятия и термины представлены фактически в неизменном количественном составе. В «Памятке по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов» (2004 г.) их список представлен следующим образом: *аллюзия, анафорические связи в тексте, бранные слова, брань, вербальный, вопросительные предложения, восприятие направленности текста, высказывание, деловая репутация, достоинство, затекстовая форма подачи информации, инвективная лексика, интерпретация, информация (сведения), ирония, иронические слова, ироническое словоупотребление, источник информации (сведений), клевета, коммуникативное намерение, коммуникативная установка, коннотация, контекст, критика, крылатые слова, выражения, матерщина, матерщинные слова, матерные слова, мат, матизмы, мнение (о фактах, событиях, лицах), намек, неинвективная лексика, нейтральная лексика, непристойная лексика, неприличная лексика, обценная лексика, обида, оскорбление, оценка (фактов, событий, лиц), порицающие выражения, высказывания, порочащая информация (сведения), предположение, репутация, сведения, суждение, утверждение, факт, цитата, честь, эвфемизм*.

Во втором издании этой книги, опубликованном двумя годами позже («Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов»), представлены те же понятия и термины, за некоторым исключением.

Нас заинтересовало, какой трансформации подвергся список понятий и терминов и их содержание именно в последних двух публикациях, поскольку они являются двумя изданиями одной книги (далее: *Памятка - 2004, Памятка - 2006*).

Так, в *Памятке - 2006* отсутствуют понятия *порочащая информация (сведения), порицающие выражения, высказывания*, представленные в *Памятке - 2004*. Это вполне объяснимо тем, что в *Памятке - 2006* опубликованы извлечения из Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (от 24 февраля 2005 г. № 3) и выдержки из комментариев Постановления, данные юридической службой ФЗГ и президентом Адвокатской палаты г. Москвы Г.М. Резником (в *Памятке - 2004* этого не могло быть по объективным причинам, т.к. указанное Постановление было принято только в 2005 г.). В п. 7 данного Постановления совершенно четко определено, что следует считать порочащими сведениями, и в *Памятке-2006* это отражено: «Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица» [4: с. 26]. Из *Памятки - 2006* исключены и подробно изложенные понятия о типах информации (*нейтральная, положительная, отрицательная*), что также объяснимо вышеназванной причиной, т.к. нейтральная и положительная информация не может служить предметом судебного разбирательства, а понятие об отрицательной (негативной) информации перекрывается понятием о порочащих сведениях.

Но кроме собственно количественных изменений в двух изданиях Памятки отмечены и качественные изменения, на некоторые из которых мы обратим внимание.

Так, из дефиниций некоторых понятий исключена часть сведений, в том числе юридического характера. Например, при определении понятия *источник информации (сведений)* в Памятке - 2004 было: «Ссылка на неопределенный источник информации не освобождает от ответственности распространившего информацию» [4: с. 26], в Памятке - 2006 этот фрагмент из определения исключен. При определении понятия *обида* исключено в Памятке - 2006 следующее: «Так как в судебном разбирательстве устанавливается истина, а не справедливость, то обида не может являться предметом обсуждения при анализе спорного текста. Кроме того, истец очень часто смешивает обиду с критикой» [4: с. 29].

Показательно сокращение в Памятке - 2006 понятия *намёк*:

Памятка - 2004: «Намек – в тексте: слова, предполагающие понимание по догадке. Намёк не может оскорблять, унижать, порочить, так как нельзя установить, был ли намёк понят, то есть была ли догадка. Намёки могут быть определены экспертом-лингвистом, но не могут быть аргументами при вычленении информации негативного содержания. Намёк может быть выражен жестом, если этот жест неприличен, а жестикулирующий имеет цель унизить адресата, то речь идет об оскорблении» [4: с. 29].

Памятка - 2006: «Намек – в тексте: слова, предполагающие понимание по догадке» [2: с. 50].

Как видим, определение подверглось значительному сокращению, по нашему представлению, вполне оправданному, поскольку намёк как речевой акт – это настолько сложное понятие, что анализ его в каждом конфликтном случае должен быть проведен с учетом разных, иногда сугубо индивидуальных обстоятельств, что убедительно показал авторитетнейший эксперт-лингвист А.Н. Баранов [см. 1: с. 205-222], выделивший разные виды намёков (истинный, сложный, регулярный, продуктивный) и проанализировавший особенности употребления намёка в тексте. Таким образом, утверждение о том, что намёк «не может оскорблять, унижать, порочить, так как нельзя установить, был ли намёк понят», хотя и верно по сути, но в некоторых случаях требует дополнительного исследования. Тем более следовало исключить из Памятки сведения о намёке в виде жеста (что и было сделано), поскольку для лингвистической экспертизы жест не может быть объектом анализа, хотя при проведении комплексной экспертизы, например, психолингвистической или лингвокультурологической, жест может быть проанализирован, но, в соответствии с правилами проведения комплексной экспертизы эту часть анализа должен провести специалист-психолог или культуролог.

Еще один показательный факт: при определении понятия *оскорбление* авторы-составители посчитали важным внести дополнение: «правовая квалификация деяния» при том, что в остальном определения дословно совпадают, ср.:

Памятка - 2004: *Оскорбление* – «выраженная в неприличной форме отрицательная оценка личности, унижающая честь и достоинство этой личности. При оскорблении унижение чести и достоинства выражается в отрицательной оценке личности, такая оценка умаляет его достоинство в глазах окружающих и наносит ущерб уважению самому себя. Оскорбление как уголовно наказуемое деяние должно быть выражено в неприличной, то есть циничной форме, глубоко противоречащей правилам поведения, принятым в обществе. Оскорбление имеет целью подчеркнуть неполноценность, ущербность лица-адресата и/или его несоответствие функциям, положению и др. Оскорбление может быть выражено в форме жестов (телодвижений)» [4: с. 30];

Памятка - 2006: *Оскорбление* – «правовая квалификация деяния, которое выражается в отрицательной оценке личности, унижающей честь и достоинство этой личности, высказанное в неприличной, циничной форме. При оскорблении унижение чести и достоинства выражается в отрицательной оценке личности, такая оценка умаляет его достоинство в глазах окружающих и наносит ущерб уважению самого себя. Оскорбление как уголовно наказуемое деяние должно быть выражено в неприличной, то есть циничной форме, глубоко противоречащей правилам поведения, принятым в обществе. Оскорбление имеет целью подчеркнуть неполноценность, ущербность лица-адресата и/или его несоответствие функциям, положению и др. Оскорбление может быть выражено в форме жестов (телодвижений)» [2: с. 51-52].

Такое же уточнение («правовая квалификация деяния») содержится при определении понятия *клевета*.

Основания для внесения уточнения, по сути являющегося отсылкой к юридической терминологии, понятно, поскольку в обыденном сознании понятие *оскорбление* несколько шире юридического понятия, ср.: *оскорбление* – «действие по знач. глг. оскорбить – оскорблять», где оскорбить – «крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства» [6: с. 646]. Здесь мы не ставим своей задачей углубляться в вопрос об оскорблении (крайне спорно отраженный в законодательстве), однако отметим, что авторы-составители Памятки внесли совершенно необходимое добавление в дефиницию понятия *оскорбление* с тем, чтобы показать – эксперт при производстве экспертизы делает различие между юридическим и общеязыковым пониманием термина.

Наконец отметим, что некоторые изменения внесены в текст Памятки - 2006 с целью привести трактовку того или иного понятия в соответствии с последними достижениями науки о языке. Так, произошла не только замена понятия *восприятие направленности текста* (Памятка - 2004) на более широкое *восприятие речи* (Памятка - 2006), но и соответственно изменена дефиниция со следующей отсылкой: «Подробнее см. В.П. Белянин. Психолингвистика. М., Флинта, 2004, с. 87-105» [2: с. 46].

Все вышесказанное убедительно показывает, насколько кропотливую и вдумчивую работу ведут члены коллектива ГЛЭДИС по совершенствованию необходимого для проведения лингвистической экспертизы понятийного аппарата. Такая работа способствует становлению этого достаточно нового вида судебной экспертизы не только в практическом плане, но и в плане теоретического обоснования проводимых лингвистами исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М. Юридический Мир, 2006. 112 с.
3. Осадчий М. Правовой самоконтроль оратора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 316 с.
4. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Медия, 2004. 104 с.
5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 688 с.
6. Словарь русского языка. Т. II. М.: Русский язык, 1983.
7. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002 336 с.

ПЕРЕВОД ТЕКСТОВ ПО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИКЕ: В ПОИСКАХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Котова Г.В.,

доцент, доцент кафедры иностранных языков
Дальневосточного юридического института МВД России

В данной статье мы попытаемся в русле общей проблематики технологических процессов перевода обозначить аспекты, связанные с ретрансляцией вербальной составляющей, т.е. с направлениями поиска лексических соответствий определенных разрядов слов, поскольку успешность в нахождении словарных эквивалентов зависит от выбора переводчиком той страте-

гии, которая основана на осознанном понимании феномена перевода, его сущностных характеристик и понятийных компонентов.

Процесс перевода воспринимается сегодня как эвристическая ментальная деятельность, нацеленная на максимально оптимальное воспроизведение исходного текста функционально эквивалентными средствами языка перевода и достигающая равноценного коммуникативного эффекта у адресата. Такая трактовка перевода связана с понятием лингвоэтнической ретрансляции, способной преодолеть (нейтрализовать) лингвоэтнический барьер, т.е. расхождение «коммуникативных компетенций носителей ИЯ (исходного языка) и носителей ПЯ (языка перевода) в части языковой системы, норм, узусов и преинформационных запасов» (6, 44), которые включают владение лингвоэтнической культурой и актуальной общей информацией общественно-исторического характера (фоновыми знаниями), т.к. в противном случае переводящий не в состоянии осознать и интерпретировать как отдельную единицу перевода, так и конкретное высказывание. Так, грамотному переводящему понятно, что выражение Werther-Effekt, построенное на аллюзии, является «эвфимистическим обозначением для суицида вследствие неразделенной любви» (9, 158) и по сути номинирует целое прототипическое явление действительности, а предложение «Das geschah am Silvester» означает, что что-то произошло не просто в день Св. Сильвестра, а в канун Нового года. Именно знание специфических элементов системы ИЯ позволяет здесь достичь правильного перевода. Таким образом, со стороны адресата при переводе происходит адаптация к его личным стандартам восприятия (прежде всего на межкультурном уровне), что порождает, на наш взгляд, отчасти ложный посыл, что переводят не слова, а смыслы, ибо в реальности при сверхзадаче передать мыслительное содержание фразы переводящий все же не только оперирует лексическими единицами, но и стремится к созданию максимально приближенного к оригиналу семантико-структурного аналога (7, 53), и как раз семантико-структурная близость текстов оригинала и перевода повышает замещающую способность последнего (7, 48) и сохраняет семантико-структурную идентичность первого (6, 252). Так или иначе речь идет об адекватном переводе, хотя сами транслатоги настоятельно указывают на нелингвистическую природу термина «адекватность». Тем не менее это понятие давно укоренилось в практике и ассоциируется с тем, что при адекватном переводе мы совершаем «перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушение норм и узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствие конвенциональной норме перевода» (4, 407). Обеспечение такого исходного уровня часто невозможно без компенсирующих адаптационных сдвигов и мотивированных отступлений. При этом всегда нужно помнить и то, что избыточная дополнительная обработка материала может привести к «сверхпереводу» (Л.К. Латышев) и, наоборот, недостаточный учет всех параметров адекватного перевода может быть чреват буквализмом. Таким образом, перевод предполагает разумный творческий поиск того или иного эквивалента, под которым в лингвистике понимается «функциональное соответствие в языке перевода, передающее на аналогичном уровне плана выражения (слова, словосочетания) все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения или один из вариантов значения исходной единицы языка источника» (8, 39). Следует указать, что понятия адекватности и эквивалентности различаются в том смысле, что последняя (эквивалентность) «отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» (3, 19). В сущности, эквивалентность предстает как некая смысловая близость языковых единиц ПЯ и ИЯ, их «смысловая общность» (В.Н. Комиссаров), предполагающая семантико-структурную равнозначность. При этом в эквивалентные отношения вступают элементы как лексико-семантического и лексико-сочетательного, так и словообразовательного и словоупотребительного, а также синтаксического уровней. Критерием правильного выбора будет не только соблюдение языковой нормы, нарушение которой является абсолютной ошибкой, но также языкового узуса, т.е. «реализации языковой системы в определенной ситуации», связанной с языковой привычкой и стереотипом употребления элементов этой системы языка (7, 105-107). Так, напр., композиты Onkelehe - *неофициальный брак* и Laternengarage - *ночная парковка под открытым небом* неуместны в официальных юридических документах и, следовательно, будут восприниматься как ломающие стереотипы экзотизмы для данного типа текстов. В практике, однако, переводящий чаще встречается с необходимо-

стью поиска соответствий в рамках одной стилистической плоскости, что также отнюдь не облегчает решение самой проблемы перевода. Ср.: *im Gefängnis der Vorurteile* - в плену предрассудков; *Dieser-Deixis* дейксис - близнего предмета (указание на предмет, находящийся в непосредственной близости от говорящего); *Schulabbrecher* - лицо, ушедшее из школы / бросивший школу до срока ее окончания, т.е. «недоучка». Укажем, что для последнего русско-немецкий словарь под редакцией Е.И. Лепинга и др. предлагает нейтральное словосочетание *vorzeitiger Schulabgänger*, стилистически несоответствующее русскому слову и лишенное отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной окраски.

Между тем появление подобных слов в текстах по правоохранительной тематике принципиально возможно. Конечно, речь не идет о законодательных документах и прочих текстах подобного ранга, построенных в рамках канонического дискурса и отличающихся семантической точностью, но курсанты и адъюнкты нередко работают с текстами из различных немецких монографий по какой-либо отрасли права, а также публикациями из оригинальных периодических изданий (например, материалами рубрик «*Strafjustiz*», «*Kriminalität*», «*Verbrechen*» и др. журнала «*Spiegel*»), характеризующимися своеобразной лексической мозаичностью. Примечательно, что если авторы монографий, несмотря на свою приверженность научному жанру, все же порой отходят от академического стиля и включают в текст лексические единицы, чуждые научной прозе, в связи с чем их стиль можно обозначить как научно-демократический (5, 205), то тексты периодических изданий, будучи публичными по предназначению, отличает жанровая гибридизация, под которой понимается соединение признаков разных жанров, семиотических кодов и функциональных стилей (10, 40). Все это на порядок осложняет перевод столь разноплановых текстов, где рядом могут соседствовать сухие юридические выкладки и яркие характеристики описываемых событий (примеров) с привлечением самой разнообразной лексики, в связи с чем такие тексты будут всегда более сложны в плане перевода нежели стилистически регламентированные тексты юридического характера, хотя при переводе последних переводящий в свою очередь должен учитывать параметры, свойственные русскому научному стилю. Это касается не столько лексического состава, однородного по своей стилистической принадлежности, сколько семантико-структурных характеристик, напр., наличия в подобных текстах побудительных предложений в форме 1 л. мн. ч. (побуждение к действию группы лиц, куда входит и сам говорящий), наличия безличных конструкций «клишированного» типа («нельзя», «можно»), а также рефлексивных структур, традиционно имплицитующих позицию самого автора (5, 206). Разумеется, такие ограничения предполагают категориально-морфологические, синтаксические и, наконец, лексические замены, без которых идентификация научного текста как такового в этническом социокультурном сознании не состоится. В свою очередь справедливо отметить, что процесс перевода существенно облегчает фактор параллелизма значений слов и грамматических форм (частей речи, глагольных и падежных форм, членов и типов предложений) (7, 120).

И все же рассматриваемые нами тексты – это прежде всего средоточие лингвоэтнических детерминаций и одновременно носители национально-культурной специфики, где инокультурный колорит сохраняется нередко на уровне стержневых слов, выступающих в виде смыслосоздающих и ценностнообразующих лингвокультурем – особых элементов языковой картины мира, несущих в себе на знаковом уровне информацию о культурном коде нации. К этой группе знаков примыкает и безэквивалентная лексика, так называемые «реалии», т.е. явления и артефакты, свойственные лишь какому-то конкретному народу. Уникальная национально-культурная специфика, заключенная в реалиях, требует особых усилий по нахождению соответствий, приемлемых для адекватного восприятия исходного понятия. На практике межкультурная адаптация реалий вынуждает переводчика лавировать между двумя противоположностями: элиминацией национально-специфического элемента, чреватой тематическим сдвигом, и полным сохранением исходного инокультурного потенциала (в ущерб прозрачности понимания и в пренебрежение основным – общественным – предназначением перевода). Понятно, что первое ведет к русификации, второе к прагматическому и коммуникативному диссонансу. Неуместно, например, переводить устойчивые выражения, где фигурируют топонимы ни в форме соответствующей по смыслу русской поговорки, ни в форме буквализма, т.к. и то, и другое вызовет комический эффект и приведет к неясной расстановке акцентов и в итоге к коммуникативному сбою. В этих случаях адекватная интерпретация высказывания в ИЯ чаще всего

сопряжена со специальными переводческими трансформациями, преимущественно с деме-форизацией, т.е. отказом от образного, иносказательного в пользу прямого, описательного, эксплицирующего способа выражения. Так, фразу «Wozu Wasser in die Elbe tragen?» можно перевести либо с частичным сохранением метафоричности («Зачем же воду в колодец носить?»), либо – что иногда предпочтительнее – при полном ее опущении, сопряженном лишь с потерей эмоциональной нагрузки, но ни в коем случае не редукцией мыслительного содержания и смысловой нагрузки фразы («Зачем же туда нести то, чего там и так много?»).

Правомерно заметить, что проблема перевода (ретрансляции) лексики, несущей метафорическое начало, всегда останется актуальной и достаточно сложной ввиду неординарности и многогранности этого разряда слов. В наибольшей мере это относится к фразеологизмам, в основе которых лежит «семантическое переосмысление или сдвиг переменных словосочетаний» (11, 653). При переводе фразеологических единств (фразеологических сочетаний, выражений) всегда важно помнить, что осмысление целого идет через понимание «образного стержня фразы» (В.В. Виноградов) и что даже при потере мотивированности образа как основы внутренней формы фразеологизм сохраняет тем не менее свою экспрессивность. Так, выражение «die Kirche im Dorf lassen» не сразу связывается со значением «nicht übertreiben», поскольку его корни уходят в далекую историю, что, однако, не повлияло на его эмоциональную оценочность, оставшуюся нестертой и по сей день. Следует иметь в виду и то, что будучи семантически связанными (устойчивыми) сочетаниями, фразеологизмы, хотя и имеют фиксированный лексический состав с общим семантически слитным, немотивируемым по отдельным компонентам значением, все же иногда демонстрируют некоторую способность к замене компонентов, что свидетельствует о непрекращающемся развитии языковой системы. Так, для характеристики одной мошенницы автор статьи вместо устоявшегося «Augenweide» использует расчлененное выражение Weide für Männeraugen, на порядок усиливающее его экспрессивность, вносящее явную номинативную диверсификацию, но вместе с тем сохраняющее в своем составе образную доминанту.

Набор приемов перевода фразеологизмов известен. Он стабилен и обозрим, но понятно, что выбор конкретного приема всегда диктует исходный материал, содержащий определенную культурно-прагматическую пресуппозицию, поэтому в одном случае это будет нахождение аналога, покрывающего все ретранслируемое значение, в другом – описательный метод либо семантическое калькирование, в третьем – трансформационные замены, не разрушающие, однако, концептуальную основу исходного высказывания. Ср.: Die Forschung bewegte sich bis Ende der achtziger Jahre in ruhigeren Gewässern. – Исследование протекало до конца 80-х годов в относительно стабильных условиях/спокойной обстановке (дословно – спокойных водах).

Сложность перевода образной лексики состоит порой в утрате мотивированности, связанной с явлением заимствования. Вряд ли каждый современный немец знает, что причастие ausgekocht образовалось от заимствованного из еврейского языка Kochem, а Pinke и Zaster для фамильярного обозначения денег являются заимствованиями из еврейского и цыганского соответственно (2, 223). Именно ореол фамильярности сигнализирует о необходимости замены таких слов в ПЯ равноценным стилистически функциональным эквивалентом «деньжата», а не вульгарным «бабло».

Обязательного упоминания заслуживают немецкие сложные существительные, характеризующиеся разнообразными межкомпонентными связями, когда определяющее слово в переводе может сочетаться с базовым не только в традиционной форме – через родительный падеж или прилагательное, – но и через предложную группу, напр., Ausbruchswerkzeug - *инструмент для совершения побега*.

Процесс поиска соответствий осложняется тем, что исходный композит как правило отмечен большей или меньшей образностью и, следовательно, необходимостью осуществления замен. Ср.: Bierlaune - *настроение куража / человека «навеселе»*; Winkeladvokat - *подпольный адвокат*; Wald-und-Wiesenfall - *заурядный случай / рядовое уголовное дело*; Stellenkegel - *должностная пирамида*; Schreibtischstrategie - *канцелярский работник / далекий от практической работы служащий*; Selbstmord-Attentäter - *террорист-смертник*. Абсолютно ясно, что подобную лексику поможет правильно идентифицировать и перевести лишь знание реалий сегодняшнего дня. Так, зная о контрабандной перевозке наркотиков в организме человека, понять такие слова как Schluck-Ware (наркотовар, перевозимый внутритриполостным способом, т.е. в же-

лудке контрабандиста путем заглатывания), Körperschmuggler-Ring (банда глотателей, т.е. банда, специализирующаяся на внутреполостной перевозке наркотиков), Drogenhund (собака, обученная розыску наркотиков) не составит труда, хотя интерпретация этих понятий потребует лингвокультурной адаптации в системе ПЯ. На этом пути неизбежны свои потери и приобретения, ибо несвойственная языку перевода словообразовательная супермодель ИЯ, порождая привычные для нее структурные образования, не имеет столь компактных аналогов в чужом языке и не может быть структурирована его средствами (ПЯ) подобным же образом (ср. *Nacherleben*, *Sich-Einfühlen* и т.п.). Эти расхождения, как уже указывалось, заставляют производить эксплицирующе-модифицирующие операции и находить (создавать) эквиваленты, сохраняющие исходный прагмативно-коммуникативный эффект. Не исключено, что в профессиональном жаргоне эти понятия часто получают особые – более емкие и «хлесткие» – обозначения, обладающие пейоративной коннотацией (ср. *висяк*, *бытовик*).

Достаточно велико и число композитов, способных вызвать ложные ассоциации, напр. *Brotbeutel* (*рюкзак*), *Wassermann* (*водолей*). Традиционно ошибочно понимается слово *Bereitschaftspolizei* (*военизированные полицейские части*) ввиду неверного толкования первого компонента, на деле восходящего к значению «часть, подразделение, полицейское формирование». Следует подчеркнуть, что данный композит переводится по сути конверсивным (обратным) способом, поскольку определяющее слово в переводе получает статус основного, базового. Ср. также: *Hemmschwelle (für den Täter)* - *пороговый барьер (для преступника)*; *Störenfried* - *возмутитель спокойствия*; *Schmiergeld* - *взятка деньгами*.

Преодолевать лингвоэтнический барьер приходится и при семантизации слов, проявляющих ингерентные свойства семантической сочетаемости ИЯ (ср. *Fruchtwasser* - *околоплодные воды*; *Weichtier* - *безпозвоночное животное*; *Blankwaffe* - *холодное оружие*; *Mundraub* - *кража небольшого количества съестного*).

Приведенная лексика отчасти выступает подобием ложных друзей переводчика – слов, имеющих, как известно, полное расхождение по значению со звукобуквенным аналогом в ПЯ, напр., *Hooligans*, обозначающее в современном немецком языке бесчинствующих футбольных болельщиков, тогда как русское «хулиган» в немецком языке имеет аналог *Rowdy*. При переводе подобных слов обучающимся целесообразно прибегать также и к толковым словарям, не упоая на свой (чаще незначительный) лингвистический опыт и контекстуальное окружение искомой единицы. Работа с толковым словарем очевидна, особенно при отсутствии данного слова в обычном немецко-русском словаре. В группу слов, не охваченных переводными словарями, нередко входят лексические единицы с многосемной структурой, что делает моноэквивалентный перевод практически невозможным. Так, перевод глагола *hinterfragen*, обозначающего «nach der Entstehungsursache, den Hintergründen von etwas fragen, es im Hinblick darauf untersuchen» (12, 1837), может быть, вероятно, только вариативным. Ср.: 1. *Ihre im Alltag nicht hinterfragte Absicht* - ее намерение, не заинтересовавшее никого в отношении причин его возникновения/ее намерение, о (скрытых) причинах которого никто не задумывался; 2. *Gebrauchstexte* – нехудожественные тексты прагматической направленности/тексты потребительского плана (для витрин, плакатов и пр.). Говоря по сути, при переводе слов, отсутствующих в двуязычных словарях, переводчик почти всегда вынужден эксплицировать заложенные в них понятия, проявляя при этом не только знание чужого, но и родного ему языка, а также общую эрудицию. Сегодня переводящий должен учитывать и расхождение в значениях, данных стереотипным специальным переводным словарем, и компьютерным словарем типа *Lingvo*. Так, композитное соединение *Sicherungs-und Besserungsmaßnahmen* стереотипный немецко-русский юридический словарь переводит как «меры безопасности и исправления», что, на наш взгляд, является неудачным вариантом перевода, тогда как *Lingvo* то же соединение трактует как «привентивно-принудительные меры при отсутствии состава преступления» и тем самым намного точнее передает заключенное в исходном слове понятие. К сожалению, большинство переводных словарей не в состоянии охватить современную лексику, обозначающую какие-то уточнения понятий посредством присоединения аффиксальных – большей частью префиксальных – морфем, порождающих новое звучание (осмысление) производного слова, напр.: *Vorkind* - *ребенок от первого брака*, *Umwohner* - *живущий неподалеку* (1, 185).

Добавочные значения вносят чаще всего именно приставки, которые ввиду обладания самостоятельным значением на сигнификативном уровне воспринимаются уже как полуаффик-

сы, способные создать определенную образную внутреннюю форму слова. Примеры, однако, показывают, что исходная образность, возникающая, как уже сказано, благодаря свойству дериивационной системы ИЯ устанавливать в словах отношения семантико-структурной когерентности, в переводе, как правило, элиминируется и заменяется экспликативно-описательным сочетанием. Это характерно в равной степени и для перевода прилагательных серийного производства с полусуффиксами -sicher, -fest, -schwach, -stark, -arm, -reich и др., обладающих ярко выраженной аксеологичностью. Между тем наличие в разных прилагательных одинаковых суффиксов еще не гарантирует единообразия в переводе, а высокая продуктивность последних не всегда обеспечивает таким прилагательным фиксацию в словаре, в связи с чем главным критерием при выборе эквивалента остается прозрачная мотивация исходной внутренней формы. Ср.: kugelsicher - *пуленепробиваемый*, feuersicher - *несгораемый*, но: ausbruchssicher - *исключающий побег*.

Вероятно, занимающемуся переводом имеет смысл составлять свои парные списки эквивалентов, включая туда не только слова, требующие особых интеллектуальных усилий в переводе, но и достаточно частотные, но неоднозначные для каждого случая перевода единицы, напр.: versagen, Hinweise, Ausprägung, Betroffene, Inpflichtnahme и т.д., при семантизации которых решающим фактором является контекст.

Ср.: Alle Behältnisse in der Wohnung waren durchsucht. – Обыскали все шкафы, ящики и коробки в квартире.

Список эквивалентов должен включать также билингвизмы – в нашем случае заимствования из английского языка, релевантные только для западногерманского группового культурно-языкового ареала, обозначаемые сегодня зонтичным понятием (с оттенком пренебрежительности) в виде контоминации Denglisch, то есть англицизмами, которые относительно прочно внедрились в немецкую языковую систему, а значит во все области жизни Германии, включая и правоохранительную сферу. Ср.: das Burn-out durch den Beruf - *профессиональное выжигание* (Er fühlte sich im Job ausgebrannt. – Он чувствовал, что профессия его выжгла изнутри); Jack the Ripper - *Джек-Потрошитель*; Rip-Dealer - *мошенники - «кидалы»*; Phishing (Password + Fishing) - *поиск (вылавливание) в Интернете данных (паролей) клиентов банков* и т.д.

При переводе билингвизмов недостаточно знать английский язык, здесь также необходимо применение каких-то переводческих приемов (калькирования, дескрипции, адаптивной модификации) ввиду того, что многие заимствования не только обладают структурно-семантическими особенностями, но и эмоционально и экспрессивно коннотированы.

Наконец, существенную трудность для перевода составляют глаголы бипредикативного плана, выражающие два взаимосвязанных процесса, иначе говоря, некое слитно-семантическое глагольное сращение, где корневой глагол обозначает доминантное действие, а его префиксальная (уточняющая) часть эксплицирует еще одно не менее значимое действие (ср.: sich umgewöhnen - *приучиться к чему-то другому/перестроиться на что-то иное*; sich kaputtsparen - *сломать себе жизнь чрезмерной экономией*; herbeizwingen - *принудительно доставить куда-либо*; sich heraufdienen - *подняться по служебной лестнице/дослужиться до высоких чинов*; wegloben - *избавиться от кого-либо путем хвалебной рекомендации*). При переводе аналогичных глаголов значение префиксальной части выступает в ретрансляте основным, а корневая часть характеризует обстоятельства, образ, причину, предполагаемый результат, инструмент действия и т.п. Таким образом, потеря колорита структуро-семантических бипредикативных глаголов компенсируется предельно точной передачей общей семантики лексической единицы.

Данные глаголы двойной предикации необходимо отличать от грамматических конструкций вторичной предикации, напр., глагольных сочетаний (weinen machen, liegen haben и т.д.) или конструкции accusativus cum infinitivo (sehen tanzen, hören spielen и т.п.), относящихся к синтаксическому уровню, т.е. отдельному предмету рассмотрения. Тем не менее, очевидно, что нахождение эквивалента на лексическом уровне зависит от осмысления общей информации, заключенной в инофонном тексте (фразе). В определенных случаях транслативные процессы затрагивают глубинные структуры, а лексико-грамматические трансформации сопряжены как с изменением тематической векторности, сменой ядра (подлежащего), вокруг которого организуется все высказывание, так и с семантическим перераспределением и антонимичными, но содержательно эквивалентными заменами (ср. Kein Beweis war ihr zu schlimm. – Для нее все доказательства были хороши).

Подводя итог, выделим как непреложную истину тот принципиально важный с позиции современного переводоведения факт, что истоки «правильного» перевода на любом уровне должны лежать в сохранении когнитивного и интенционального поля оригинала. Только тогда перевод будет ориентирован на функционально адекватную межъязыковую коммуникацию и отвечать своему социальному предназначению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропова Н.А. Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики (на материале имени существительного). Монография. М.: Прометей, 2005. 352 с.
2. Бах А. История немецкого языка. (перевод с немецкого Н.Н. Семенюк). Издательство иностранной литературы. Москва, 1956. 343 с.
3. Казанникова Д.П. Основные вопросы теории перевода: конспект лекций / Авт.-сост. Д.П. Казанникова (ФИЯ ПГПУ им. В.Г. Белинского). Пенза, 2007. 26 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС. 2004. 424 с.
5. Кострова О.А. Немецкий научный текст и переводческие приемы его культурной адаптации. // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. трудов: в 2ч. Вып. 7, ч. 1. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. 395 с.
6. Латышев Л.К. Перевод: Теория, практика и методика преподавания: учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – 3-е изд. стер. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 192 с.
7. Латышев Л.К. Технологии перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Лев Константинович Латышев. – 3-е изд. стер. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 320 с.
8. Попова Е.Б. Особенности перевода фразеологизмов с национально-культурной семантикой // Проблемы теории языка и переводоведения: Сборник статей №3. М.: МПУ, 2000. 95 с.
9. Семечко С.В. Способы межкультурной адаптации немецкого прецедентного текста «Вертер» средствами русского языка. // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. трудов: в 2ч. – Вып. 7, ч. 1. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. 395 с.
10. Татаринов В.А. Методология научного перевода: К основаниям теории конвертации. М.: Московский Лицей, 2007. 384 с.
11. Чернышева И.И. Немецкая фразеология и принципы ее научной систематизации. / Немецко-русский фразеологический словарь. Составители Л.Э. Биневиц и Н.Н. Гришин. Под ред. д-ра Малига-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Русский язык», 1975. 656 с.
12. Wahrig Gerhard. Deutsches Wörterbuch (mit einem Lexikon der deutschen Sprache). Mosaik Verlag, München, 1980.

ПОИСК ЕДИНИЧНЫХ СООТВЕТСТВИЙ КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАБОТЫ С ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Мамедова Е.Г.,

к.филол.н., учитель МОУ – Средней
школы №1 г. Мценска

Одним из важнейших видов деятельности на занятиях по английскому в вузе является работа со специальными текстами. Развитие умения студентов умело и уверенно оперировать текстовым материалом – важная задача преподавателя английского языка. Обратимся к одному из наиболее эффективных способов ее решения на примере работы с фармацевтическими текстами на английском языке. Содержание текстов, изучаемых студентами-фармацевтами, достаточно обширно: фармацевтика, ее развитие в России и за рубежом; особенности работы фармацевтических фирм и аптек, медикаментозное лечение; фитотерапия и ее роль в лечении отдельных заболеваний; инструкции по применению лекарственных препаратов и т.п. Не секрет, что работа с такими текстами представляет трудность для подавляющего большинства студентов. Для адекватного перевода фармацевтического текста недостаточно только знания языка. Студент, работающий со специальным текстом, должен владеть специфической терминологией, знать значение аббревиатур, принятых в данной области. Как облегчить понимание сложного

текстового материала? Одним из важнейших факторов, позволяющих сделать это, является работа с лексическими единицами английского текста, для которых легко отыскиваются «постоянные эквиваленты» на русском языке, или так называемые «единичные соответствия». Они относительно независимы от контекста и наиболее полно воспроизводят значение лексической единицы (ЛЕ) и поэтому являются «наиболее устойчивым способом перевода» этой ЛЕ на русский язык.

Поиск единичных соответствий целесообразен как на дотекстовом этапе работы, в процессе осмысления активного словаря занятия, так и на текстовом этапе работы, когда студентам после первого ознакомительного чтения предлагается выявить круг ЛЕ, значение которых легко понять.

В фармацевтических текстах на английском языке единичные соответствия имеются у широкого круга ЛЕ, к которым относятся :

Названия заболеваний:

Английское слово	Русский эквивалент	Английское слово	Русский эквивалент
Diabetes	Диабет	Tachycardia	Тахикардия
Tuberculosis	Туберкулез	Ischemia	Ишемия
Malaria	Малярия	Apathy	Апатия
Asthma	Астма	Hypotension	Гипотензия
Asthenia	Астения	Dysfunction	Дисфункция
Dyspepsia	Диспепсия	Arthritis	Артрит
Pneumonia	Пневмония	Depression	Депрессия

Наименования химических веществ, витаминов:

Английское слово	Русский эквивалент	Английское слово	Русский эквивалент
Proteins	Протеины	Alkaloid	Алкалоид
Calcium	Кальций	Aluminium silicate	Силикат алюминия
Cocaine	Кокаин	Marihuana	Марихуана
Codeine	Кодеин	Riboflavin	Рибофлавин
Vitamin	Витамин	Beta-adrenoreceptors	Бета-адренорецепторы
Atropine	Атропин	Amphetamine	Амфитамин

Наименования лекарственных препаратов:

Английское слово	Русский эквивалент	Английское слово	Русский эквивалент
Betaloc	Беталок	Omez	Омез
Cardene	Карден	Troxevasin	Троксевазин
Metoprolol-ratiopharm	Метопролол-ратиофарм	Drotaverine	Дротаверин
Penicillin	Пенициллин	Monopril	Моноприл
Prestarium	Престариум	Carsil	Карсил
Betaserc	Бетасерк	No-Spa	Но-шпа

Другие медицинские термины, именующие разделы медицинской науки, способы лечения, диагностики и т.п.:

Английское слово	Русский эквивалент	Английское слово	Русский эквивалент
Oncology	Онкология	Diagnostics	Диагностика
Psychiatry	Психиатрия	Anesthesia	Анестезия
Phytotherapy	Фитотерапия	chromatography	Хроматография

Поиск единичных соответствий подобного типа не вызывает больших затруднений у студентов-фармацевтов, что обусловлено, по меньшей мере, двумя факторами:

- владением студентами медицинской терминологией в результате изучения ряда специальных дисциплин (аналитическая, фармацевтическая химия, фармакология, фармакогнозия и др.)
- особенностями происхождения медицинской терминологии, заимствованной из других языков или искусственно созданной учеными на базе латинского и греческого языков.

Найденные эквиваленты воспроизводят в русском языке форму иноязычного слова. Языковое соответствие происходит на фонематическом уровне: в русских соответствиях для каждой фонемы английского языка обнаруживается близкая по артикуляции и звучанию фонема русского языка.

Поиск единичных соответствий – это лишь один из аспектов работы со специальным текстом на английском языке. Однако именно он способствует повышению уровня эквивалентности перевода, а значит, успешности усвоения студентами содержания текстового материала. Это играет большую роль в развитии у студентов лингвистической компетенции – одной из важнейших компетенций современного специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ivina T.N. English for Students of Pharmacy. Минск: Вышэйшая школа, 1987. 137 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа. 250 с.
3. Латышев Л.К. Курс перевода (эквивалентность и способы ее достижения). М.: Международные отношения, 1981. 248 с.

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ И КРИТЕРИЯХ ОТБОРА ЯЗЫКОВОГО УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Мартынова Е.М.,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры
иностраннных языков Академии
федеральной службы охраны России

Языковой учебный материал выступает в следующих разновидностях: речевая модель, лексика, текст. У речевых моделей могут быть варианты – лексические, грамматические, интонационные и структурные. Лексические варианты различаются словами, наполняющими один и тот же тип предложения. Следовательно, лексика в данном случае играет второстепенную роль наполнителя конструкций, что делает возможным осуществлять замены, подстановки по всем элементам модели.

Отбор «лексического наполнения» моделей основан на принципах учебной лексикографии – принимается во внимание, прежде всего, частотность слова и его продуктивность, то есть валентные и словообразовательные характеристики. Таким образом, отбирается наиболее частотная, но зато и наиболее нейтральная по смыслу лексика, знание которой помогает понимать 80–90 % текста. Сюда входят в первую очередь служебные слова, связки, общеупотребительная лексика, десемантизированные глаголы и некоторые устойчивые словосочетания.

При отборе лексики для речевых моделей и текстов следует учитывать два ряда объективно существующих критериев: первый основан на внутренних отношениях языковой системы, а второй – на категориях речевой деятельности.

Следует больше внимания уделять критериям речевой деятельности, поскольку при отборе лексики и текстов только с учетом первого ряда критериев мы будем иметь дело с бесцветными, препарированными текстами, не интересными для обучающихся. Если же при отборе лексики учитывать критерии речевой деятельности, то тогда в центре внимания оказывается сам говорящий, его деятельность и речь, на которые влияют социальные, культурные и психологические факторы.

Отбор содержания обучения для курсантов второго курса предполагает селекцию вокабуляра и словосочетаний, которые отражают тему «Основы вычислительной техники».

Термины информационно-вычислительной техники группируются тематически, поэтому определенный их набор вводится и когнитивно обрабатывается в рамках каждой изучаемой подтемы. Так, в рамках темы «Data processing» при отборе и когнитивном освоении лексики могут быть использованы следующие задания.

1. Вводится тематический кластер терминов универсального характера, отраженного в обозначении этапов обработки информации. Введение лексического материала и его когнитивная обработка предваряет изучение различий русскоязычных терминов «данные» и «информация» и английских – «data» и «information».

2. Предлагается:

1) установить комбинаторность данных терминов с глаголами и прилагательными. Особое внимание следует уделить сочетаниям существительное + существительное, характерным для английского языка;

2) составить перечень релевантных для изучаемой темы словосочетаний;

3) по возможности отобрать синонимичные выражения на английском языке для выделенных словосочетаний и построить синонимические ряды (обычно это относится к глаголам, употребляемым вместе с терминами и имеющим, в отличие от последних, синонимы);

4) отразить полученную информацию в дескриптивной схеме и отобразить стрелками взаимосвязи концептов «data» и «information» с другими профессионально значимыми терминами.

При отборе содержания обучения англоязычной компьютерной терминологии курсантов и формирования их иноязычного профессионально значимого тезауруса представляется необходимым научить обучающихся чувствовать логику семантических связей между лексическими единицами, осознавать уместность/неуместность их употребления в том или ином контексте, правильно использовать соответствующий синоним в собственном иноязычном высказывании на профессиональную тему.

Таким образом, для реализации этой задачи преподаватель, с одной стороны, обязан сам грамотно пользоваться отраслевым словарем по информационно-вычислительной технике (двуязычным, толковым, энциклопедическим) и использовать тезаурусный тип словаря, представляющий лексику, сгруппированную тематически и синонимически. С другой стороны, он должен научить курсантов пользоваться этими типами словарей. При отборе необходимого вокабуляра сферы информационно-вычислительной техники курсантам могут предлагаться специальные задания, направленные на поиск и когнитивную обработку профессиональной лексики, извлекаемой из словарей и текстов научно-технического дискурса.

Так, при освоении базовых терминов, например, *computer* и *computer system*, курсантам может быть дано задание на выявление максимального количества смысловых связей этих терминов с другими – синонимически употребляемыми или сопутствующими:

1. Изучите словарную статью в Collins English Dictionary, найдите словосочетания с ядром *computer*.

2. Составьте синонимические ряды и объясните разницу в значении.

3. Составьте предложения с выделенными словами и словосочетаниями.

4. Начертите схему, связывающую понятия, представленные отобранными словами и словосочетаниями.

Подобным образом организуется работа с синонимами, имеющими общее значение, например, «data»: Задача преподавателя – научить курсантов грамотно определять профессиональные термины. Для этого они должны хорошо представлять себе структуру словарной статьи в англо-английском толковом отраслевом или любом другом словаре, а также владеть принципами толкования вокабуляра. В этом может помочь следующее задание: найдите и изучите словарную статью слова «circuit» в толковом англо-английском словаре. Укажите семантические маркеры в определении, которое имеет связь с информационно-вычислительной техникой. Обратите внимание на происхождение изучаемого слова (информация такого рода обычно способствует более быстрому запоминанию значения искомого слова).

Составление учебного словаря самими обучающимися в процессе изучения какой-либо обширной темы предполагает устойчивую мотивацию, созданную преподавателем. Таким об-

разом, повышается познавательная активность курсантов и оптимизируется процесс использования данных словаря на занятиях, а следовательно, и запоминание лексики.

Учебные словари могут стать частью так называемого «Языкового портфеля» (ЯП), который становится в современной практике преподавания иностранных языков одним из новых перспективных средств обучения. Он представляет собой пакет рабочих материалов, которые отражают и процесс, и результат учебной деятельности обучающегося по овладению ИЯ. Сущность обучения с использованием ЯП заключается в создании условий, при которых в процессе обучения студенты становятся его субъектом, т.е. когда их развитие из случайного результата превращается в главную задачу как для преподавателей, так и для самих обучающихся. Главная цель этого комплекта документов – развитие интеллектуальных и творческих способностей студентов.

ИНФИНИТИВНЫЕ ФОРМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА И НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Молчанова С.Н.,

старший преподаватель кафедры
иностраннных языков и профессиональной
коммуникации Орловского
государственного университета

Инфинитив во французском языке имеет гораздо большую функциональную значимость, чем его русский аналог. Отсюда несовпадение их морфологических и синтаксических характеристик. Французский инфинитив имеет две морфологические формы: *parler, aller* – простую; *avoir parlé, être allé* – сложную.

Сложная форма обозначает предшествование по отношению к действию личного глагола. Этому значению в русском языке может соответствовать неопределенная форма глагола или глагол в личной форме совершенного вида. Например: *Quelle folie d'être parti, de les avoir laissés.* - Каким безумием было уехать и оставить их.

Эквивалентом сложной формы может служить и деепричастие прошедшего времени: *Après l'avoir fait asseoir et lui avoir servi un jus d'orange, il demanda: «Comment va ta mère?»* - Усадив ее и предложив стакан апельсинового сока, он спросил: «Как мать?»

Отглагольное существительное также может быть эквивалентом сложной формы: *Il était comme un peintre qui a trouvé sa manière après avoir de longues années pastiche les maîtres.* - Он напоминал художника, который после долгих лет подражания великим мастерам обрел, наконец, свою собственную манеру письма.

Модальные значения инфинитивных конструкций. В сочетании с инфинитивом глагол *devoir* может означать:

- долженствование: *Il doit terminer ce travail ce soir.* - Он должен закончить работу сегодня вечером.
- намерение: *Je lui ai téléphoné: il doit passer vous voir demain.* - Я звонил ему: он собирается зайти к вам завтра.
- гипотетичность: *Il doit être grand maintenant et aller à l'école.* - Он, должно быть, уже большой и ходит в школу.

Конструкция *avoir beau* + инфинитив

Конструкция *avoir beau* + инфинитив, квалифицируя действие, обозначаемое инфинитивом, как не достигающее цели, является одним из способов выражения уступительности. Ее русские эквиваленты разнообразны: 1) лексические; 2) синтаксические; 3) морфологические.

1. К первым относятся наречия типа: напрасно, тщетно, зря; глаголы: пытаться, стараться в той же грамматической форме, что и *avoir beau* + лексический эквивалент инфинитива. При этом субъект модального глагола и действия, обозначаемого инфинитивом, совпадают: *J'avais beau éviter toute discussion, elle pensait que je la jugeais.* - Я напрасно (тщетно, зря) пытался избежать любых споров, она думала, что я ее осуждаю.

2. Синтаксическим эквивалентом конструкции avoir beau + инфинитив является уступительное предложение, вводимое союзными наречиями как ni ..., что бы ni ..., хотя, пусть ..., сказуемым которого служит лексический эквивалент инфинитива в той же форме, что и avoir beau: Il avait beau aimer sa mère, il lui fallait avoir quelques heures d'indépendance, de loin en loin. - Как ни любил он мать, он испытывал порой потребность хоть несколько часов принадлежать самому себе.

Эквивалентом данной конструкции служат сочетания предлогов: при всем, несмотря на, вопреки с отлагательными существительными, производными от лексического эквивалента инфинитива, например: При всей его любви к матери, он испытывал ...

Конструкция: faillir + инфинитив / manquer + инфинитив

Сочетания faillir + инфинитив, manquer + инфинитив обозначают действия, которые были близки к реализации, но не реализовались: Ce matin tout a failli s'arranger. - Сегодня утром все чуть было не устроилось. Il a manqué (de) se faire écraser. - Еще немного, и он попал бы под машину (он едва не ..., чуть было не ...).

Этим сочетаниям соответствуют в русском языке лексические эквиваленты инфинитива в прошедшем времени совершенного вида + модальные выражения: чуть было не ..., еще немного и ..., быть близким (готовым) к тому, чтобы Субъект модального глагола и субъект действия, обозначаемого инфинитивом, совпадают.

Конструкция faire (laisser) + инфинитив

Сочетания faire (laisser) + инфинитив являются каузативными конструкциями, в которых faire и laisser приобретают модальные значения: faire – побуждать к осуществлению действия, обозначаемого инфинитивом; laisser – не препятствовать осуществлению действия, обозначаемого инфинитивом.

При переводе конструкции faire + инфинитив следует, прежде всего, учитывать факт несовпадения субъекта faire и субъекта инфинитива. Трансформация предложения с этой конструкцией приводит к субъектно – объектной перестройке, так как субъектом действия, обозначаемого инфинитивом, оказывается прямой объект исходной конструкции: Je le ferai partir = Je ferai (de la sorte) qu'il parte. Сравним: Я заставлю его уехать + Я сделаю так, что он уедет.

Если инфинитив имеет свое прямое дополнение, то его субъект получает форму косвенного дополнения: Vous faites dire à Cicéron une chose qu'il n'a jamais dite. - Вы приписываете Цицерону слова, которых он не произносил. Je lui ferai examiner cette affaire. - Я поручу ему рассмотреть это дело.

В этих синтаксических условиях местоименный субъект инфинитива может иметь форму прямого или косвенного дополнения. Personne au monde ne le (lui) fera changer d'idée. - Никто в мире не заставит его изменить свое мнение.

Если субъект и объект инфинитива являются личными местоимениями, субъект инфинитива получает форму косвенного дополнения, а объект – прямого: Ce devoir, je le lui ferai recommencer. - Я велю ему переделать это задание.

С нашей точки зрения, представляет интерес рассмотрение конструкции se faire + инфинитив. Рассмотрим ее в оппозиции к некаузативному употреблению того же глагола: se faire qche и se faire faire qch.

Во фразе: Je me fais une robe – субъект глагола se faire сам реализует действие, о котором идёт речь. Во фразе: Je me fais faire une robe – не реализует действие, обозначаемое глаголом faire, а побуждает к его реализации. Этой фразе могут соответствовать три варианта в русском языке:

1. Я шью себе платье (если в данной ситуации информация о реальном исполнителе, действие не имеет значения).
2. Я шью себе платье (не сама) у портнихи (в ателье) (если требуется информация о реальном исполнителе действия).

Эквиваленты конструкции faire + инфинитив в русском языке.

Глагол faire со значением приказання произвести действие имеет аналог приказывать, заставлять, принуждать: Faites le obéir – Заставьте его повиноваться.

Однако конструкция faire + инфинитив способна обозначать разные оттенки побуждения, которые уточняются ситуацией (контекстом):

Faire entrer un accusé – ввести заключённого.

Faire entrer un invité – проводить гостя.

Эквивалент конструкции выбирается с учётом ситуации и лексических значений инфинитива, его субъекта и объекта:

Faire acheter – поручить купить что-либо. Купить что-либо по поручению (ср: заставить купить); Faire croire – внушить (ср: заставить верить); Faire comprendre – объяснить (ср: заставить понять); Faire manger – накормить (ср: заставить поесть); Faire penser – навести на мысль (ср: заставить думать).

При переводе faire + инфинитив может быть использован и перифрастический оборот, состоящий из глагола дать в той же форме, что и faire+лексический эквивалент инфинитива: Elle a fait lire à mon fils les lettres de ton mari.

Она дала моему сыну прочитать письма твоего мужа.

При неодушевлённом объекте faire утрачивает модальное значение и становится показателем залоговой оппозиции: griller-faire griller –жариться, жарить

Sécher-faire sécher – сушиться, сушить.

При переводе faire + инфинитив возможна субъектно-объектная трансформация, в частности, когда субъектом конструкции является абстрактное существительное. Подлежащее исходного предложения трансформируется в предложное обстоятельственное слово, прямое дополнение инфинитива – в подлежащее русского предложения, сказуемым оказывается лексический эквивалент инфинитива в той же форме, что и faire: L'émotion le fit crier. - От волнения он вскрикнул (Ср. Волнение заставило его закричать).

В конструкции laisser + инфинитив наблюдается аналогия с конструкцией faire + инфинитив.

Эквивалентами laisser + инфинитив могут быть:

- модальные глаголы: разрешать, позволять, дать, не мешать и т.п.

Ne laissez entrer personne. - Никому не позволяйте входить. (Никого не впускайте).

- глагол, значение которого складывается из двух компонентов: аналога laisser (позволять) и лексического эквивалента инфинитива:

laisser tomber – уронить;

laisser pousser les cheveux – отрастить волосы;

- лексический эквивалент инфинитива в тех случаях, когда глагол laisser грамматиколлизированный:

laisser échapper – вырваться (о слове).

Итак, в обоих языках глагольные формы выполняют сходные основные функции:

Личная форма	сказуемое,
Инфинитив	подлежащее,
Дополнение	обстоятельство, часть составного сказуемого,
Причастие	определение,
Деепричастие	обстоятельство.

Основные расхождения:

а) французский инфинитив, который легко соединяется с предлогами, чаще выступает в функции обстоятельства (sans parler) и определения (machine à écrire), чем русский, который сочетается только с союзами чтобы и если (чтобы прочитать, если подумать). С другой стороны, русский инфинитив образует разнообразные виды независимых безличных предложений и предложений с модальными значениями (например: приди он вчера...);

б) инфинитивы и причастия образуют во французском языке особые конструкции, занимающие промежуточное положение между оборотом и придаточным предложением (так называемые инфинитивные предложения: je l'entends chanter и абсолютные причастные обороты).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Навроцкая И.Н.,

старший преподаватель кафедры
иностранных языков Белгородского
юридического института МВД России

Актуальным в языковой подготовке будущих специалистов в области права – юристов, сотрудников правоохранительных органов является овладение ими английским языком в учебно-профессиональной и профессионально-научной сферах общения, овладение навыками и умениями, необходимыми для того, чтобы читать и понимать юридическую литературу на английском языке, навыками перевода научного текста, овладение английской юридической терминологией.

Существуют несколько видов перевода, и в каждом из них адекватность достигается по-своему. С точки зрения функциональной и коммуникативной направленности различают три вида перевода: художественный, общественно-политический и специальный. Юридический перевод (нормативных документов, перевод договоров, перевод контрактов) является одним из видов специального перевода и его можно рассматривать в двух планах: как область практической языковой деятельности и как учебную дисциплину. Как область практической языковой деятельности юридический перевод представляет собой один из видов специального перевода, имеющий своим объектом передачу средствами другого языка разнообразных письменных и устных юридических текстов.

Юридический перевод английского текста представляет собой предмет, рассчитанный на привитие курсантам умений и навыков перевода письменной и устной речи на юридические темы на базе изучения иностранных законодательных систем, государственного устройства, конституций, кодексов, юридических документов, языковых особенностей русских и иностранных юридических материалов (юридической лексики, фразеологии, синтаксиса и стиля). Изучение языковых особенностей письменной и устной речи на юридические темы приобретает для юриста со знанием иностранного языка большое значение. К таким особенностям относятся: 1. Большая насыщенность юридических материалов юридической лексикой, основную часть которой составляют юридические термины, многие из которых переводятся на русский язык словосочетаниями и описательно (remedy -- средство судебной защиты, deterrence -- средство удержания устрашением от совершения преступных действий, indictment -- обвинительный акт и т.д.). 2. Наличие в письменной и устной речи на юридические темы особых идиоматических выражений и фразеологических сочетаний, не употребляемых или редко употребляемых в общелитературном языке (to make default – 1) не исполнять обязанности, 2) не являться в суд; Marshal of the court -- судебный исполнитель; to meet claim - оспаривать иск и т.д.). 3. Наличие некоторых стилистических отклонений от общелитературных норм, иногда довольно значительных. Сюда можно отнести: а) широкое применение в английском языке эллиптических конструкций (сокращенных, без артиклей), особенно в периодически составляемых типовых документах, форма и содержание которых изменяются в небольших пределах (сводки, сообщения, решения, заключения); б) наличие оборотов официально-канцелярского стиля в документах, посвященных общим или административно-хозяйственным вопросам; в) строго регламентированное употребление глагольных форм и оборотов речи специальной терминологии в определенных юридических документах. 4. Применение латинских слов и выражений в юридических текстах: mens rea -- виновная воля, вина; stare decisis -- обязывающая сила прецедентов и т.д. 5. Наличие сокращений, большинство которых используется только в юридических текстах и документах: (англ.) ALJ - Administrative Law Judge - судья административного суда; USJC -- United States Judicial Code -- кодекс законов США о судостроительстве; CtApp - Court of Appeal - апелляционный суд и т.д. При переводе договоров и других юридических текстов не следует забывать, что каждая страна имеет свою юридическую систему, соответствующую юридическую терминологию и свои реалии. Так, например: город-графство в Англии -- County of city (of town), county - графство, а город - округ в США - a metropolitan town; county - округ, court of error -- апелляционный суд (в ряде штатов США) и т.д. Стиль изложения юридического документа (например, перевода нормативного документа, договора,

статей уголовного кодекса) должен соответствовать стилю такого же материала на языке, на который делается перевод, однако при переводе целого ряда документов и текстов стиль оригинала может сохраняться и в переводе. При переводе юридических текстов следует помнить, что многие обычные слова в юридических текстах могут иметь терминологическое значение.

Обращение к юридическим текстам указанной тематической направленности становится особенно актуальным в настоящее время, когда профессиональное сотрудничество юристов в области правоохранительной и правоприменительной деятельности все больше интернационализируется - борьба с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, оружия, стратегических материалов, торговлей людьми, финансово-экономическими преступлениями и т.д. Возникает практическая необходимость соотнесения национальных законодательств с международными нормами права, обмена опытом деятельности полиции, суда, прокуратуры.

Лексика современных юридических текстов интересна для анализа и практики перевода еще и потому, что она активно пополняет состав общеупотребительных слов английского и русского языков, поскольку вопросы права сегодня чрезвычайно широко осуждаются в обществе, а правовая культура населения неуклонно растет. Все это обуславливает необходимость существенно повысить профессиональную компетенцию курсантов в этой предметной области.

В юриспруденции, где, как известно, иногда имеет значение не только слово, но и запятая (пресловутое: «казнить, нельзя помиловать»), вред, причиненный некачественным переводом, может быть весьма существенным. Причем вред может быть не столько эстетическим, хотя и стиль переводного текста может просто раздражать.

Творческая переработка чужого правового опыта основывается на неточном, а порой просто извращенном понимании соответствующих терминов.

Возьмем для примера то поднимающуюся, то спадающую волну бесконечных дискуссий по поводу введения в России суда присяжных. В ходе бесконечных дебатов выдвигается такой довод, как «непрофессионализм простых людей». При этом упускается из виду, что непрофессионализм суда присяжных отнюдь не недостаток, а неотъемлемый атрибут этого института. Невозможно спорить о том, хорош или плох этот атрибут. Изъяв это свойство суда присяжных, мы получим нечто совершенно другое — коллегия судей. Следовательно, абсурдно утверждение, что минус жюри в том, что присяжные «не понимают», так как непрофессионалы. Жюри по определению — собрание непрофессионалов для решения вопроса факта (не права). И, следуя формальной логике, утверждать, что «жюри — это плохо», потому что они непрофессионалы, все равно что сказать: жюри — это плохо, потому что... это жюри. Таким образом, перевод слова jury (жюри присяжных) мало что говорит истинному профессионалу. Чтобы действительно понять, нужно усвоить систему англосаксонского права целиком, а не по англо-русскому словарю, необходимо понять это чужое право со всеми его подводными течениями и надводными институтами. «Чтобы объяснить соломинку, пришлось бы разобрать на части весь мир», — сказал французский писатель Р. де Гурмон. Чтобы принять суд присяжных в России, нужно ввести юридическое мышление почтенного английского барристера и судьи (фигуры, несопоставимой по статусу в обществе с русским аналогом) с его пониманием святости процедуры как таковой.

Принципиально непереводимым вне контекста является и понятие «перекрестный допрос» (cross-examination). Для состязательной системы концепция перекрестного допроса естественна, для системы так называемого досье это явление просто не имеет смысла: здесь нет, строго говоря (как и следует говорить в контексте уголовного процесса), свидетелей обвинения или защиты. Поэтому для лица, незнакомого с особенностями англо-американской уголовной процедуры, это сочетание не несет никакой новой информации.

Американскую концепцию plea bargaining можно перевести как «переговоры с обвиняемым о заключении сделки о признании вины». Одним из условий такой сделки может быть признание вины хотя бы по одному преступлению в обмен на снятие отдельных — наиболее тяжких пунктов обвинения. Сторона обвинения может взять на себя обязательство высказаться в суде о смягчении приговора (большинство уголовных дел). Но такому либерализму (вообразите: официальная сделка с обвиняемым!) есть рациональное объяснение. Американское процедурное право дает арестованному столько гарантий («правило Миранды»), что собственное признание полагается добровольным, поскольку процедура соблюдена. Строгое следование

процедуре (суды отмечают незаконные аресты, ссылаясь на принцип *ex injuria jus non oritur*) дает возможность полагаться на признание вины, что ускоряет и упрощает судопроизводство без ущерба для правосудия. Сравнение с порочной и преступной отечественной системой выбивания признания или практикой навешивания «висяков» на обвиняемого в обмен на смягчение приговора в суде здесь совершенно неуместно. Во-первых, американская «сделка о признании вины» является сделкой в прямом смысле этого слова, тогда как доморощенные «переговорщики», договариваясь с обвиняемым, грубо нарушают закон. Во-вторых, процедурные гарантии (*due process*) самооговора в США настолько сильны (а процент оправданий именно на таких процессуальных проколах) настолько высок, что использовать институт «сделки о признании вины» в противозаконных целях трудно.

Юридический язык – это, можно сказать, «государственный язык». Данное правило является очень важным, его нельзя нарушать. Самая большая проблема в этом случае – невозможность в некоторых случаях найти точный, адекватный перевод с одного языка на другой. Это создает определенные препятствия в использовании иноязычного юридического документа.

При выполнении перевода правовых документов особое внимание должно уделяться лексической безэквивалентности, так как во всех языках существуют слова и устойчивые словосочетания иностранного языка, не имеющие более или менее полных соответствий в виде лексических единиц. Переводчику очень полезно иметь представление о такого рода явлениях.

Solicitor – поверенный, солиситор (ведет дела клиентов, подготавливает дела для адвокатов):

A solicitor, acting under a general retainer, has an implied authority to accept service of process for his client...

Солиситор, действующий на основании общего договора с адвокатом, имеет подразумеваемое полномочие брать на себя обслуживание клиента в ходе судебного разбирательства.

Перевод является видом коммуникативной деятельности, при которой курсант, студент выполняют важную социальную функцию посредника между двумя разноязычными и разнотрултурными обществами. Однако для выполнения этой функции важно обладать определенными знаниями, умениями и навыками, а также необходимой переводческой компетенцией, которая формируется в процессе обучения иностранному языку. Создание переводческой компетенции, под которой понимается умение извлекать информацию из текста на одном языке и передавать ее путем создания текста на другом языке, способствует всестороннему развитию личности будущих юристов, формирует у них внимательность и чувство ответственности, умение пользоваться справочниками и дополнительными источниками информации, делать выбор, быстро принимать правильные решения. Обучение переводу во многом определяется языковой подготовкой курсантов, в зависимости от которой существует две учебных ситуаций. В первой ситуации в процессе обучения участвуют курсанты, свободно владеющие как языком оригинала, так и языком перевода. В этом случае обучение переводу сводится к формированию собственно переводческой компетенции, развитию переводческих умений и навыков, умение использовать языковые средства на разных этапах междзыковой коммуникации. Во второй ситуации обучение переводу начинается в условиях недостаточного владения курсантами хотя бы одним из языков, участвующих в процессе перевода (являющегося для них иностранным), и осуществляется параллельно с изучением этого языка. В этом случае приходится учитывать отсутствие у курсантов достаточной языковой подготовки и дополнять собственно переводческое обучение изучением особенностей языков, знание которых необходимо для решения переводческих задач. Взаимосвязанное обучение специальному языку и переводу предполагает одновременное, параллельное развитие речевых навыков и умений в основных видах речевой деятельности и формирование собственно переводческих компетенций в основных его видах: так, обучение письменному переводу совмещается с обучением информативному чтению и письму, обучение устному переводу – с обучением говорению и аудированию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макеева М.Н. Методология организации профессиональной подготовки специалиста на основе междтльтурной коммуникации / О.А. Артемьева, М.Н. Макеева, Р.П. Мильруд. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005.

2. Структура и содержание подготовки преподавателей перевода в языковом вузе. Министерство общего и специального образования. Московский государственный открытый педагогический университет, <http://perevod.vlz.ru/5.htm>.
3. Хижняк С.П. Англо-американская и русская терминология права: социолингвистический аспект.
4. Щепотина Е.В. Лингвокультурные факторы перевода юридического текста. Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 2. 2002.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ ЛИНГВИСТА – ПЕРЕВОДЧИКА

Новикова Т.В.,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры
английской филологии Орловского
государственного университета

В соответствии с «Положением о выпускных квалификационных работах в Орловском государственном университете» выполнение такой работы является обязательным видом итоговой государственной аттестации. Следовательно, выполняется эта работа всеми студентами вне зависимости от их академической успеваемости. Под нашим руководством в течение ряда лет кроме работ, ориентированных на сравнительно-сопоставительный анализ художественного текста, выполняются работы, в основе которых лежит спецтекст. Под спецтекстом мы понимаем информативный / нехудожественный текст любой тематики: от учебного страноведческого до научного или технического. Уже не первый год студенты работают со следующими разновидностями спецтекста: научно-популярный, научный, научно-технический, общественно-политический, газетно-информационный, учебный. По тематике тексты достаточно разнообразны и охватывают экономику, юриспруденцию, менеджмент, банковское дело, сельское хозяйство и др. области знания. Естественно, что тематика и жанр текста из года в год могут повторяться, но сам текст не повторяется никогда.

Выпускные квалификационные работы данного типа имеют, как правило, один заголовок и разные подзаголовки. [Ср. например, «Перевод на русский язык спецтекста и составление к нему переводческого комментария (На материале технического текста по нефтегазовому оборудованию)» и «Перевод на русский язык спецтекста и составление к нему переводческого комментария (На материале учебного пособия по экономике Д. Бега, С. Фишера, Р. Дорнбуша)»].

Работы строятся аналогично и обычно состоят из двух глав и приложения. В главе I дается предпереводческий анализ текста (так называемая «Герменевтика перевода») и приводится перевод отдельного фрагмента (обычно не больше 12-15 страниц машинописи). Глава II представляет собой постпереводческий анализ, т.е. она посвящена рассмотрению конкретных переводческих решений. В Приложении помещается перевод оставшихся 20-25 страниц текста и оригинал.

Таким образом, в своей выпускной работе переводчик представляет от 30 до 40 страниц самостоятельно переведенного спецтекста и его анализ на двух этапах.

Предпереводческий анализ включает в себя рассмотрение таких вопросов, как прагматика текста, функциональная принадлежность и регистр текста, структура текста, связность текста (средства когезии и когерентности), стилистические особенности текста на уровне лексики и на уровне грамматики, общая характеристика текста по основным типологизирующим признакам, предсказуемое бытование текста на переводящем языке.

В постпереводческом анализе переводчик рефлексировал свои действия, т. е. описывает те переводческие решения, которые помогли ему создать на языке перевода структурный, семантический и стилистический аналог оригинала. Отдельно рассматриваются лексические, грамматические, лексико-грамматические трансформации, а также особенности передачи в переводящем языке стилистически маркированной лексики и стилистических приемов, если таковые отмечаются в оригинале.

Мы утверждаем, что подобного рода работы не только имеют право на существование, но и обладают рядом преимуществ по сравнению с традиционными работами, т.к. способствуют решению целого комплекса задач. Работы данного типа помогают:

- соединить теорию с практикой,
- осуществить межпредметные связи,
- продемонстрировать профессиональные переводческие умения и навыки,
- представить на защиту самостоятельно выполненную работу, т.к. скачивания из Интернета здесь исключены.

Само собой разумеется, что в подавляющем большинстве выпускных квалификационных работ находят отражение курсовые работы, выполняемые студентами на 4 курсе как по практике, так и по теории перевода.

Рецензируют работы те преподаватели кафедры английского языка, которые обучали переводчиков на 1-2 курсах. Тем самым обеспечивается фрагмент преемственности в работе двух кафедр: английского языка, где студенты начинают свое обучение, и английской филологии, где обучение завершается и выполняется итоговая работа.

С точки зрения руководителя несомненным плюсом работ данного типа является их универсальный характер, т.к. общая структура при различии собственно текстов для анализа и перевода позволяет в минимальной степени, но экономить время и силы, что отнюдь не мало важно в тех случаях, когда приходится руководить 5-6 работами в год.

Что касается минусов, то для нас главной проблемой является отсутствие знаний по предмету речи. Мы не испытываем трудностей или же испытываем их незначительное количество, когда работаем со статьями из периодики и с серьезными материалами ООН по актуальной политической тематике или когда обращаемся к учебникам и учебным пособиям по экономике, юриспруденции, менеджменту. Однако, когда в работе оказываются тексты по микроэлектронике, аэродинамике, климатологии, нам подчас не хватает экстралингвистических знаний и, как следствие, приходится полагаться либо на знания самого выпускника, либо на рецензента, если и у последнего есть опыт переводческой работы, причем именно в этой области. Студенту можно доверять, т. к. его понимание предмета речи в подавляющем большинстве случаев напрямую связано с опытом, полученным в ходе прохождения обязательной производственной переводческой практики. Кроме того, отдельные студенты на старших курсах занимаются и своей непосредственной профессиональной деятельностью, т. е. работают переводчиками на предприятиях, в учреждениях, в фирмах.

В заключение необходимо подчеркнуть, что выпускные квалификационные работы охарактеризованного типа не являются моделью традиционного для нашей страны представления о характере научной деятельности. Известно, что раньше дипломные работы выполнялись и подчас воспринимались как студентами, так и преподавателями в качестве заявки на будущую диссертацию. Сегодня же выпускники исследуют те проблемы, которые моделируют ситуации реальной социальной практики, в нашем случае практической деятельности переводчика-профессионала. Задача преподавателя в этих условиях состоит в том, чтобы помочь выпускнику максимально полно подготовиться к выходу на рынок труда.

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОСИСТЕМЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

Попова И.В.,

к.филол.н., доцент, доцент кафедры
русского языка Орловского
государственного университета

Формирование чешского литературного языка тесно связано с историей самого государства, именуемого в наши дни Чешской Республикой.

История Чешского государства полна драматизма и связана с многочисленными фактами, отражающими борьбу чешского народа с различного рода колонизаторами, в особенности это касается немецко-католической реакции, которая после Белогорской битвы (1620 г.) на

два столетия прекратила развитие чешского национального языка и культуры. Только с конца XVIII века начинается их возрождение. В основу новочешского литературного языка был положен язык лучших произведений XVI века, что и обусловило наличие в современном языке некоторых архаизмов и ряда отличий от живой разговорной речи.

В XIX веке была проделана огромная работа по усовершенствованию литературного языка. Его нормы были установлены выдающимся чешским деятелем культуры И. Добровским, а также писателями Б. Немцовой, Я. Нерудой, К. Я. Эрбеном и другими. Они разработали основы современного лексического состава чешского языка; именно в этот период германизмы и иноязычные слова были заменены чешскими образованиями во всех сферах человеческой деятельности: в современном чешском языке нет таких интернациональных слов, как *teamp* (*divadlo*), музыка (*hudba*), инструмент (*nástroj*), история (*dějiny*) меню (*jídelní lístek*) и многих других.

В настоящей статье сделана попытка сопоставить и проанализировать фрагмент системы основных юридических терминов и юридической лексики в аспекте их происхождения в современном чешском языке.

Система юридических терминов и слов данной лексико-семантической группы отражает основную тенденцию развития чешского языка как языка, ориентированного на собственно славянскую лексику. В этом аспекте в чешской юридической лексикосистеме можно выделить четыре группы:

1. Слова исконно славянского происхождения в тех позициях, где в русском языке, как правило, функционируют иноязычные интернациональные заимствования:

právní – правовой, юридический [3], *právní poradce* (от *poradit* – «посоветовать», а также *rada* – «совет») – юрисконсульт, *právní řád* – правопорядок, *právní věda* – юриспруденция, правоведение, *právní úkon* – юридическое действие, *právní cestou* – через суд (буквально: «правовой, юридической дорогой»), *právník* – юрист, *právníčka* – женщина-юрист, *právně* – юридически;

právnícký – юридический, *právníká osoba* – юридическое лицо;

pravo – право, *mezinárodní pravo* – международное право, *občanské pravo* – гражданское право, *trestní pravo* – уголовное право;

soud – суд, *soudce* – судья (а также: *soudkyně* – женщина-судья), *soudce z povolání* – профессиональный судья, *Nejvyšší soud* – Верховный суд, *vojenský soud* – военный трибунал, *soudní síň* – зал суда, *soudní budova* – здание суда, *soudní přelíčení* – судебное разбирательство, *soudní lékařství* – судебная медицина, *soudní pitva* – судебное вскрытие (от *pitvat* – «вскрывать, анатомировать»);

znalec – эксперт, *soudní znalec* – судебный эксперт, *znalkyně* – женщина-судебный эксперт, *znalecký posudek* – заключение экспертизы;

nárok, požadavek – претензия;

кассация – *odvolání* (от *odvolat* – «отменить, снять»);

trest – наказание, кара, возмездие, *trestní soud* – уголовный суд, *odnětí svobody* – лишение свободы, *trest smrti* – смертная казнь, *trestanec* – заключенный, *trestankyně* – заключенная, *trestanecký* – арестантский;

vězeňská (от *věz* – «базня») *cela* – тюремная камера, *soudní síň* – судебная камера.

2. Слова-термины, заимствованные из других языков: *advokát* – адвокат (из латинского языка) [2], *advokátní poradna* – адвокатская консультация (из латинского языка), *alibi* – алиби (из латинского языка): *má alibi* – у него (нее) есть алиби, *amnestie* – амнистия (из греческого языка), *kodeks* – кодекс (из латинского языка), *verdikt* – вердикт (из латинского языка), *prokurátor* – прокурор (из латинского языка), *generální prokurátor* – генеральный прокурор (из латинского языка), *prokuratura* – прокуратура (из латинского языка), *generální prokuratura* – генеральная прокуратура (из латинского языка).

3. Термины, допускающие наличие исконного и заимствованного варианта: апелляция – *odvolání* (от *odvolat* – «отменить, снять»), *apelace* (из латинского языка); протокол – *zápis* (от *zapisovat* – «записывать»), *protocol* (из греческого языка) (однако: *zapisovatel* – протоколист, секретарь; *zapisovatelka* – женщина-секретарь), спекуляция – *černý obhod* (буквально: «черный магазин»), *spekulace* (спекуляция акциями на бирже) (из латинского языка), юстиция – *justice* (из латинского языка), *soudnictví* (от *soud* – «суд»).

В данной группе наблюдается определенная закономерность: первым в словарной статье приводится исконно славянское (чешское) слово, иноязычное – на втором месте, обратное расположение предлагаемых слов-эквивалентов скорее исключение, что доказывает существование тенденции к сохранению исконно чешской лексики. Однако в кратких русско-чешских и чешско-русских двуязычных словарях, изданных в последние годы, иногда приводятся только интернациональные заимствованные единицы. Например, в словаре, выпущенном в 2000 году, в качестве единственного варианта перевода слова *протокол* приводится *protocol* [1, 185], что в свою очередь свидетельствует о появлении новой направленности – активизации употребления иноязычной лексики и предпочтения международной терминологии.

4. Терминологические словосочетания, состоящие из исконного и заимствованного слова: *právnícká fakulta* (из латинского языка) – *юридический факультет*, *právnícká studia* (из латинского языка) – *изучение права (юридических наук)*, *justiční* (из латинского языка) *vražda* – *юридическое убийство*, *odborný poradce* – *эксперт* (где *odborný* – «специальный»), *posluchač právnícké fakulty* – *юрист (студент)*, *civilní* (из латинского языка) *soud* – *гражданский суд*.

В отдельных случаях возможна дифференциация используемых синонимов в зависимости от функционального стиля. Так, слово *arest* в значении «тюрьма» приводится в словаре с пометой *spis*, что означает «*spisovný*» – литературное (слово, выражение). Однако приведенные здесь же исконно чешские слова *vězení* (от *věž*) и *vazba* (от *vázat* – «*вязать; связывать*») не имеют никаких помет, свидетельствующих о стилистической принадлежности, т.е. относятся к литературно-разговорному стилю речи.

ЛИТЕРАТУРА

Бездек Я. Русско-чешский и чешско-русский словарь. М., 2000. С. 185.

Словарь иностранных слов. М., 1979. Указание на языки-источники, из которых заимствованы иноязычные слова, делается по данному изданию.

Чешско-русский словарь, в 2-х тт. / под ред. Л.В.Конецкого, Й. Филипца, О. Лешки. М., Прага, 1973. Далее значения чешских слов даются по данному словарю.

К ВОПРОСУ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ

Рослякова В.Н.,

старший преподаватель кафедры
иностраных и русского языков
Орловского юридического института
МВД России

Практическое владение иностранным языком в повседневном общении и профессиональной сфере является основной целью изучения дисциплины «Иностранный язык» в неязыковом вузе. Учитывая специфику вузов МВД, а также профилизацию института, связанную с подготовкой сотрудников ГАИ-ГИБДД, кафедра подготовила ряд учебных программ, предназначенных для обучения иностранному языку курсантов, слушателей и студентов. В программах значительно расширен перечень изучаемых лексических тем, имеющих профессиональную направленность. Программы нацелены на формирование прочных практических навыков и умений обучающихся, на развитие их интеллектуального потенциала, на формирование в их сознании системы изучаемого языка при общей коммуникативной направленности. Владение иностранным языком предполагает владение определенным количеством слов (лексических единиц) данного языка. В связи с этим формирование лексических навыков является важнейшей составной частью каждого практического занятия по иностранному языку. В обучении лексической стороне речи различают три основных этапа: дотекстовый, текстовый и послетекстовый. У каждого из этих этапов свои цели и задачи. Работа над лексической темой начинается с дотекстового этапа, т.е. с предъявления лексики.

Как известно, каждая лексическая единица имеет значение и форму. К значению лексической единицы относятся семантические компоненты, определяющие смысл слова; комбинации

онные компоненты, определяющие связи слов друг с другом.

К форме слова относятся фонетические компоненты (при произнесении и слушании); графические компоненты (при чтении и написании); грамматические компоненты, относящиеся равным образом, как к значению так и к форме слова.

Исходя из вышесказанного, следует, что предъявление новой лексики включает в себя зрительное восприятие слова, его произнесение и семантизацию. Тренировка в употреблении лексики осуществляется в многочисленных упражнениях (подстановочных, вопросно-ответных и др.). При предъявлении профессиональной лексики на занятии по иностранному языку очень важным является ее семантизация. Преподаватель может использовать различные способы семантизации, одним из них является дефиниция.

Приведем примеры некоторых дефиниций, используемых на занятиях по французскому языку:

1. crime (m) – l'infraction que les lois punissent d'une peine afflictive ou infamante;
2. criminel (n) – une personne coupable d'un crime;
3. criminalité (f) – ensemble des actes criminels;
4. délit (m) – toute infraction à la loi, punie par elle;
5. légal (-e) – qui a valeur de loi, résulte de la loi, est conforme à la loi;
6. peine (f) – la sanction prévue par la loi et applicable aux personnes ayant commis une infraction.

Поскольку французский язык относится к романской группе языков, можно провести сопоставительный семантический анализ значений слов во французском и латинском языках. Так, французское слово «crime (m)» произошло от латинского «crimen (n)», что обозначает - обвинение, преступление, вина; «légal (-e)» - от «legalis» –правовой, законный; «peine (f)» - от «poena (f)» – наказание, взыскание, штраф; «délit (m)» - от «delictum (n)» – проступок, правонарушение.

Данные слова сохранили во французском языке как фонетические, так и графические и семантические компоненты.

Сопоставительный семантический анализ значений слов профессиональной направленности во французском и латинском языках способствует выявлению значения данных слов в русском языке, позволяет углубить запас знаний обучающихся по специальности.

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ РЕАЛИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПОЗНАВАНИЯ, КЛАССИФИКАЦИИ И ПЕРЕВОДА

Сергеева Н.И.,

к.п.н., доцент профессор кафедры
иностраннных языков Академии
федеральной службы охраны России

Переводчик, как известно, является посредником при взаимодействии не только разных языков, но и разных культур. Основная задача переводчика — наиболее полная передача содержащейся в текстах информации, достижение эквивалентности перевода, поскольку именно от нее зависит эффективность межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Эффективность межъязыковой коммуникации, в свою очередь, во многом зависит от языковой и коммуникативной компетенции переводчика, его умения правильно выбрать и последовательно осуществить переводческую стратегию с учетом многочисленных факторов. При этом значительную трудность представляет преодоление лингвоэтнического барьера, который включает разные составляющие, в том числе и различия преинформационных запасов носителей разных языков.

Как известно, автор текста строит его в расчете на определенную предварительную информированность адресата о предмете сообщения. Если такой расчет ошибочен и адресат предварительной информацией не располагает, коммуникация может не состояться, поскольку в оригинале называются какие-то явления, отсутствующие в принимающей культуре и неизвестные получателям перевода. Сюда относится в первую очередь лингвострановедческая лексика, обозначающая нечто, относящееся, скорее, к экстралингвистическим сферам: социальной, бы-

товой или исторической. Лингвострановедческая лексика включает в себя лексические единицы, наиболее ярко отражающие национальные особенности культуры народа-носителя изучаемого языка.

Термин «реалия» широко используется в лингвистике. Реалиями принято считать слова, обозначающие предметы и явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом страны, которые полностью или частично отличаются от лексических понятий слов сопоставляемого языка.

Для того чтобы правильно понять и перевести реалии, необходимо иметь определенное представление о данных сферах жизни, а также об особенностях национального видения мира народом-носителем языка и т.д. Во всех подобных случаях переводчик должен также уметь видеть те места в подлиннике, которые не будут достаточно понятны получателю в силу межкультурных различий. Он должен не только отыскать эквивалентные соответствия для передачи коммуникативной установки отправителя, произведя необходимые трансформации, но и в случае необходимости предоставить получателю необходимые пояснения.

Приведем примеры некоторых переводческих ошибок, связанных с незнанием тех или иных явлений, событий, фактов, известных носителю языка.

«Обстановка в регионе осложнилась с приходом Хамаса». (Это пример незнания того, что Хамас – это название террористической организации, и здесь необходимо было сделать соответствующее дополнение).

«В Бургундии (или Бурундии) обострились столкновения племен». (Незнание того, что речь идет об африканской стране Бурунди, а не провинции Франции или о какой-то неизвестной, несуществующей стране).

«Через много лет, когда какой-нибудь летописец попытается воссоздать события начала двадцать первого века, он, возможно, упомянет о «Петрушковом кризисе». Здесь переводчик воспользовался способом калькирования, пытаясь найти перевод реалии the Parsley crisis. Parsley в переводе означает «петрушка», а речь в тексте шла о конфликте между Испанией и Марокко из-за необитаемого острова Лейла в Гибралтарском проливе. Этот остров весь зарос дикой петрушкой, из-за чего и получил в Испании название Perejil – Перехиль (петрушка). Думается, правильнее было бы использовать выражение «конфликт из-за острова Лейла» и не вводить таким образом читающего в гастрономическую область.

Данные проблемы часто возникают при переводе лингвострановедческой лексики. Наиболее удачными для обозначения данного пласта лексических единиц являются термины «безэквивалентная» и «фоновая» лексика. Эти термины широко известны в методической литературе и в наибольшей степени раскрывают сущность понятия.

Оставив вне рассмотрения вопрос о спорности отнесения лексических единиц к той или иной категории, примем, что под безэквивалентной лексикой понимаются лексические единицы, обозначающие понятия, отсутствующие в культуре и языке адресата (chador, blacktracker, frontbencher, mullah, ayatollah, Loja Jirga). Безэквивалентная лексика сравнительно легко опознается при сопоставлении языков, поскольку в ней нагляднее всего проявляется специфика расчленения действительности данным языком и специфика его культуры. Если к безэквивалентной лексике относить обозначения реалий не только повседневного быта, но и названия особенностей государственно-политического строя, различных сфер производственной и культурной жизни народа, то число реалий в языке каждого народа довольно велико.

К фоновой лексике относят слова с неполноэквивалентностью фонов. Их однословный перевод сопровождается информацией дополнительного характера, которая вносит уточняющие детали, конкретизирует сферу употребления слова.

Например: слово *taxi* может означать: черную машину во Франции; такси любого цвета с шашечками в России; такси желтого цвета в США; *black taxi* – машину черного цвета для бесплатного провоза политических деятелей в Австралии.

Расхождения лингвоэтнического характера между носителями иностранного языка и языка перевода в части предварительной информированности могут носить культурно-исторический или актуально-событийный характер. Однако необходимо отметить, что отнесение реалий к той или иной категории весьма условно, поскольку реалии, имеющие в настоящий момент времени актуально-событийный характер, по истечении времени становятся культурно-историческими. Так сегодня мы относим к культурно-историческим такие реалии, как *Radical*

communist Khmer, the Taliban regime, the «Desert Storm». Они относятся к совсем недалекому прошлому, но уже к истории.

Возможен и обратный процесс. «The troika» - слово, возникшее в России для обозначения тройки лошадей, перешло в английский язык и применяется сегодня, когда говорят о трех влиятельных людях. Например, читая статью о Ливане, находим: «There were signs of an improvement in the political process, with Mr. Harari winning support from the other members of the troika».

На преинформации актуально-событийного характера построены многие газетные материалы. Например:

The Blackout of 1961 was like an explosion (Сюрприз шестьдесят первого, когда была закрыта граница между Восточным и Западным Берлином, был подобен взрыву).

В данном случае переводчику удалось не только отыскать эквивалентное соответствие для передачи коммуникативной установки отправителя, но и предоставить получателю необходимые пояснения, когда на пути правильного восприятия сообщения встали сложности перевода реалий актуально-событийного характера.

Сопоставление английских лексических единиц с русскими, казалось бы, проще всего осуществить на материале словарей. Однако в настоящее время существует лишь три лингвострановедческих словаря (США, Великобритания, Австралия). Если же ограничиться обычными словарями, то это может стать причиной ряда неточностей, поскольку проблема толкования, перевода, показа реалий в переводных словарях далеко не решена.

Изучение данной лексики целесообразно проводить на основе анализа ее функционирования, то есть в конкретном тексте. Только зная культуру, в которую включается данный текст, мы получаем возможность постигнуть его наиболее глубокие смысловые пласты, отразить обиходные и энциклопедические данные, дать понятие о предмете, явлении, стоящем за конкретной лексической единицей.

При переводе реалий переводчик использует целую палитру способов перевода, а также их комбинации:

а) использование апробированных эквивалентов: koala (коала), Imam (имам), Ayatollah (Аятолла), Shah (шах);

б) приблизительный перевод или подбор аналога: Sydney or the bush. (Пан или пропал!);

в) лексические трансформации:

Транскрипция, транслитерация и их комбинации: Al-Qaida (Аль-Кайда), Butler (Батлер), Cooper (Купер), brain drain (брейн-дрейн).

Калькирование: Fundamentalist movement (фундаменталистское движение), the «Great Game» («Большая игра», superpower (сверхдержава).

Изменение порядка перевода: United Nations Organization (Организация Объединенных Наций, first-strike weapon (оружие первого удара).

Лексико-семантические замены:

Конкретизация: meals (особенно при устном переводе может быть переведено как один из конкретных приемов пищи: «завтрак, обед, ужин»).

Генерализация: Pancake day – один из дней на неделе Масленицы.

г) лексико-грамматические трансформации:

Описательный перевод (экспликация): Conservationist (защитник охраны окружающей среды); whistle-stop speech (речь кандидата во время предвыборной поездки), Pan-Islamist jihadist (боец организации Исламский джихад)

Комбинированный перевод: Sunna (Сунна, мусульманское священное предание).

Значительную помощь в переводе оказывают разнообразные справочники, энциклопедии, а также ресурсы сети Интернет.

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ

Скороходова Т.Н.,

старший преподаватель кафедры
иностранных и русского языков
Орловского юридического института
МВД России

В начале XXI века все большее внимание современная лингвистика уделяет сопоставительному анализу языков. И это закономерное явление: бурный процесс осознания своей единичности, культурного своеобразия по-своему отразился и на развитии гуманитарных наук. Безусловно, в первую очередь внимание общественного сознания обращено на те направления и отрасли, которые позволяют дополнить или развить представление каждого народа о специфике национального пути в рамках общего хода цивилизации, определить ценность своей культуры, своеобразие языка, то есть на направления и отрасли, характеризующие национальный менталитет. Особую роль в этом играет контрастивная лингвистика, которая способна доказательно и аргументированно показать как близкое сходное, так и различное в языках и культуре народов.

Сравнительная типология языков представляет собой, как известно, относительно молодое и в то же время весьма перспективное лингвистическое направление, касающееся разных языковых уровней. Метод синхронно-сопоставительного исследования языков останется, по-видимому, среди ведущих и в ближайшем будущем. Повышенный интерес к контрастивной лингвистике объясняется не только ее причастностью к решению собственно теоретических проблем отдельных языков, но и тем, что она непосредственно связана с прагматикой: обучением иностранным языкам, теорией и практикой перевода, значима для практики составления двуязычных словарей.

Задача переводчика – передать содержание подлинника не только правильно и точно, но и равноценными средствами. К установлению равноценности средств переводящего средствами исходного языка и сводится суть теории языковых соответствий. Переводящему важно сопоставление не отдельных слов и грамматических форм, а структурно-семантических единств, которые составляют единое понятийное целое.

В задачу теории языковых соответствий входит установление закономерных соответствий между единицами оригинала и перевода на уровне языка и речи. Языковые соответствия могут определяться как известные данности и, например, на словном уровне фиксироваться в двуязычных словарях. Речевые соответствия устанавливаются при сравнении конкретных текстов.

Впервые идею закономерных соответствий выдвинул Я. И. Рецкер, определивший на основе сопоставления текстов оригинала и перевода различные типы соответствий (эквивалентные, вариантные, контекстуальные) и другие виды переводческих трансформаций. В общем, можно сказать, что есть два вида соответствий: формальные и функциональные. Под формальными соответствиями понимаются словарные соответствия или их эквиваленты. Функциональными являются вариантные соответствия, зафиксированные в двуязычных словарях синонимы, которые соответствуют значению слова. При этом выбор одного из вариантных соответствий зависит от ряда факторов: контекста и обстановки высказывания. В любом словаре имеются соответствия двух категорий: эквиваленты и вариантные соответствия. Под эквивалентами понимаются такие соответствия между словами двух языков, которые являются постоянными, равнозначными и, как правило, не зависящими от контекста. Если английскому слову соответствуют несколько русских переводов, то в этом случае можно говорить о вариативных соответствиях.

По мнению Р.К. Миньяр-Белоручева, существуют несколько типов языковых соответствий. При линейных соответствиях значения слов совпадают по основным семам. Такое соответствие предполагает, что во всех (или почти во всех) случаях использования русского слова в тексте оно будет передано в переводе этим английским словом. Такие постоянные, равноценные соответствия в некоторых исследованиях по теории перевода принято называть эквивалент-

тами. Эквиваленты имеются, главным образом, у терминов, собственных имён, географических названий, т.е. у слов, сравнительно независимых от контекста.

Следующий тип соответствий – векторный. В этом случае слову одного языка соответствуют несколько слов другого языка, при этом слова не совпадают по дифференциальным семам. Это наиболее распространённый тип соответствий, и значительная часть работы переводчика заключается в отыскании ряда соответствий русскому слову и выборе такого соответствия, которые наиболее точно передают значение слова в данном контексте. Задача выбора одного из вариантов перевода является часто весьма сложной, особенно в региональном контексте.

Еще одним известным типом языковых соответствий является отсутствие таковых соответствий или лингвистическая лакуна. В случае мотивированной лакуны мы имеем дело с безэквивалентной лексикой, поскольку в экстралингвистической среде, т.е. жизни и культуре того народа, на язык которого осуществляется перевод, отсутствует сам объект. С таким явлением достаточно часто сталкиваются именно переводчики этнографических материалов. В этих случаях осуществляется процесс заимствования с последующей ассимиляцией. Выбор адекватного варианта языкового соответствия может определяться статусом дифференциальной семы в структуре лексического значения рассматриваемых вариантов. Если дифференциальная сема отражает существенную составляющую понятия, то именно этот вариант является адекватным языковым соответствием. Если же дифференциальная сема в лексическом значении варианта является второстепенной, то это слово становится менее предпочтительным соответствием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонникова Л.Е. К проблеме языковых соответствий / лексические трудности перевода в сфере туристического бизнеса. ГОУ ВПО ТГПИ им. Д.И. Менделеева, [Электронный ресурс] Режим доступа: tobgpi.ru/info/old/konfer_an_yaz/05.doc
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 252 с.
3. Комиссаров В.Н. Пособие по переводу с английского языка на русский / В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер. М.: Сов. писатель, 1975. 490 с.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 188 с.
5. Рецкер Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. М.: Просвещение, 1982. 159 с.

ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ И МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ В ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ ЮРИСТОВ

Смирнова И.Ю.,

ассистент кафедры иностранных языков
Нижегородской академии МВД России,
аспирант

Язык является средством связи и способом передачи информации в процессе коммуникативного взаимодействия людей внутри этноса и между этническими сообществами.

Рассмотрим несколько определений данного термина с целью установления его семантических признаков. В словаре В.Даля язык определен как совокупность всех слов народа и верное их сочетание, для передачи мыслей своих» (Даль, 2003:647). У О.С.Ахмановой - язык – одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т. д.» (Ахманова, 1966). У С.И.Ожегова - язык – «исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующих работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» (Ожегов, 1964). Один из англоязычных источников предлагает следующую дефиницию: «the system of human expression by means of words» / «система человеческого общения с помощью слов» (Longman Dictionary of English Language and Culture 1993).

На наш взгляд, наиболее полно структура и организация языка представлена в определении С.И. Ожегова, где, кроме лексической и грамматической сторон, вводится еще и фонетическая. В качестве общего вывода можно сказать следующее: понятие «язык» включает в себя две составляющие – структурно-организационную и функциональную части.

Язык необходим для социокультурной деятельности в мире. Усвоение неродного языка – это переход на новый образ мира, необходимый для взаимопонимания и сотрудничества с носителями этого языка. Чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое или сходное понимание реальности. Язык служит средством общения и носителем фиксированных в нем социокультурных значений.

В процессе развития общества развивается и язык этого этноса. Язык как элемент, способный отражать перемены, происходящие в обществе, никогда не отстаёт от того общества, в котором он существует. Именно в языке закрепляются понятия, явления и предметы, которые возникают в обществе. Язык фиксирует предыдущие состояния культуры и передает ее ценности от поколения к поколению. П. Кристоферсен отмечает, что «между языком, культурой и личностью существует нерасторжимая связь. Язык в некотором смысле является частью культуры общества и в то же время наиболее важным средством, через посредство которого выражается культура» (Christophersen 1973:45).

Аналогичное мнение высказывает Н. Брукс: «Язык является наиболее типичным, представительным, центральным элементом любой культуры. Язык и культура неразделимы» (Brooks, 1978: 14).

Одно и то же слово в разных языковых сообществах может иметь различное значение, а кажущиеся идентичными понятия выражаются по-разному. Поэтому передача заложенного в слове значения путем простого перевода (денотативного соответствия) может составить проблему. Семантика слов и понятий носит отпечаток культурной специфической среды и отражает опыт данного общества.

Язык отображает окружающий мир и культуру, созданную человеком. Язык – это оружие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер. Через язык человек получает представление о мире и обществе, культуре, системе ценностей, морали, поведении и т.д.

Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира. Устойчивое определение у понятия «культура» – языковая, что порождает две проблемы: при изучении языка встает необходимость изучения культуры, что в свою очередь делает императивным находить соответствия в языке и культуре.

Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. Тесная связь и взаимосвязь преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации очевидны. Каждый урок – это практика межкультурной коммуникации, потому что в каждом иностранном слове отражается иностранный мир и иностранная культура: за каждым иностранным словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире. Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого нужно преодолеть барьер культурный. Изучение мира носителя языка направлено на то, чтобы помочь понять особенности речеупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические коннотации единиц языка и речи.

Таким образом, следует говорить о необходимости тщательного изучения мира носителей языка, их культуры в широком смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета, потому что реальное употребление слов в речи определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке. Знание слов и правил грамматики явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения. Необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка. Иными словами, помимо значения слов и правил грамматики, нужно знать: 1) когда сказать, как, кому, при ком, где; 2) как данное значение (понятие), данный предмет мысли живет в реальности мира изучаемого языка.

Картина мира, окружающего носителей языка, не просто отражается в языке, она формирует язык и его носителя и определяет особенности речеупотребления. Без знания мира изучаемого языка невозможно изучать язык как средство общения.

В языковых явлениях отражаются факты общественной жизни определенного коллектива. Задачи обучения иностранному языку как средству общения должны быть непрерывно связаны с задачами изучения общественной и культурной жизни стран и народов, говорящих на этом языке.

Новый Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования требует учета профессиональной специфики при изучении иностранного языка, его направленности на реализацию задач будущей профессиональной деятельности выпускников (Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 021100 – юриспруденция). Таким образом, можно обозначить социальную цель лингвистической подготовки специалиста: она состоит в формировании такой лингвистической компетенции, которая позволит вести профессиональную деятельность в иноязычной среде.

Предмет «Иностранный язык» как учебная дисциплина обладает значительными возможностями для формирования условий личностного, культурного и правового становления курсантов. Применительно к лингвистической подготовке специалистов в сфере юриспруденции цели учебного процесса конкретизируются и формируются следующим образом:

1. Целью лингвообразования в сфере профессиональной подготовки юристов и специалистов в области правоохранительной деятельности является подготовка лингвокомпетентного специалиста в юриспруденции.
2. Подготовка лингвокомпетентного юриста предполагает создание условий для формирования как собственно языковых, так и профессиональных знаний.

Именно лингвистическая подготовка является одним из тех средств, которая способна обеспечить комплексное развитие у обучаемых коммуникативной компетенции, профессиональных навыков и умений, социально значимых и профессионально ценностных качеств и свойств.

Язык становится средством осуществления профессионально ориентированной деятельности, где на первый план выдвигается самостоятельная поисковая активность по вопросам будущей профессии и особое внимание уделяется работе с большим количеством информации на иностранном языке.

Целью обучения иностранному языку будущих юристов можно считать приобретение будущими специалистами профессионально- коммуникативной компетенции. Она включает следующие компоненты:

- информированность в юридической области;
- владение устной формой профессионального общения (терминология);
- владение письменной формой общения (деловая документация);
- развитие личностных качеств.

Лингвокомпетентный юрист – это человек, который умеет выражать свои мысли на иностранном языке средствами юридического языка благодаря наличию в его компетенции готовых языковых и культурных соответствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Даль В.И. Словарь русского языка. М., 2003.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1964.
4. Brooks N. Language and Language Learning. Theory and Practice. 1978.
5. Christophersen, Paul. Second Language Learning. Myth and Reality. 1973.

**МОНО- И ПОЛИЛЕКСЕМНЫЕ ТЕРМИНЫ В ПОДЪЯЗЫКЕ ЭКОНОМИКИ
(на материале немецкого языка)**

Чернышева Н.Г.,

к.филол.н., профессор, заведующий
кафедрой иностранных языков
Орловского государственного института
экономики и торговли

Наука о терминах – терминоведение изучает «семантическую природу, грамматическую организацию и законы функционирования терминов и терминсистем различных сфер профессиональной деятельности человека» [1]. Правомерность лингвистического исследования терминов этим определением не ставится под сомнение. На его актуальность указывают многие лингвисты [Канделаки Т.Л. 1970; Кузьмин Н.П. 1970; Гладкая Н.М. 1977; и др.].

Из двух направлений терминоведения - общего и частного (отраслевого) - частное занимается «изучением специальной лексики и понятий отдельных областей знания конкретных языков» [2]. Предметом настоящего исследования является этимологический анализ термина предметной области «экономика» с целью выявления эффективных способов и моделей его образования.

Терминологию мы рассматриваем как «естественно сложившуюся совокупность терминов определённой области знания или её фрагмента» [2].

Под термином мы понимаем вслед за О.С. Ахмановой «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствованное и т.п.) для точного выражения и обозначения специальных предметов» [3, 474].

Способы словообразования немецкой экономической терминологии рассматриваются нами на материале Немецко-русского словаря по экономике и финансам [4].

Необходимо различать моноксемные и полилексемные термины. Под моноксемными терминами мы понимаем семантически целостные термины – названия, образованные морфологическим способом, под полилексемными - аналитические терминологические наименования, образованные синтаксическим путём.

К морфологическому способу образования слов относятся деривация (образование слов при помощи аффиксов или безаффиксным способом), (слово) сложение, субстантивация и аббревиация.

Способом суффиксации, в том числе нулевой суффиксации, в немецком языке образуются термины-существительные, мотивированные глаголом. В системе существительных, мотивированных глаголами, различают слова с общим словообразовательным значением «носитель процессуального признака» и отглагольные производные с непроцессуальным значением. И те, и другие характеризуются грамматическим значением предметности, что находит выражение в их морфологических и синтаксических свойствах. Отличие же их состоит в том, что первые частично сохраняют признаки глагола (присутствие в них семантической валентности соответствующих глаголов) и само значение действия, а вторые имеют лишь конкретно-предметное значение. Отглагольные существительные, которые сохраняют исходные глагольные значения, принято называть deverбативами.

Универсальными способами выражения значения действия в словообразовании терминов-имён существительных в немецком языке являются:

- нулевая суффиксация (Kauf - kaufen; Nachweis - nachweisen);
- суффиксация с суфф. -e (Ablöse – ablösen, Abnahme – abnehmen, Einlage - einlegen);
- суффиксация с суфф. -er (Anbieter – anbieten, Frachter – frachten, Speicher – speichern,);
- суффиксация с суфф. -ung (Erhebung - erheben, Finanzierung - finanzieren, Lieferung – liefern);
- суффиксация с суфф. -nis (Bedürfnis – bedürfen, Ergebnis – ergeben, Ertragnis – ertragen, Erzeugnis - erzeugen);
- суффиксация с суфф. -tion (Expedition – expedieren, Investition - investieren).

Путём суффиксации образуются и термины-прилагательные от существительных и глагольных основ:

- суффиксация с суфф. –lich (nachbörslich - Börse, erheblich – erheben, ersetzlich - ersetzen);
- суффиксация с суфф. –los (bargeldlos – Bargeld, ertraglos - ertragen);
- суффиксация с суфф. –bar (erhebbar - erheben);
- суффиксация с суфф. –isch (unternehmerisch – Unternehmer).

Суффиксации в немецком языке подвергаются и иноязычные (из английского языка) заимствования:

- с суфф. -er (Charter – Charterer);
- с суфф. -ung (charter – Charterung).

Словообразовательные возможности таких заимствований являются признаком их адаптации в немецком языке.

Под словосложениями мы понимаем слова, образованные «путём объединения в одно целое двух или более основ» [5, 416]. Анализ показывает, что из двух подтипов сложных слов, выделяемых лингвистами по признаку семантического соотношения основ, входящих в сложение, – с сочинительным (равноправным, копулятивным) и с подчинительным (неравноправным) соотношением основ – продуктивным для современной терминологии подъязыка экономики является второй. Такие словосложения содержат опорный компонент – существительное и предшествующую основу с уточняющей функцией. Она может быть выражена существительным с корневым словом (Kreditliste, Musterverkauf, Defizit) или производным существительным, образованным способом аффиксации (чаще суффиксации) – с суффиксами –ung (Schwankungsmarkt), -tion (Innovationsschub), -heit (Sicherheitsreserve), -schaft (Gesellschaftsvergleich), -tät (Rentabilitätssatz), -nis (Erkenntnislag), –er (Gründergesellschaft), -um (Jubileumsverkauf). При этом наблюдается следующая закономерность: сложения с корневым словом в качестве первого терминологического элемента всегда являются полносложными (в них отсутствует соединительный элемент), а сложения с производным существительным – неполносложными соединениями чаще всего с соединительным элементом –(e)s-.

Помимо двучленных терминов – словосложений, в экономической терминологии широко распространены и трёхчленные сложения (Gastwirtversicherung, Handwerksordnung, Personalbedarfsplanung). Реже встречаются четырёхчленные словосложения (Kostendifferenzschutzzoll, Leitungswasserschadenversicherung).

Предшествующая основа с уточняющей функцией в словосложении может быть выражена также:

- прилагательным в положительной, сравнительной или превосходной степени (Kühl-erzeugnis, Kurzarbeitergeld, Mehrgewinn, Höchstwertprinzip),
- местоименным прилагательным: Selbstbedienungsgroßhandel, Selbstorganschaft),
- причастием II (Gebrauchtwarenhandel),
- числительным, количественным или порядковым (Dreikontentheorie, Drittgeschäft),
- наречием (Rückkauf, Zurückgabe).

Способом сложения образовано и множество экономических терминов – имён прилагательных:

- полносложных соединений (benutzerfreundlich, удобный для пользования\пользователя; ersatzpflichtig, обязанный к возмещению\компенсации убытков);
- неполносложных соединений, как правило, с соединительными –s-, -n- (erwerbstätig, трудовой; занимающийся какой-л. профессией, имеющий самостоятельный заработок; трудящийся; branchenfremd, не связанный с отраслью).

В подавляющем большинстве случаев соотношение компонентов в них носит определительный характер. В качестве первого компонента чаще выступает имя существительное (bankbrüchig, handelsfertig), реже – прилагательное (außerbetrieblich, innerwirtschaftlich), ещё реже – основа глагола (zahlfähig). Вторым компонентом композиты могут быть адъективированные причастия: Partizip I (gewinnbringend) и Partizip II. Последнее (причастие II) не утрачивает префикс ge- (handgelesen, branchengebunden).

Самой продуктивной среди терминов – прилагательных со вторым партиципным компонентом является модель с -gebunden. В одних случаях этот компонент сохраняет свое лексическое значение. Термин с ним переводится на русский язык словосочетанием (handgelesen, сортированный вручную), в других он утрачивает его, превращаясь в полуаффикс, и тогда эквивалентом ему в русском языке является одно слово (прилагательное), например: marktgebunden, рыночный.

Аналогичные семантические отношения характерны для композит со вторым компонентом, выраженным прилагательным: -frei, -schwach, -pflichtig, -wertig, -gerecht, -fremd, -gemäß, -willig, -tüchtig, -fertig, -widrig, -brüchig, -tätig, -fähig, -unfähig, -mäßig. Термин – прилагательное переводится на русский язык словосочетанием, если второй компонент сохранил хотя бы частично свое лексическое значение (handelsfrei, разрешённый к продаже), но одним словом при утрате значения (geschäftsfähig, деловой, деловитый; дееспособный).

Особое место среди терминов – существительных, образованных путём сложения основ, занимают смешанные или «гибридные» композиты [6, 10]:

- полносложные соединения (Cash-and-Carry-Großhandel - оптовая торговля самообслуживания; Cash-flow-Entwicklung - развитие чистой прибыли, списаний и отчисление в резервы; cif-Pres, цена сиф; cif-Geschäft, сделка на условиях сиф);
- неполносложные соединения (Chargenfertigung - партионное изготовление товара; Chargenkalkulation - партионный метод калькуляции).

В таких сложениях опорным словом является немецкое слово, а первым компонентом - заимствованный термин, сохраняющий в заимствующем языке как своё значение, так и орфографию и произношение. Не устоялось написание этих терминов с заглавной буквы (как в немецком языке) или с прописной (как в английском языке). Большинство гибридных композит пишется через дефис (Controlling-Informationssystem - контроллинговая информационная система; Convenience-Geschäft - магазин повседневного спроса). Но есть и случаи слитного (Clearingsaldo - сальдо по клиринговым счетам, клиринговое сальдо; Controllingmanagementorganisation - организация функционального управления) или раздельного написания (Clearing Konto - клиринговый счёт).

Экономические термины образуются в немецком языке путём субстантивации:

- инфинитивов (abzinsen – Abzinsen - отчисление сложных процентов);
- причастий I (anweisend – Anweisende - трассант);
- причастий II (angestellt – Angestellte - служащий).

Субстантивированные причастия I и II имеют общее значение носителя процессуального признака, а субстантивированный инфинитив – значение отвлечённого действия или состояния. Как существительные они имеют грамматическое значение предметности, но сохраняют и особенности мотивирующего глагола (его синтаксические валентности).

Аббревиация – широко распространённый способ словообразования в подязыке экономики. Аббревиатуры являются синонимами прототипов и функционируют в научной речи параллельно со сложными словами и аналитическими наименованиями. Аббревиации подвергаются:

- монотермины-существительные (A, Akkumulation),
- производные существительные (A; Anmelder),
- сложные слова (AT, Ausnahmetarif),
- расчленённые терминологические наименования (BAV, Bundesaufsichtsamt für das Versicherungswesen).

К продуктивным способам аббревиации в подязыке экономики относятся:

1) сокращение линейного состава прототипа до отдельной буквы/звука (B, Brief - курс продавцов, предложение) или до двух - пяти букв (BA, Bankaktie; BFH, Bundesfinanzhof; ESt, Einkommensteuer; ELWZ, Europäische Liga für wirtschaftliche Zusammenarbeit; IVKMH, Internationale Vereinigung der Klein- und Mittelbetriebe des Handels);

2) усечение:

- до слогов и морфем (ARBE, Arbeitsgemeinschaft Bekleidung),
- первого компонента до буквы или слога и сохранение второго компонента в полной форме (AK-Verfahren),

- сохранение первого компонента и усечение второго (ScheckG, Scheckgesetz),
- сохранение второго компонента и усечение первого и третьего (BkartA, Bundeskartellamt),
- усечение первого компонента до слога, а остальных до буквы (AktG, Aktiengesetz),
- усечение первых компонентов до букв, а последнего – до слога (BMW, Bundesministerium für Wirtschaft),
- усечение первого компонента до буквы, а второго – до морфемы (U-Schätze, unverzinsliche Schatzanweisungen).

К терминам, образованным лексико-синтаксическим способом, относятся универб и полилексемные термины. Универб – это «однословное наименование, образующееся в процессе свёртывания синтаксической структуры словосочетания (предложения), отражающего суждение о предмете» [7, 103]. Объём референтной соотнесённости универба и синонимической синтаксической структуры остаётся одним и тем же. Универб является адекватной краткой номинацией мотивирующего его словосочетания/предложения. Результатом свёртывания исходного описательного наименования большей протяжённости являются в немецком языке термины – сложные существительные (полносложные и неполносложные соединения) с именем действия:

- двухсложные (Akkordberechnung - от словосочетания den Akkord berechnen);
- трёхсложные (Akkreditiveröffnungsvertrag - от словосочетания Vertrag über Eröffnung eines Akkreditivs);
- четырёхсложные (Finanzdienstleistungsmarkt - от словосочетания Markt, auf dem finanzielle Dienste geleistet werden).

К полилексемным терминам мы относим аналитические терминологические наименования. Синтаксическая модель полилексемного термина состоит из двух конституен – ядерной и определительной. Ядерная во всех случаях выражена существительным и определяет принадлежность термина к классу существительных. Определительная конstituента представляет собой определение в пре- и/или постпозиции и может быть выражена разными частями речи:

1) в препозиции может стоять одно или несколько (чаще два) прилагательных (eingetragener Verein, direkter internationaler Preiszusammenhang), прилагательное/наречие и причастие (direkt erfasste Einzelkosten);

2) постпозитивная определительная конstituента может быть выражена:

- существительным/существительными в родительном падеже (Dichotomie des Geldes),
- существительными в родительном падеже и предложной группой (Dynamik der Betriebsform im Handel),
- предложной группой (Dienst nach Vorschrift),
- предложной группой с однородными членами, соединёнными союзом (Einkünfte aus Vermietung und Verpachtung),
- предложной группой с прилагательным в качестве определения к существительному в косвенном падеже (Missbrauch von Formen und Gestaltungsmöglichkeiten des bürgerlichen Rechts).

3) есть случаи, когда ядерная конstituента имеет пре- и постпозицию (Politische Ökonomie der Umwelt).

Полилексемы следует отличать от свободных терминологических словосочетаний. Полилексемы имеют твёрдый порядок слов, основанный на соподчинении всех элементов определительной конstituенты. Они воспроизводятся в речи как единое смысловое целое. Свободные словосочетания сохраняют атрибутивные отношения между компонентами, входящими в них.

Знание способов словообразования терминов даёт лингвистам возможность выработки стандартных приёмов нахождения их эквивалентов в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чурсина Л.Н. Прескриптивный подход к изучению термина. / Л.Н. Чурсина, О.В. Чурсин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: 2006©PGLU. ru <http://pn.pglu.ru/>.
2. Терминоведение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.

4. Немецко-русский словарь по экономике и торговле. / Сост. Н.Г. Чернышева, Н.И. Лыгина, Р.С. Музалевская; под ред. Н.Г. Чернышевой. Ростов-на-Дону: Феникс, 892 с.
5. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. М.: Просвещение, 1976.
6. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982.
7. Нечаев Л.Г. Суффиксальная номинация как один из видов синтаксического свёртывания. // Сборник н. трудов. Выпуск 155. М., 1980.

СВОЙСТВА ТЕРМИНА КАК ОСНОВНОЙ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Шедий С.А.,

к.п.н., доцент, Управление образования
и молодежной политики Департамента
социальной политики Орловской области

Совершенно очевидно, что в период бурного роста научно-технических знаний большинство новых слов, появляющихся в современных языках, составляет специальная лексика. Так как терминологические проблемы оказывают все большее влияние на язык в целом, тщательное изучение специальной лексики становится все более актуальным.

Как известно, основой языка профессионального общения является терминология соответствующей специальной области. Термин как элемент терминологии представляет собой сложное, многоаспектное явление. Являясь полноправной лексической единицей языка, он имеет определенные особенности, которые отличают его от других лексических единиц.

Термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминосистемы. Если в общеупотребительном языке (вне терминосферы) слово может быть многозначным, то, попадая в определенную терминосферу, оно обычно приобретает однозначность. Термин, практически, не нуждается в контексте, как общеупотребительное слово, т.к. он является членом определенной терминологической системы и выступает вместо контекста. Он может употребляться изолированно и должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах определенной терминологии.

Традиционно в терминоведении выделяются такие признаки термина, как принадлежность к специальной области знания, обозначение понятия, дефинированность, точность значения, контекстуальная независимость, конвенциональность, устойчивость и воспроизводимость в речи, номинативность, стилистическая нейтральность. Однако многие лингвисты отмечают, что термины редко отвечают всем этим требованиям.

Неотъемлемыми свойствами термина, определяющими его специфическую природу, можно считать признаки принадлежности к специальной области знания или деятельности и обозначение понятия этой области, а также системность. Остальные характеристики в основном свойственны упорядоченным терминам как элементам терминологической системы, у других же терминов они проявляются как тенденции и служат некими ориентирами при выборе наиболее подходящего термина или создании нового.

Юридическая терминология в настоящее время представляет сложное терминопole, состоящее из множества более простых по структуре терминопoleй, включающих частные терминологии.

Поступательное историческое развитие ведет к непрерывному обновлению словарного состава языка. Некоторые значения слов устаревают, другие остаются в языке в виде идиоматических выражений, третьи выходят из употребления вместе с исчезнувшими реалиями.

Системность терминологии, взаимосвязанность ее членов делает невозможным понимание отдельных моментов без овладения всей системой, без осознания важности каждого члена системы. Для того чтобы понять, оценить данный термин, надо понять всю теорию и надо знать место, занимаемое данным термином в рамках этой теории.

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Щербенко Л.Р.,

старший преподаватель кафедры
иностранных и русского языков
Орловского юридического института
МВД России

Изучая иностранный язык, обучающийся усваивает его звуковой и словарный состав, основные грамматические формы. Однако чаще всего такое знакомство с иностранным языком является механическим и поверхностным, так как даже после усвоения лексики и грамматики иностранного языка обучающиеся продолжают мыслить по-русски и, естественно, строить свою мысль по-русски. Английский язык относится к языкам аналитического типа, русский – к языкам синтетического типа, то есть эти языки не только различаются по принципу построения, а являются противоположными. Этот важный момент следует учитывать при обучении английскому языку, объяснять обучающимся характерные системные особенности этого языка и наиболее типичные случаи расхождения с русским языком как в области грамматики, так и в области лексики.

Начнем с того, что в синтетических языках отношения в предложении определяются внутри самого слова с помощью флексий, поэтому слово может стоять почти в любом месте предложения. В аналитических языках в предложении, как правило, выдерживается строго определенный порядок слов, в связи с чем морфологические признаки слова теряют свою непосредственную необходимость. В предложении регламентируется положение не только главных членов предложения, но и отдельных видов дополнений и обстоятельств. Иногда только строго фиксированный порядок слов позволяет определить, к каким частям речи относятся те или иные слова. Так, например,

Teachers teach children.

Безличные и неопределенно-личные предложения оформляются как личные. Это осуществляется, в частности, с помощью конструкций с формальным подлежащим. В качестве формального подлежащего употребляются местоимения *it, one, you, they, we*.

It is difficult to solve crimes. - Трудно раскрывать преступления.

One never knows what will happen tomorrow. - Никогда не знаешь, что случится завтра.

Обучающиеся стремятся сделать буквальный перевод, в котором чаще всего переводят *it* как «это», а *one* как «один».

Предложения с оборотом «there + to be» не вызывают каких-либо трудностей при переводе. Однако, если в этом обороте употребляются другие глаголы – модального значения: *to seem* - казаться, *to prove* оказываться; со значением существования, появления или движения: *to come* - приходить, *to occur* - случаться, *to live* - жить, обучающиеся нередко переводят «there» как «здесь» или «там».

There lived an old man in that house. - В том доме жил старик.

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы в английском языке, в которых происходит перестановка подлежащего и сказуемого и появление вспомогательных глаголов (в частности глагола *to do*).

He is an investigator. Is he an investigator?

He investigates crimes. Does he investigate crimes?

В русском языке в аналогичном случае действует только интонация.

Он следователь. Он следователь?

Всякий язык стремится к экономии языковых средств. Английский язык достигает этого своими, особыми способами. В придаточных предложениях времени и условия, относящихся к будущему, глагол-сказуемое употребляется в настоящем времени, так как показателем будущего времени является форма глагола-сказуемого в главном предложении и сама природа придаточных предложений времени и условия. Определительные придаточные предложения часто присоединяются к главному бессоюзно, так как опущение союза не ведет к неправильному их пониманию.

В английском языке может быть только одно отрицание. На русский язык подобные предложения переводятся с двойным отрицанием.

There was nobody in the room. - В комнате никого не было.

Кроме того, в английском языке существует ряд конструкций: причастных, герундиальных и инфинитивных оборотов, употребление которых делает английское предложение компактным. Конструкции с неличными формами глагола способствуют сжатости и гибкости речи.

I know him to work well. - Я знаю, что он хорошо работает.

The policeman saw the criminal run away. - Полицейский видел, как преступник убежал.

Синтаксическая компактность английской речи компенсируется морфологической и семантической свободой, которая находит свое выражение в использовании конверсии. Конверсия, которая в английском языке очень продуктивна, содействует образности речи. Наиболее распространенной разновидностью конверсии в английском языке является вербализация существительных. Путем конверсии в английском языке образовано много глаголов. Некоторые глаголы, в частности, выражающие эмоциональные реакции, на русский язык переводятся, как правило, не одним словом. Это вызывает у обучающихся определенные трудности при переводе.

«I had never met them before», she smiled. - «Я никогда не встречала их прежде», - сказала она, улыбаясь.

Довольно часты случаи субстантивации глаголов и прилагательных.

A criminal may be located through fingerprint identification.

В английском языке значительно активнее, чем в русском, используется страдательный залог. При переводе предложений, содержащих страдательные конструкции, обучающиеся нередко допускают ошибки из-за того, что «не замечают» формы страдательного залога у глагола-сказуемого. Трудно усваиваются те случаи, когда русскому неопределенно-личному предложению соответствует в английском языке страдательная конструкция, невозможная в русском языке вследствие того, что семантика некоторых русских глаголов не допускает их употребления в страдательном залоге, например: *to give* - давать, *to promise* - обещать, *to tell* - рассказывать, *to teach* - преподавать и т.д.

The students are taught English, German and French. - Студентов обучают английскому, немецкому, французскому.

They were promised help. - Им обещали помочь.

He was told about the accident. - Ему рассказали об аварии.

Трудности перевода усугубляются использованием в страдательной конструкции глаголов с предлогом.

This event is being reported about in all newspapers.

I was seized with fear.

К страдательной конструкции близка как по форме, так и по характеру перевода на русский язык английская конструкция, в которой сказуемое выражено сочетанием глагола-связки с прилагательным с последующим инфинитивом: *He is difficult to understand.* - Его трудно понять.

They are easy to deal with. - С ними легко иметь дело.

Английские конструкции «Сложное подлежащее» и «Сложное дополнение», содержащие инфинитив, также представляют определенную сложность при переводе. Напр.: *He was expected to arrive in the morning.* - Ожидали, что он прибудет утром. *The crime is reported to have been committed by the group of young people.* - Сообщалось, что преступление было совершено группой молодых людей. *We don't consider him to be an honest man.* - Мы не считаем его честным человеком. *I would like you to tell the truth.* - Я бы хотел, чтобы Вы рассказали правду.

Не менее сложной является лексическая сторона вопроса. Общеизвестно, что изучение отдельно взятого слова и особенно многозначного слова не гарантирует умения правильно употреблять его в речи и использовать соответствующее значение при переводе. Многие обучающиеся испытывают трудности при переводе как отдельных слов, так и словосочетаний, в частности глагольных словосочетаний. Поскольку перевод отдельного слова не всегда совпадает с переводом того же слова в словосочетаниях, то эти словосочетания отрабатываются в упражнениях. Однако при работе с текстами обучающиеся не всегда могут увидеть в тексте словосочетание и правильно его перевести.

Так, например, при переводе предложения *The accused may be placed on bail*. обучающиеся отдельно переводят глагол *to place*. После напоминания преподавателя о том, что не следует переводить слово изолированно, необходимо смотреть вправо, чтобы увидеть все предложение и возможные словосочетания. В предложении *Great attention is paid to prevention of crime, to its suppression* глагол *to pay* переводится изолированно как «платить». Еще сложнее обучающимся самостоятельно найти в словарной статье того или иного слова необходимое сочетание.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются обучающиеся, это, так называемые, «ложные друзья переводчика». Трудности перевода заключаются, прежде всего, в сходстве форм слов языка источника и языка перевода. Это подталкивает обучающихся к буквальному переводу слова, имеющего сходную графическую и фонетическую форму со словом в родном языке. Так, английское слово *criminal* является понятным не только для лиц, владеющих английским языком как родным, но и для лиц, которые не владеют английским. Поэтому в любом словосочетании *criminal* переводится как *криминальный*. Так, например, *criminal activity* чаще всего переводят как *криминальная активность*. Это ведет к неадекватному переводу с английского языка на русский.

Все упомянутые и многие другие особенности английского языка заслуживают пристального внимания при формировании и совершенствовании навыков как перевода, так и устной речи.

Раздел II. МАТЕРИАЛЫ ВУЗОВСКОГО «КРУГЛОГО СТОЛА»: «МОТИВАЦИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА»

ПРАВОСОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Бондарев А.А.,

К.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского юридического института МВД России

Теория государства и права традиционно исследует такие категории, как понятие, сущность, структура правосознания, его функции, соотношение с правом и роль в механизме правового регулирования общественных отношений.

Правосознание представляет собой одну из форм или областей человеческого сознания, явление идеальное, непосредственно не наблюдаемое. Попытка уяснить его конкретную роль в процессе правотворчества и правореализации с давних пор находится в поле зрения представителей российской науки.

Впервые вопрос о правосознании в России был поставлен во второй половине XIX века в период кодификации российского законодательства в связи с активной дискуссией о взаимовлиянии законов и правосознания.

В современной российской науке четко определилась тенденция на более глубокое, всестороннее изучение содержательных компонентов правового сознания, таких, как структура правосознания, его виды, способы формирования, факторы, обуславливающие деформацию правосознания.

Правосознание как форма или область сознания, отражает правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях.

Для понимания специфики правосознания необходимо отграничить его от других «рядоположенных» понятий, таких, как правовая культура и право.

Правосознание и правовая культура как элементы правовой надстройки содержат много общего. Вместе с тем между ними есть и существенное отличие.

В научной литературе правосознание определяется как форма общественного сознания, воплощающая оценочные взгляды, представления, убеждения, настроения, чувства, привычки людей (индивидов, социальных групп, всего общества) относительно характера, сущности, принципов как действующего, так и желаемого права и других правовых явлений.

Правовая культура определяется как глубокое знание и понимание права, высокосознательное исполнение его как осознанной необходимости и внутренней потребности.

Приведенные определения дают основания сделать вывод о том, что категория «правовая культура» шире категории правосознания. Во-первых, правосознание как отражение правовой реальности является составной частью правовой культуры. Во-вторых, правовая культура включает не только духовное освоение права. Она проявляется в непосредственной деятельности, т.е. отражается не только в правосознании, но и в правовом поведении граждан или групповых общественных субъектов.

Однако правовая культура личности отражает лишь позитивные взгляды, оценки, мотивы, лежащие в основе правомерного и социально активного поведения. Правосознание же личности включает как позитивные, так и негативные знания, убеждения, представления, оценки и т.д. о сущности, назначении, свойствах и принципах права, законности и правопорядка, о других правовых явлениях. С этих позиций правосознание охватывает более широкий круг явлений, чем правовая культура.

Если формированию правовой культуры общества свойственна закономерность преемственности, то формирование правосознания происходит под воздействием конкретных условий жизнедеятельности общества и культуры. В этом смысле справедливо суждение, что чело-

век формируется по образу и подобию социальной системы. Следует отметить, что абсолютизировать данный постулат было бы не совсем верно. В той или иной мере преемственность присуща и правосознанию. Ярким примером этому может служить преемственность в российском национальном правосознании такой качественной характеристики, как нигилистическое отношение к праву, к законам.

Рассмотрим, как соотносится правосознание и право.

Анализ дискуссий по этому вопросу показывает, что одни исследователи рассматривают правосознание как нечто внешнее по отношению к праву, другие, наоборот, считают, что право не может существовать за пределами правосознания, третьи относят право и правосознание к разным формам общественного сознания.

Сведение правосознания к праву, как и права к правосознанию, глубоко ошибочно. Правосознание не является правом, точно так же как право нельзя считать тождественным правосознанию. Если признать всякое правосознание (общественное и индивидуальное) правом, то на самом деле никакого права в обществе не будет существовать. В таком случае органы государства руководствовались бы не строгими предписаниями, а своими правовыми усмотрениями.

Говорить о праве вне правосознания бессмысленно, точно так же как рассуждать о правосознании вне права. Правовые нормы, правоотношения, правосознание взаимно коррелятивны, подразумевают друг друга.

Нередко для доказательства того, что право не является проявлением правосознания, ссылаются на отсутствие у правосознания нормативной способности. Вряд ли этот аргумент можно признать обоснованным, т.к. любое проявление сознания обладает нормативными свойствами. Д.А. Керимов отмечает, что в ряде случаев основные правовые принципы обладают не меньшим нормативным действием, чем нормы права.

Говоря о единстве и различии права и правосознания, правильно как отождествлять их, так и противопоставлять друг другу.

Право - специфический элемент правосознания, который находится в самой структуре правового сознания, но имеет свои особые характерные признаки и особенности.

До недавнего времени господствующим было представление о ненормативном характере правосознания. Регулирующими возможностями с точки зрения позитивного подхода обладала только правовая норма.

Так, С.С. Алексеев считает, что правосознание может рассматриваться в качестве самостоятельного регулятора общественных отношений лишь под углом зрения своего идеологического воздействия. Идеологическое же воздействие правосознания, так же как и идеологическое воздействие права, осуществляется помимо правового регулирования, его механизма.

Нам представляется более убедительной позиция авторов, понимающих под правовым регулированием все виды воздействия права на сознание и поведение (воспитательное, мотивационное и специфически юридическое) и считающих, что регулиющую роль правосознания следует оценивать в общей системе правового регулирования.

Правовая норма в момент придания ей общеобязательного характера является лишь потенциальным регулятором поведения, а чтобы регулятивная функция превратилась из возможности в действительность, требования нормы должны преломиться определенным образом через правосознание.

Регулирование означает, с одной стороны, побуждение к действию, приказ или стимуляцию соответствующего поступка, поведения, с другой - установление границ поведения, запрещение выхода за их рамки, дозволение действовать в их пределах. Указанная роль правосознания вытекает, прежде всего, из основного социального назначения права - управлять деятельностью людей в различных видах общественных отношений в соответствии с государственной волей народа или определенной элиты, выраженной в законе и обеспечивающей баланс интересов личности, общества и государства.

Правосознание играет решающую роль в правотворческом процессе. Оно реагирует на новые экономические, политические и иные факты и явления, требующие юридического закрепления и регламентации. Это реагирование формируется в правовых требованиях, и эти новые требования к законодательной власти в правосознании есть симптом того, что возникли новые отношения, нуждающиеся в правовом регулировании. Регулирующая роль правосознания в

правотворчестве не ограничивается формулировкой новых юридических норм, она состоит и в критике существующих юридических норм с точки зрения общественных потребностей. Если закон устарел в силу изменения материальных отношений, образующих его объективную основу, то, прежде всего, на это реагирует правосознание.

Правосознание играет важную роль и в процессе правореализации, в том числе при решении юридических дел, принятии правоприменительных актов. В ходе разрешения конкретной правовой ситуации правоприменитель должен выбрать необходимую юридическую норму, соотнести ее с реальными фактами и, руководствуясь диспозицией или санкцией (исходя из реальных обстоятельств дела), принять решение. Во всех этих действиях правосознанию присуща определяющая роль. Соблюдая закон, человек субъективно может его и не знать, хотя объективно это поведение есть соблюдение закона. Регулирующую силу, т.е. подчинение поведения определенным правилам, здесь играет, прежде всего, правосознание, а также политическое и моральное сознание людей.

Оценка результатов деятельности и каждого решения в правовой сфере также производится с помощью правового сознания. Результатом оценки является признание поведения (деятельности) правомерным или противоправным.

Правосознание как бы пронизывает весь механизм правового регулирования общественных отношений. Оно не только предшествует созданию юридических норм, но и «сопровождает» их на всем протяжении действия норм. От специфики правосознания общества, уровня его зрелости во многом зависит сила права, эффективность всего правового регулирования общественных отношений.

ТЕОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

Бондаренко М.В.,

к.ю.н., ст. преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
Орловского юридического института
МВД России

Современный период развития российского права все еще характеризуется нестабильностью. Ни для кого не секрет, что Россия переживает интерес к частному праву. До недавнего времени существовало мнение, что частное - это свобода и потому хорошо, а публичное, государственное - это запреты и, значит, плохо. В процессе развития системы права и построения системы законодательства в нашей стране наметился явный «частноправовой» крен¹.

Происходящие в современной России коренные преобразования во всех сферах общественной жизни выдвигают на первый план проблемы социально-правовой активности граждан. Это зависит не только от общества и государства, но и в значительной степени от самой личности, ее правовой развитости, правовой культуры.

В сложных социально-экономических и политико-правовых условиях становления новой российской государственности существенно возрастают требования, предъявляемые к уровню правовой культуры всех членов общества. Именно от должного уровня составляющих правовой культуры: высокого уровня правосознания, овладения навыками правового поведения, ясных законов, хорошей законодательной техники, высокоразвитой правовой науки, правовых традиций и других правовых ценностей будут зависеть качественные достижения в правовой сфере.

В Конституции РФ определены основные критерии правомерности поведения субъектов в публично-правовой сфере: а) «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, дея-

¹ Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право, 1999. № 9. С. 8.

тельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст.18); б) соответствие Конституции РФ и законам (п.2 ст.15).

Важнейшая ключевая проблема реализации правовых норм – отношение людей к этим нормам. Право – это не столько инструмент власти (неважно какой – тоталитарной или демократической), а единственно подлинная форма ее социального бытия.

Понимание права в его различении и совпадении с законом позволяют охарактеризовать право под углом зрения онтологии (учения о бытии), аксиологии (учения о ценностях) и гносеологии (учения о познании).

В онтологическом плане концепция различения права и закона, отвечая на вопрос о том, что есть право, позволяет раскрыть объективные сущностные свойства права, лишь наличие которых в законе (позитивном праве) позволяет характеризовать его как правовое явление.

В аксиологическом плане данная концепция раскрывает объективную природу и специфику ценностей права, которое как особая форма долженствования, цель и ценностное начало определяет ценностно-правовое значение фактически данного закона (позитивного права) и государства.

В теоретико-познавательном плане эта концепция выступает как необходимая гносеологическая модель теоретического постижения и выражения знания и истины о законе (позитивном праве) в виде определенного понятия права (идеи права, естественного права). Именно с этих гносеологических позиций были сформулированы, а затем законодательно закреплены принципы неотчуждаемых прав и свобод человека, господства права, правового закона, правового государства.

Безусловно, создание правового государства – задача отнюдь не сиюминутная, ее решение возможно лишь в результате многих лет усилий всего общества. Для этого необходимо готовить людей к «борьбе за право» как проявлению их гражданского долга, осуществлять пропаганду законодательства (в первую очередь, Конституции РФ). Массовое практическое участие граждан в борьбе за утверждение порядка, основанного на праве, – необходимое условие формирования правового государства.

Прежде чем перейти к рассмотрению содержания правомерного поведения, необходимо остановиться на некоторых понятиях, важных для дальнейшего рассуждения, так как употребление этих понятий и терминов в общественных науках, а также в обыденном языке весьма неоднозначно.

Поведение в самом общем виде трактуется как система взаимосвязанных реакций, осуществляемых живыми организмами для приспособления к среде¹.

В психологии под деятельностью понимается та или иная (внутренняя или внешняя) активность человека, направленная на достижение поставленной цели. Как отмечал С.Л. Рубинштейн, специфическая особенность человеческой деятельности заключается в том, что она сознательна и целенаправленна. В ней и через нее человек реализует свои цели, объективирует свои замыслы и идеи в преобразуемой им действительности.

Будучи активным субъектом деятельности, человек активно включается в общественные, межличностные отношения, тем самым занимает определенную позицию относительно других людей, общества в целом, социальных ценностей. На этой стадии, как обращает внимание на данную закономерность С.Л. Рубинштейн, деятельность приобретает новый специфический аспект, становясь поведением.

Поведение человека состоит из системы социально значимых действий или поступков, в них проявляются его отношения к обществу, другим людям, предметному миру, которые рассматриваются со стороны их регуляции социальными нормами.

Таким образом, правовое поведение можно определить как социально значимое поведение индивидуальных или коллективных субъектов, подконтрольных их сознанию и воле, предусмотренное нормами права и влекущее юридические последствия.

Представляется, что разработка методологии и определение дальнейшего исследования правомерного поведения требуют выявления соприкосновения его с категориями общей теории права (в данном случае, прежде всего, с категориями правовой культуры и правосознания), их практикой реализации самого права в современный период.

¹ Бжалава И.Т. Установка и поведение. М., 1968. С. 4-5.

Важным моментом познания правомерного поведения как одного из явлений объективной социальной действительности выступает определение его понятия. Следует отметить, что проблемы правомерного поведения подверглись изучению учеными-правоведами, философами, психологами. Тем не менее в современной литературе (прежде всего, в юридической) не существует единообразного определения данной правовой категории.

Уяснение границ понятия «правомерное поведение» имеет важное методологическое значение. Думается также, что под правомерным поведением вряд ли следует понимать «правонарушающее поведение» хотя бы потому, что некоторые не запрещенные правом действия могут противоречить другим социальным нормам и, в первую очередь, нравственным.

Таким образом, проведенный анализ уже существующих подходов к определению понятия правомерного поведения позволяет нам дать собственную формулировку.

Правомерное поведение – это общественно необходимое, желательное или допустимое, с точки зрения интересов общества, поведение субъектов, выражающее их волю и соответствующее праву, его идеям, принципам и нормам.

Следующим аспектом исследования, рассматриваемого в контексте изучения правомерного поведения, является его соотношение и взаимодействие с категорией правовой культуры.

Как известно, правовая культура включает в себя поведенческий аспект. Именно поведение, т.е. его правомерность, является центральным, базисным понятием для формирования правовых ориентаций человека, формирующих его общественное поведение, его отношение к правовой реальности, определяющих в результате возникающие правовые действия.

Как следствие вышесказанного – утверждение о том, что высокий уровень правовой культуры обуславливает и высшую форму правомерного поведения – правовую активность.

Резюмируя анализ методологии взаимодействия правовой культуры и правомерного поведения, необходимо уяснить ряд факторов. Во-первых, очевидно, что важнейшую роль в поведении конкретной личности играет непосредственное отражение конкретной среды и нормы, которые ближайшая группа предъявляет ей, а вовсе не идеологические постулаты.

Такого же взгляда на обозначенную проблему придерживаются Е.А. Лукашева¹, В.П. Сальников², М.С. Ошеров, Л.И. Спиридонов³.

Во-вторых, правовая культура представляет собой сложный комплекс идеологических и психологических компонентов (элементов). От уровня идеологической подготовки личности зависит возможность контроля ее над переживаниями, эмоциями, чувствами, умение властвовать собой. В свою очередь от правовой психологии зависит, в конечном счете, признание или непризнание права, а соответственно – следование правовым предписаниям или нарушение их. В этом смысле правовая культура выполняет роль своеобразного «фильтра», через который пропускаются все факторы, влияющие на право и правомерное поведение.

В-третьих, правовая культура служит источником правовой активности и внутренним регулятором юридически значимого поведения или механизмом его осуществления.

В качестве вывода по данной проблеме хочет отметить следующее: взаимосвязь обозначенных правовых категорий выражается, прежде всего, в том, что из совокупности правомерного поведения отдельных индивидов складывается позитивный поведенческий фон отдельных групп либо общества в целом, который будет зависеть не только от правовых знаний и ориентаций индивидов, а от общего уровня правовой культуры. Следовательно, правовая культура (как на индивидуальном, так и на общем уровне) становится важнейшим духовно-идейным источником правомерного поведения человека в обществе, изучать которое возможно и необходимо в тесной взаимосвязи между собой и условиями жизни общества.

Таким образом, правовая культура – это необходимая предпосылка и созидательное начало правового состояния общества, его цель и составная часть. Но вместе с тем это степень и характер правового развития как самого общества, так и личности, которые находят свое выражение в уровне ее правомерной деятельности.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что теоретический анализ тесно взаимосвязанных и взаимообусловленных категорий правовой культуры и правомерного поведения не явля-

¹ Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 127.

² Сальников В.П. Социалистическая правовая культура. Саратов, 1989.

³ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. Т. 2.

ется самоцелью. Построение и развитие в России правового государства и гражданского общества свидетельствует о необходимости проникновения правовой культуры во все слои общества; о повышении гражданской активности.

Соблюдая юридическую форму, лицо проявляет уважение к закону, способствует стабильности правопорядка, укреплению дисциплины, повышению авторитета права.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Быков А.Н.,

слушатель 5 курса факультета подготовки
следователей Орловского юридического
института МВД России

В условиях современной России значительно возрастают требования, предъявляемые к уровню правосознания всех членов общества, и особенно сотрудников правоохранительных органов, в структуру которых, в частности, входит Государственная служба безопасности дорожного движения.

Во многом это обусловлено ростом правового нигилизма как в российском обществе в целом, так и в среде сотрудников ГИБДД.

Об этой тенденции прямо свидетельствуют социологические и статистические данные, которые говорят о значительном росте числа правонарушений с их стороны в последние годы. Это также свидетельствует и о низком уровне правосознания у сотрудников различных служб и подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения.

В этой связи анализ теоретико-правовых аспектов профессионального правосознания сотрудников ГИБДД современной России является весьма актуальным и представляет значительный научный и практический интерес.

В современной научной литературе правосознание трактуется как форма общественного сознания, представляющая собой совокупность правовых взглядов и чувств, обладающих нормативным характером и включающих в себя как знания правовых явлений, так и их оценку с точки зрения справедливости, а также новые правовые требования, отражающие экономические и политические потребности и интересы общественного развития¹.

При этом термин «профессиональное правосознание» закрепился в научной литературе, главным образом, как одна из коллективных форм правового сознания, выступающая как система правовых взглядов, знаний, чувств, ценностных ориентаций общности людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью².

Мы согласны с мнением Л.С. Явича о том, что «право ничто, если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества»³, мы рассмотрим основные аспекты, структуру и функции правосознания, определив их роль и значение в конечном правовом поведении субъектов, а именно сотрудников ГИБДД.

Анализируя структуру правосознания, необходимо отметить, что она включает в себя: индивидуальное правосознание, групповое, классовое, общественное, глобальное⁴, которые в совокупности своей выполняют, по мнению И.Е. Фарбера, правотворческую, правоприменительную и воспитательную функции⁵, а по мнению К.Т. Бельского, отражательно - познава-

¹ Фарбер И.Е., Правосознание как форма общественного сознания, М., 1963. С. 99

² Соколов Н.Я., Профессиональное сознание юристов, М., 1981, С. 77

³ Явич Л.С., Общая теория права, Л., 1972. С. 201

⁴ Белканов Е.А. Структура и функции правосознания. Екатеринбург, 1996

⁵ См.: Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. Саратов, 1962

тельную, информационную, оценочную, регулятивную, воспитательную и прогностическую функции¹.

Думается, что наиболее важными функциями правосознания, принимая во внимание, что речь идет о сотрудниках ГИБДД, являются: познавательная, оценочная и регулятивная², ввиду того, что другие функции по своей сути фактически охватываются ими.

Следует подчеркнуть, что индивидуальное, групповое и общественное правосознание находятся в довольно тесной взаимосвязи друг с другом. Во многом это обусловлено единым предметом отражения - правоотношения, наличием одной и той же познавательной и социальной основы, единой причинной обусловленности. Вместе с тем все это не предполагает сведение общественного и группового сознания к сумме правовых взглядов отдельных индивидов.

В групповом правосознании, так же как и в индивидуальном, отражаются те общественные отношения, которые так или иначе включены в бытие данной личности, но при этом они представляют совершенно различные явления.

В этом плане заслуживает внимания точка зрения В.А. Щегорцева, который считает, что «групповое сознание хотя и складывается в результате активного духовного творчества индивидов, но оно представляет собой качественно новое явление, в которое входят элементы индивидуального и общественного правосознания и то, что типично, характерно для мироощущения данной социальной общности и наиболее полно отражает ее интересы»³.

Представляется, что необходимо учесть и следующую закономерность: уровень правосознания сотрудников милиции тем выше, чем больше им приходится применять право или осуществлять свою деятельность преимущественно в правовой, а не организационной форме⁴. Это подтверждают и результаты исследования, проведенные А.А. Бондаревым⁵.

Так, в соответствии с полученными результатами у сотрудников таких служб, как ООП, ОМОН, ГИБДД, тылового обеспечения, уровень правосознания близок к обыденному, т.е. характеризуется достаточно поверхностным знанием и пониманием правовых явлений. У сотрудников же таких служб, как следствие, дознание, оперативно-розыскная и юридическая службы, уровень правосознания достигает теоретического, т.е. им свойственна высокая степень знания и понимания правовых явлений.

Таким образом, определив профессиональное правосознание сотрудников ГИБДД как сложное, многокомпонентное, функционально обусловленное, структурированное образование, определяющее регулятивную сторону поведения сотрудников в правовой сфере, мы можем с уверенностью говорить о большой значимости данного аспекта и необходимости дальнейшего изучения проблем формирования профессионального правосознания сотрудников ГИБДД.

Анализ теоретико-правовых аспектов профессионального правосознания, в свою очередь, позволит определить пути наиболее эффективного воздействия с целью качественного изменения правосознания сотрудников различных служб и подразделений ГИБДД современной России.

¹ Бельский К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. М., 1982 С. 66

² См.: Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования. Методология и методы социальной психологии. М., 1977. С. 209

³ Щегорцев В.А., Социология правосознания, М., 1981

⁴ См.: Бондарев А.А. Профессиональное правосознание сотрудников ОВД и пути его формирования// Проблемы совершенствования правоохранительной деятельности ОВД: Межвузовский сборник научных трудов адыонктов и соискателе. Ч. 1. М.: МЮИ МВД России, 1988. С. 4

⁵ См.: Бондарев А.А. Теоретико-правовые аспекты профессионального правосознания государственных и муниципальных служащих. Монография. Орел. 2003. С. 89

ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПРАВОВОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ

Гапонов О.И.,

доцент кафедры социально-экономических дисциплин Орловского филиала Воронежского экономико-правового института

Как известно, личность является не только биологическим, но и социальным существом. Формирование человека как личности происходит благодаря процессу социализации. Усвоение норм, правил поведения происходит при помощи общения в социальных группах. С самого начала своей жизни он окружен себе подобными и включен в социальные взаимоотношения. В процессе межличностных отношений и взаимодействия с другими людьми человек приобретает определенный социальный опыт, который, будучи субъективно усвоенным, становится неотъемлемой частью его личности.

Основой составляющей процесса социализации личности является **правовая социализация** – усвоение личностью правовых ценностей и овладение способами поведения, соответствующими нормам права.

Существуют три пути усвоения правовых норм в процессе социализации:

1. Предметный способ, когда человек в процессе той или иной деятельности усваивает соответствующий образ действий (при помощи известного механизма социализации, идентификации и усвоения ролей).

2. Традиционный способ, когда человек, наблюдая действия людей в различных ситуациях, усваивает соответствующий способ поведения (при помощи, например, подражания).

3. Рациональный способ, когда человек узнает о правовых ценностях, стандартах правового поведения из бесед с другими людьми, чтения книг, каналов средств массовой информации (используя свои интеллектуальные способности и опыт общения с людьми).

Связь между процессом социализации с правосознанием и правомерным поведением можно описать так. Жизненный (точнее, правовой) опыт человека приобретает в процессе социализации, оказывает влияние на формирование его установок, отношений, ценностных ориентаций в правовой сфере, то есть на его правосознание. Правосознание человека (его правовая информированность, оценка правовой действительности и др.), в свою очередь, мотивирует его поведение. Формируясь под воздействием внешних влияний, оно по принципу обратной связи направляет практику людей, ориентирует их на поиск оптимального разрешения правовых ситуаций, в которых они оказываются, т.е. выполняет функцию регулятора поведения.

Правосознание – сфера общественного или индивидуального сознания, включающая правовые знания, отношение к праву и правоприменительной деятельности.

Психика человека отражает окружающую действительность (в частности, правовые нормы) при помощи трех сфер – познавательной, эмоциональной, волевой. Поэтому в юридической психологии принято выделять следующие *функции правосознания*:

- Познавательную (рациональную). Благодаря данной функции личность адекватно отражает правовые ценности.

- Эмоциональную (оценочную). Данная функция сводится к оценочным суждениям и отношениям к нормам права (позитивное, безразличное, негативное). Эта функция мотивирует поведение и обеспечивает избирательность поведения человека в правозначимых ситуациях.

- Волевую (регулятивную). Эта функция правосознания связана с контролированием конкретного правозначимого действия или поведения, а также оценкой его результатов. Данная функция тесно связана с волевой регуляцией поведения.

В связи с рассмотренными функциями возникает вопрос о том, все ли они влияют на правомерное поведение человека?

Прежде всего (и это всем понятно), знание правовых норм и ценностей для представителей криминальной среды не является залогом правомерного поведения, а скорее наоборот.

Если же правосознание сформировано не только на познавательном, но и оценочном уровне (человек не только знает закон, но и положительно его оценивает), то и это не всегда гарантирует правомерное поведение. Для этого необходимо, чтобы осознанные и эмоционально

«прожитые» нормы и законы перешли в систему убеждений, ценностных ориентаций, другими словами, стали направленностью личности, тем устойчивым мотивом, который независимо от ситуации побуждает человека действовать правомерно. Попадая в правозначимые ситуации, человек привыкает действовать правомерно. Таким образом, вырабатываемая привычка обеспечивает личности в дальнейшем правомерное поведение. Таким образом, правомерное поведение обеспечивается сформированностью всех трех функций (уровней).

Адаптируясь к новой среде, ввиду деятельности и т.п., человек получает минимальную сумму знаний (интеллектуальный компонент правосознания) о нормах, правилах, правах и законах. В ходе такой правовой подготовки человек не только овладевает формальными юридическими знаниями, но и соотносит их с действительностью, с прошлым опытом, потребностями, интересами, целями деятельности. Оценка и переживания способствуют новому компоненту правосознания – интеллектуально-эмоциональному. Человек определяет для себя, что «хорошо», а что «плохо», полезно или вредно, приемлемо или неприемлемо в данной общности людей, в данной деятельности. Это, в свою очередь, становится основой для поведения личности. Практическая реализация этих оценок и переживаний наступает тогда, когда формируется готовность к действию в определенном направлении, – волевой компонент. Сформировавшиеся мотивы поведения в виде ценностных ориентаций, целей, убеждений, правовых установок и т.п. мотивируют правомерное поведение, способствуют формированию привычек. Так появляется интеллектуально-эмоционально-волевой компонент правосознания.

Правомерное поведение (как и правосознание) является результатом правовой социализации и представляет собой поведение, цели, способы и результаты которого не противоречат ценностям общества, выраженным в правовых нормах. При этом *правомерное (правоисполнительное) поведение* предполагает включение этих ценностей в ценностно-нормативную систему личности, формирование у нее внутреннего согласия и солидарности с нормами права.

Правомерное поведение, как это уже отмечалось, определяется, в первую очередь, правовым сознанием, а также правовыми установками (бессознательной сферой). На основе правовых установок формируются стереотипы правового поведения.

Личность способна почти в любых ситуациях интуитивно, руководствуясь общими разумными соображениями, выбирать правомерный способ поведения.

В данном случае идет речь о личности, которая разбирается в вопросах морали и которой присущи такие качества, как честность, ответственность, организованность и требовательность к себе. При этом правомерное поведение личности возможно практически при полной правовой неподготовленности.

Таким образом, личность, находящаяся на достаточно высоком уровне социального, морального и интеллектуального развития, обладает достоинствами, которые являются фундаментом ее правомерного поведения. Вместе с тем надежные взаимоотношения личности с правовой системой, обеспечивающие правильное решение всех правовых вопросов, возникающих в процессе жизни и деятельности, требуют, чтобы она (личность) была развита и в правовом отношении.

На основе общих представлений о должном поведении создаются модели поведения в обществе, которое регулируется правовыми нормами. Такое поведение называется **правоприменительным** и подразделяется на группы:

- **правоисполнительное** (правомерное), при котором потребности личности совпадают с правовыми требованиями (именно об этом поведении шла речь выше;

- **правопослушное**, когда цели и средства их достижения совпадают с общественными требованиями не в силу внутреннего убеждения личности, а в силу ее конформности (податливости личности реальному или воображаемому давлению группы, проявляющейся в изменении его поведения и установок в соответствии с первоначально не разделявшейся им позицией большинства). Данное поведение подчиняется механизму социализации в группе – конформности;

- **законопослушное**, при котором потребности, интересы и желания личности не совпадают с общественными требованиями, но личность, боясь наказания, вынуждена подчиняться требованиям закона. Именно такими законопослушными людьми руководит чувство страха перед наказанием.

Из вышесказанного следует, что «правовая социализация», «правосознание» и «правомерное поведение» тесно взаимосвязаны и определенным образом соотносятся между собой. В процессе правовой социализации личности формируются ее правосознание, которое, в свою очередь, лежит в основе правомерного поведения.

В определенной степени вышеназванную проблему затронул Президент РФ Д.А. Медведев в ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ: «...В России на протяжении веков господствовал культ государства...А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества...И хотел бы привести слова Петра Столыпина, который говорил: «Прежде принадлежит создать гражданина, и когда задача эта будет осуществлена – гражданственность сама воспарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность...»

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ МОТИВАЦИИ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКА МИЛИЦИИ

Двоеглазов В.А.,
курсант IV курса юридического
факультета Академии экономической
безопасности МВД России

Научный руководитель:
Шарихин А.Е.,
д.ю.н., доцент

Правопорядок можно рассматривать либо как систему установленных в рамках действующего законодательства мер, соблюдение которых базируется на непротиворечивом законодательстве и традиции соблюдения закона, либо как основанную на праве и сложившуюся в результате реализации идеи и принципа законности упорядоченность общественных отношений, которая выражается в правомерном поведении их участников.

Правопорядок призван способствовать созданию благоприятных условий для активной деятельности всех членов общества и их всестороннего развития. Обеспечение этого в значительной степени зависит от того, в какой мере требования норм права реализуются в правомерном поведении людей¹.

По оценке экспертов в настоящее время «погоня за рублем» стала центральной идеей существования взрослого населения, не говоря уже о молодежи, снизилась ценность человеческой жизни, упала значимость культуры, профессионализма, семьи. Общей выраженной чертой российского общества стала агрессивность².

Это обусловлено тем, что переход России на новый уровень государственности оказался связан с высоким уровнем криминализации общества, ростом уровня «теневой» экономики и необходимостью создания новой правоохранительной системы, действующей адекватно угрозам.

В таких условиях приходится существовать и выполнять свой служебный долг сегодняшнему сотруднику милиции. Отметим, что правомерное поведение участников публично-правовых отношений придает правовому порядку необходимую стройность, соподчиненность, выступает в качестве системообразующего блока правопорядка. Важным компонентом содер-

¹ Сачков В.Н. Профессиональное правосознание – основа правомерного поведения сотрудников милиции // Российский следователь, 2007, № 9.

² Криминология: учеб. пособие / Г.И. Богуш (и др.); под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 100-101.

жания правопорядка выступает правомерное поведение сотрудников милиции¹. А наиболее существенную роль в контексте сложившейся в стране ситуации играет такой тип правомерного поведения сотрудника милиции как социально активное правомерное поведение.

Несмотря на все проблемы современного российского общества, курс на демократизацию общественной жизни и создание правового государства, заданный Конституцией РФ 1993 г., предполагает новый взгляд на сущность и значение социально активного правомерного поведения сотрудника милиции в рамках правоприменительной деятельности последнего.

Определенное внимание вопросам изучения правомерного поведения (в т.ч. и социально активного) сотрудников милиции было уделено в работах, посвященных исследованию вопросов их профессионального правосознания, профессиональной правовой культуры, правового воспитания². Эти исследования дали богатейший материал для понимания основ социально-активного правомерного поведения данной категории субъектов правопорядка.

Социально активное поведение относится к высшему типу правомерного поведения, поскольку основано на солидарности с требованиями закона, желании руководствоваться его предписаниями, когда личность проявляет нравственное согласие с правом. Этот общественно полезный, одобряемый государством и обществом тип поведения характеризуется не только глубоким восприятием личностью правовых норм и принципов, но и инициативным, творческим выполнением установлений законов³.

Следует заметить, что в юридической науке отношение к социально-активному поведению варьируется от полного его отрицания до различных трактовок этого вида правомерного поведения. Понятие правовой активности имеет сложную структуру. Оно включает, во-первых, правомерное поведение, предусмотренное законом; во-вторых, правомерное поведение, не предусмотренное законом, однако ему не противоречащее. Объективная сторона такого поведения содержит не просто общественно полезное, целенаправленное, имеющее положительный результат деяние, а главное – инициативное со стороны субъекта деяние. Субъективная же сторона характеризуется не только осознанием потребностей и интересов инициативной деятельности, но и готовностью к ней.

Подчеркнем, что основным и важнейшим условием социально активного правомерного поведения является сознательное их усвоение и выработка позитивного отношения к ценностям, регулируемым правом. Правосознание «как важнейший элемент правовой культуры общества конструирует поведение всех участников правовой жизни общества и детерминирует его результаты»⁴ и по своей сути является основным мотивационным фактором правомерного поведения, внутренним, личностным регулятором юридически значимого поведения⁵. В свою очередь, правосознание сотрудника милиции, как профессионала, должно означать знание и понимание им права, его уважение, солидарность с правовыми требованиями, квалифицированное применение их при анализе и решении конкретных юридических вопросов.

На основе различий между поведением граждан и сотрудников милиции И.А. Минникес и А.В. Захарченко выделили несколько типов сотрудников с точки зрения их ориентации на дух и букву закона, а также социальной активности в сфере права: «службист» – умело сочетающий дух и букву закона, но не стремящийся к каким-либо его изменениям и практике реализации; «прагматик» – понимающий дух и букву закона, но заинтересованный прежде всего в «прохождении» дела и в этой связи ориентирующийся на мнение лиц, от которых зависит окончательное решение вопроса; «энтузиаст» – умело сочетающий дух и букву закона, стремя-

¹ Сачков В.Н. Профессиональное правосознание – основа правомерного поведения сотрудников милиции // Российский следователь, 2007, № 9.

² См., например: Кузнецов Э.В. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / Э.В. Кузнецов, В.П. Сальников и др. П., 1986; Абдумомунов А.А. Формирование правосознания работников органов внутренних дел. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995; Профессиональная правовая культура как условие эффективности правоприменения в органах внутренних дел. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992 и др.

³ Морозова Л.А. Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. М.: Норма, 2005. С. 230.

⁴ Проблемы теории государства и права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 1999. С.220.

⁵ Безруков А.В. Профессиональное правосознание как фактор мотивации правомерного поведения сотрудников ОВД (теоретико-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. С.99.

щийся в общественных интересах к совершенствованию законодательства и юридической практики; «флюгер – допускающий отступления от требования закона под давлением вышестоящих или местных руководителей; «педант» – предельно строго руководствующийся буквой закона, но поступающий подчас его духом ради соблюдения формы; «антипедант» – руководствующийся духом закона, но подчас допускающий отступления от его буквы; «карьерист» – склонный поступиться законом ради продвижения по службе; «бюрократ» – заслоняющийся законом или якобы не замечающий букву закона, выхолащивающий его дух ради своего удобства и спокойствия; «лжеюрист» – попирающий в личных интересах закон, пользующийся своим служебным положением¹. Существует также типология В.М. Сырых, который среди правоприменителей различает «законника», «перестраховщика», «юридического нигилиста» и коррупционера². Данные типологии хотя и не являются бесспорными, тем не менее позволяют прийти к выводу, что правовые установки, мотивы правомерного поведения, а значит, и его характер, тип, в большой степени зависят от того, на чьи интересы ориентируются сотрудники милиции в ходе исполнения своих служебных обязанностей. На этой основе и возникают существенные отличия в качественной оценке одного и того же вида служебного поведения, его правомерности или противоправности, наличия, наконец, самого факта деформации в нем. Они могут быть совсем неоднозначными.

Обратимся к рассмотрению структуры правомерного поступка сотрудника ОВД, выступающего в качестве единицы анализа правомерного поведения. Правомерный поступок сотрудника милиции сочетает в себе черты правомерного поведения индивида. Это и неудивительно, так как сотрудник милиции – это конкретный человек, и его поведение не может не содержать в себе ряда черт индивидуального поступка гражданина. Сходство поведения сотрудника милиции с поведением гражданина, поступающего правомерно, состоит в том, что: а) оно совершается конкретным дееспособным субъектом правопорядка; б) его объективная сторона формализована, определена правовыми нормами; в) субъективная сторона поведения сотрудника милиции, действующего в пределах своей компетенции, предполагает сознательные волевые действия.

Вместе с тем есть и существенные отличия от поведения гражданина. Во-первых, персонификация субъекта и объекта правомерного поступка сотрудника милиции связана не с личностью данного человека, а с его должностью. Во-вторых, сотрудник милиции призван преследовать не личные, а государственные и общественные цели. В-третьих, в процессе осуществления охраны правопорядка, прав и свобод граждан сотрудник милиции выражает не свою собственную волю, а волю государства, общества в целом. В-четвертых, для объективной стороны правомерного поступка сотрудника милиции характерно то, что она проявляется, прежде всего, в форме активных правомерных действий. Об этом, в частности, свидетельствует простой перечень основных обязанностей и правомочий, осуществляемых органами внутренних дел в процессе своей деятельности и зафиксированных в действующем законодательстве о милиции в Российской Федерации. В-пятых, особое значение для правомерного поведения сотрудников милиции принимает понимание ими ответственности в ее позитивном аспекте. Позитивная ответственность характеризуется тем, что она, во-первых, предполагает правомерное поведение; во-вторых, органически связана с чувством долга перед обществом; в-третьих, выступает как сила предупреждения правонарушений путем выработки навыков и привычек правомерного поведения³. Поэтому ответственный подход каждого сотрудника милиции ко всем своим действиям должен стать основой ее высокого авторитета.

Наряду с особенностями структуры правомерного поступка сотрудника милиции необходимо обратить внимание на ряд специфических черт, характеризующих отдельные разновидности правомерного поведения сотрудников милиции. Прежде всего, следует обратить внимание на особую роль правомерного поведения сотрудников милиции в механизме реализации

¹ См. подробнее: Миннекес И.А. К проблеме профессионального сознания юристов (по материалам социологического и следования) / И.А. Миннекес, А.В. Захарченко // Академический юридический журнал. 2000. № 2(2). С. 14-22.

² Социология права / Под ред. В.М. Сырых. М., 2001. С. 213-214.

³ Назаров Б.Л. Проблемы правонарушений и юридической ответственности в социалистическом обществе // Проблемы общей теории права. Вып. 1. М., 1973, С. 52.

права. Во-первых, выступая в качестве представителей правоохранительных органов, они обеспечивают реализацию гражданами их прав и законных интересов. Во-вторых, при охране правопорядка они сами реализуют предоставленные им права и обязанности. В-третьих, многие задачи обеспечения нормальных условий реализации гражданами своих прав решаются намного успешнее при знании тех правовых последствий, которые влекут за собой действия сотрудников милиции. Поведение сотрудника милиции, применяющего право, детерминировано, «с одной стороны, объективными социальными, культурными, юридическими и социально-психологическими условиями деятельности, а с другой – индивидуальными качествами лица, принимающего решение. При этом имеют значение его образование, опыт работы, правосознание, правовая культура, индивидуально-психологические особенности»¹.

Объективным показателем эффективности социально активного правомерного поведения сотрудников милиции является основанная на высоком профессиональном правосознании правильная оценка ими фактов, обстоятельств дела; соответствующее требованиям законности применение диспозиции и санкции правовой нормы. Речь идет о так называемой юридической эффективности. Социальная же эффективность связана с достижением фактических целей правомерного поведения².

В этой связи представляется необходимым в процессе формирования правового государства перейти от тотального контроля за гражданами, который существовал в СССР и включал в себя экономическую, правовую, организационную, идеологическую, социально-психологическую, оперативную и репрессивную составляющие к контролю над преступностью. Такой контроль, по оценке известного российского криминолога В.В. Лунеева, мог бы включать аналогичные составляющие, но механизм их действия должен строиться на принципах правового государства. А это в свою очередь предполагает предъявление качественно новых требований к кадрам.

В этой связи необходимо напомнить, что в 50-60-е гг. XX в., когда экономику стран Европы и США охватили структурные изменения под воздействием достижений научно-технического прогресса, появляется новое понятие «человеческий капитал».

Развитие теории «человеческого капитала» нашло свое отражение в работах лауреатов Нобелевской премии С. Кузнецца, Т. Шульца, Г. Беккера и многих других экономистов. В своем классическом произведении в этой области Г. Беккер определяет понятие «человеческий капитал» как комплекс приобретенных и унаследованных качеств, как образование, знания, полученные на рабочем месте, здоровье и другие, которые могут быть использованы в течение определенного времени для производства товаров и услуг.

Представляется, что воспитание чувства собственного достоинства у сотрудника правоохранительных органов, которое должно базироваться на принципиально новом правосознании и подкрепляться соответствующим материальным обеспечением является необходимым условием мотивации правомерного поведения сотрудника милиции

Как отмечалось в Концепции судебной реформы России 1991 г., деятельность правоохранительных органов должна отвечать положениям рекомендаций юридической науки. При этом достижение уровня материально-технического обеспечения, органов внутренних дел, следственных подразделений, а также материальное, бытовое и социальное обеспечение работников правоохранительных органов должно соответствовать возлагаемой на эти органы и их работников ответственности.

Очевидно, что реализация указанных предложений невозможна без поднятия на новый качественный уровень профессионального правового сознания, роста правовой культуры работников правоохранительных органов, в том числе и сотрудников органов внутренних дел. Поэтому крайне важно в кадровой работе особое внимание уделять воспитанию нового правосознания сотрудников милиции и профессиональной подготовке, которые должны отвечать современным реалиям.

¹ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976. С. 42.

² Сачков В.Н. Профессиональное правосознание – основа правомерного поведения сотрудников милиции // Российский следователь, 2007, № 9.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Климкина И.В.,

студентка 201 уч.гр. внебюджетного
факультета Орловского юридического
института МВД России

Современная государственная служба в Российской Федерации представляет собой правовую материю, которая находится в постоянном движении: она изменяется, дополняется, идёт поиск новых инструментов в разрешении существующих проблем, разрабатываются новые нормативные акты, регламентирующие государственно-служебные отношения.

Современное развитие законодательства позволяет утверждать, что Россия находится на пути возрождения института профессионального чиновничества. Этот институт, основываясь на профессионализме, способностях, политическом нейтралитете служащих и качественном исполнении служебных обязанностей, во многих странах обеспечивает стабильное государственное управление и является важнейшим фактором сохранения и развития государственности. Законодательство о государственной службе Российской Федерации образуют нормативные правовые акты, регулирующие образование ее системы, организацию и правовое положение государственных служащих - условия и порядок их работы, права и виды поощрения, обязанности и ответственность, прекращение ими государственной службы и т. п.

Правовое регулирование государственной службы через регламентирование обязанностей государственных служащих обеспечивает эффективность осуществления государственной власти.

Деятельность государственных служащих носит, как правило, непроизводственный характер. Она воздействует на сознание людей, влияет на экономическую жизнь, на технологические процессы производства, организацию и деятельность трудовых коллективов.

Государственный служащий обязан хранить государственную и иную охраняемую законом тайну, а также не разглашать ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей сведения, затрагивающие частную жизнь, честь и достоинство граждан.

Чтобы не допустить нарушений этого предписания, он должен руководствоваться Перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне, который утвержден Указом Президента от 30 ноября 1995 г. Перечень содержит сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности государства, распространение которых может нанести ущерб его безопасности, а также наименования федеральных органов исполнительной власти и других организаций, наделенных полномочиями по распоряжению этими сведениями¹.

Кроме перечисленных могут быть и другие, самые разнообразные случаи неисполнения или ненадлежащего исполнения государственными служащими своих должностных обязанностей, расцениваемых как должностной проступок.

Вместе с тем законодательством предусмотрены и такие случаи, когда отдельные категории государственных служащих подлежат дисциплинарной ответственности за поступки, имевшие место и не при исполнении служебных обязанностей, если эти поступки несовместимы с достоинством и назначением государственных служащих ввиду особого характера выполняемых ими обязанностей.

Дисциплинарные взыскания не могут быть наложены за деяние, за совершение которого законом предусмотрена иная ответственность. Например, превышение должностных полномочий, связанное с причинением существенного вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан, образует состав не должностного проступка, а уголовного преступления².

Видами дисциплинарных взысканий являются: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, увольнение.

¹ Бахрах Д. Н. Административное право М.: БЕК, 2004. С. 483.

² Манохин В.М. Российское административное право / В.М. Манохин, Ю.С. Адушкин. М.: 2005. С. 99.

Дисциплинарное взыскание налагается органом или руководителем, имеющим право назначать государственного служащего на государственную должность. Это правило обусловлено характером взысканий: в частности, право предупреждать о неполном служебном соответствии и решать вопрос об увольнении от должности предоставляется тем органам и руководителям, которым принадлежит право назначения на должность¹.

Государственный служащий, допустивший должностной проступок, может быть временно (но не более чем на месяц), до решения вопроса о его дисциплинарной ответственности, отстранен от исполнения должностных обязанностей с сохранением денежного содержания. Эта мера применяется также распоряжением руководителя, имеющего право назначать служащего на должность².

Наиболее серьезными должностными проступками являются те из них, которые приводят к нарушению или неисполнению федеральных законов, указов Президента и решений судов. Указом установлено, что руководители федеральных органов исполнительной власти и главы исполнительной власти субъектов Федерации несут персональную ответственность за состояние исполнительской дисциплины в руководимых ими органах. Они не позднее трех дней обязаны рассматривать сообщения, опубликованные в средствах массовой информации, в том числе в теле- радиопередачах, о нарушениях, неисполнении или ненадлежащем исполнении подчиненными им государственным служащими федеральных законов, указов Президента и вступивших в законную силу решений суда³.

Порядок проведения служебных расследований, применения и обжалования дисциплинарных взысканий определяется законодательно. В настоящее время применяются действующие на этот счет нормы трудового законодательства. Так, до применения дисциплинарного взыскания от служащего должно быть затребовано письменное объяснение. Это одна из гарантий обоснованности взыскания. Отказ дать объяснение не препятствует наложению дисциплинарного взыскания. Взыскания налагаются не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка; в этот срок не засчитывается время болезни служащего или пребывания его в отпуске. Днем обнаружения проступка, с которого начинает течь срок для наложения взыскания, считается день, когда лицу, которому подчинен служащий, стало известно о совершении проступка.

Дисциплинарное взыскание снимается автоматически, если в течение года со дня его применения служащий не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию. Взыскание может быть снято и до истечения года, если служащий не допустит нового нарушения дисциплины и проявит себя как добросовестный работник⁴.

Обжалование дисциплинарных взысканий производится служащим по своему усмотрению в административном или судебном порядке, как это определено Законом от 27 апреля 1993 г. «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» и Федеральным законом от 14 декабря 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»⁵.

Дисциплинарная ответственность военнослужащих регулируется Дисциплинарным уставом Вооруженных сил, утвержденным Указом Президента от 14 декабря 1993 г. Устав определяет сущность воинской дисциплины, обязанности военнослужащих по ее соблюдению, виды дисциплинарных взысканий, права командиров (начальников) по их применению, а также порядок подачи и рассмотрения предложений, заявлений и жалоб. Положения Устава распространяются не только на военнослужащих, но и на состоящих в запасе или находящихся в отставке с правом ношения военной формы одежды прапорщиков, мичманов и офицеров при ношении этой формы.

¹ Алехин А.П. Административное право РФ / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. М.: Проспект, 2004. С. 236.

² Лазарев Б.Ю. Государственная служба. М.: 2004. С. 253.

³ Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. Монография М.: Изд-во РАГС, 2006. С. 170.

⁴ Манохин В.М. Российское административное право / В.М. Манохин, Ю.С. Адушкин. М.: 2005. С. 101.

⁵ Российская газета, 02.06.1998, № 104,

Налагать дисциплинарные взыскания могут только прямые начальники. В особых случаях начальники гарнизонов, старшие морские начальники и военные коменданты гарнизонов имеют право налагать дисциплинарные взыскания на военнослужащих гарнизона или временно остановившихся в гарнизоне¹.

Устав определяет порядок наложения и приведения в исполнение дисциплинарных взысканий.

Военнослужащий, считающий себя невиновным, имеет право в течение 10 дней с момента наложения дисциплинарного взыскания подать жалобу. Жалоба заявляется непосредственному начальнику того лица, действия которого обжалуются, а если заявляющий жалобу не знает, по чьей вине нарушены его права, то жалоба подается по команде. Важно, что военнослужащий вправе обратиться с жалобой в суд на неправомерные, как он полагает, действия органов государственного управления, общественных объединений и должностных лиц².

Дисциплинарным уставом не установлен срок, по истечении которого взыскание утрачивает силу. Следовательно, состояние наказанного не может прекращаться автоматически. Взыскание может быть снято приказом командира в порядке поощрения военнослужащего³.

Таким образом, ответственность выражается в применении к государственным служащим тех или иных мер наказания, взысканий, предусмотренных законодательством, за виновное совершение ими правонарушений, то есть за такие поступки и действия, которые юридически признаны как запрещенные и вредные.

На неудовлетворительное поведение государственных служащих обращено внимание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева в ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации,⁴ и, следовательно, законодательными и правоприменительными органами будут предприниматься усилия, направленные на совершенствование института юридической ответственности государственных служащих.

ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК КАК ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Костин Ю.В.,

доктор ю.н., доцент, профессор
кафедры теории и истории
государства и права Орловского
юридического института МВД России

Статья 1. Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, провозглашает Россию «демократическим, федеративным, правовым государством с республиканской формой правления»⁵.

Именно в демократическом, правовом государстве правовое регулирование, выступая как инструмент социального управления, как важнейший фактор обеспечения законности и правопорядка, призвано упорядочивать общественные отношения, обеспечивая реализацию законных интересов, прав и свобод граждан.

Наличие в обществе правонарушений, действий, противоречащих нормам права, делает необходимым и оправданным существование механизма государственного принуждения. Это тоже играет немаловажную роль в механизме правового регулирования, поскольку каждый правонарушитель должен знать, что его ожидает в случае совершения им правонарушения. Не случайно в Послании Президента России Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской

¹ Лазарев Б.Ю. Государственная служба. М., 2004. С. 253-254.

² Манохин В.М. Российское административное право / В.М. Манохин, Ю.С. Адушкин. М., 2005. С. 102.

³ Лазарев Б.Ю. Государственная служба. М., 2004. С. 254.

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета, 06 ноября 2008 г.

⁵ Конституция Российской Федерации. М.: Омега-Л, 2006, С. 3.

Федерации подчеркивается, что «правоохранительная и судебная системы должны обеспечивать действенную защиту лиц, пострадавших от совершенных преступлений»¹.

Необходимо подчеркнуть, что в целом проблема обеспечения законности и правопорядка носит многоплановый характер, поскольку включает такие вопросы, как механизм воздействия права на общественные отношения, место в этом механизме специфических правовых способов регулирования поведения людей, эффективность правового воздействия, влияния механизма правового регулирования на состояние законности и правопорядка в обществе.

В современной юридической литературе представлены различные подходы в трактовке категории «механизм правового регулирования». Так, С.С. Алексеев определяет правовое регулирование как главное выражение правовой действительности, результативное нормативно-организованное воздействие на общественные отношения при помощи правовых средств.

А.В. Малько считает механизмом правового регулирования систему правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях удовлетворения препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права.

В.В. Лазарев усматривает главное назначение механизма правового регулирования в том, что он позволяет раскрыть процесс перевода предписаний права в реальное правомерное поведение человека.

А.С. Пиголкин и Ю.А. Дмитриев рассматривают механизм правового регулирования как систему юридических средств, организованных наиболее последовательным образом в целях упорядочения общественных отношений, содействия удовлетворению интересов субъектов права².

Думается, что подобное понимание механизма правового регулирования представляется более предпочтительным, поскольку позволяет выявить и систематизировать юридические средства правового воздействия на общественные отношения, определить место и роль того или иного средства в правовой жизни общества.

В этой связи в современных условиях механизм правового регулирования можно охарактеризовать как систему правовых средств, с помощью которых осуществляется упорядоченность общественных отношений в соответствии с целями и задачами правового государства.

К элементам, составным частям механизма правового регулирования в современной юридической науке относят: нормы права, нормативно-правовые акты, акты официального толкования, юридические факты, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты, правосознание, режим законности.

Нормы права служат исходной базой правового регулирования, в них указывается, что дозволено и что разрешено, каковы последствия соблюдения или нарушения зафиксированного в них предписания.

Норма права устанавливает общие и юридически обязательные правила поведения тех участников общественных отношений, которые находятся в сфере правового регулирования³.

Норма права – это изначальный элемент механизма правового регулирования, определяющий его основу, те направления правового поведения, которые программируются в реальных общественных отношениях.

В юридической науке и практике правовые нормы совершенно справедливо считаются нормативной основой механизма правового регулирования, так как в них сконструирована та модель общественного отношения, которая соответствует потребностям и интересам граждан правового государства⁴.

Как отмечается в научной литературе, основными формами реализации прав и обязанностей являются использование доставленных нормами права возможностей, исполнение обязывающего правового предписания, соблюдение правовых запретов. При невозможности самостоятельной реализации субъектами права принадлежащих им юридических прав и обязанно-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. // Российская газета. № 49, 6 ноября 2008.

² См.: Теория государства и права. Учебник / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М., 2008. С. 456-457.

³ Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2006. С. 158.

⁴ См.: Петров М.И. Теория государства и права. М., 2006. С.144-146.

стей государство в лице своих компетентных органов осуществляет правоприменительную деятельность, призванную обеспечить их полную реализацию (изымает налоги, назначает пенсии, осуществляет правосудие)¹.

В современной юридической литературе важнейшей целью и результатом правового регулирования общественных отношений объявляются законность и правопорядок².

Р.Х. Макуев подчеркивает: «В обеспечении законности и формировании правопорядка участвуют все элементы механизма правового регулирования общественных отношений»³.

Законность – основа нормальной жизни современного цивилизованного общества, всех звеньев ее политической системы. Охватывая своим действием наиболее важные сферы человеческого общежития (частную и публичную), законность вносит в него соответствующую гармонию, обеспечивает справедливую дифференциацию интересов людей.

В.Н. Хропанюк определяет законность как «строгое и полное осуществление предписаний правовых законов и основанных на них юридических актов всеми субъектами права»⁴.

Следует согласиться с В.С. Афанасьевым, В.В. Лазаревым, Н.И. Матузовым, А. В. Малько и др., которые пишут о всеобщем характере принципов законности и обязательности его требований для всех⁵.

Проанализировав точки зрения известных российских ученых-юристов (М.С.Строговича, Н.В. Витрука, В.В.Лазарева, Н.И.Матузова, А.В. Малько и других), можно заключить, что законность характеризуется следующими основными признаками:

Во-первых, важнейшей чертой законности является ее всеобщность.

Всеобщность, как важнейший признак законности, означает, что строгое осуществление законодательных предписаний является основным, общим принципом деятельности всех государственных органов, общественных, хозяйственных организаций и граждан.

Во-вторых, законность неразрывно связана с правом, юридическими нормами. Однако оценить состояние режима законности в стране можно только на основании того, в какой мере законы государства отражают объективные потребности общественного развития. Если издаваемые государством правовые нормы закрепляют и охраняют интересы только отдельных лиц или определенных социальных групп, не учитывая общих и индивидуальных интересов всего населения страны, законность отсутствует. Если правовые нормы лишь формально отражают интересы различных слоев населения, но не гарантируют их, то и здесь не может быть речи о законности. Нормативной основой законности являются правовые законы, адекватно отражающие общие и индивидуальные интересы всех участников общественных отношений.

Таким образом, режим законности в правовом государстве предполагает наличие двух взаимосвязанных факторов: совершенного, четко отработанного законодательства, отвечающего потребностям общественного прогресса; полной и безусловной реализации предписаний законов и подзаконных правовых актов государственными органами, должностными лицами, гражданами и различными объединениями.

Говоря об основных требованиях законности, следует подчеркнуть, что в его содержание вкладываются те принципиальные положения правовой жизни общества, без которых реальная законность невозможна. В своей основе требования законности совпадают с принципами права, поскольку их реализация создает оптимальный режим регулирования общественных отношений.

Вместе с тем следует согласиться с мнением А.Б. Венгерова о том, что «принципы права и требования законности неоднозначны»⁶. Последние являются средством реализации принципов права, совпадая с ними в формулировках. Требования законности – это лишь юридиче-

¹ См.: Шундилов К.В. Механизм правового регулирования. Саратов, 2003 С. 54-78;

² См.: Макуев Р.Х. Теория государства и права. Орел, 2003. С. 475-498; Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 2008. С. 341-350; Пиголкин А.С. Теория государства и права. М., 2008. С. 518-524.

³ Макуев Р.Х. Теория государства и права. Орел, 2003. С. 494;

⁴ Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 2008. С. 342.

⁵ Афанасьев В.С. Теория государства и права. М., 1997. С. 209-211; Лазарев В.В. Теория государства и права. М., 1998. С. 509; Матузов Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М., 2001. С. 408 -411; Строгович М.С. Проблемы общей теории права. М., 2002. С. 111.

⁶ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М. 2008, С. 498.

ский инструмент воплощения в жизнь общих принципов права (справедливости, гуманизма, социального равенства). Более того, сама законность является одним из ведущих принципов права.

В современной юридической литературе выделяют следующие требования законности: верховенство закона по отношению ко всем другим правовым актам; единство понимания и применения законов на всей территории их действия; недопустимость противопоставления законности и целесообразности. Законность и целесообразность нельзя противопоставлять, прежде всего, потому, что правовые законы сами обладают высшей общественной целесообразностью.

Осуществление прав и свобод человеком не должно нарушать права и свободы других лиц. В условиях правовой государственности это требование имеет принципиальное значение, поскольку свобода одного человека не может быть реализована в ущерб свободе другого. Закон не допускает ущемления прав одних за счет прав других граждан государства¹.

Важнейшим требованием законности является равная возможность всех граждан пользоваться защитой закона и их равная обязанность следовать его предписаниям (равенство всех перед законом и судом). Прочный и эффективный режим законности в обществе возможен только в условиях равенства всех людей перед законом и судом.

Предотвращение и эффективная борьба с правонарушениями также выступает важным требованием законности. Правовое государство создает необходимые материальные, политические, социальные и другие предпосылки для предотвращения и пресечения правонарушений. Благоприятные материальные условия жизни, социальная защищенность населения, политическая стабильность в стране, наличие справедливых правоохранительных законов составляют реальную основу режима законности.

Непосредственная защита интересов субъектов права, любого гражданина, проживающего на территории государства, осуществляется специальными правоохранительными органами: судом, прокуратурой, арбитражем, милицией. Обеспечивая законное функционирование общественных отношений, эти органы в необходимых случаях применяют к правонарушителям различные меры государственного принуждения.

Центральное место в системе правоохранительных органов, призванных поддерживать режим законности, принадлежит судам, которые осуществляют свою власть в формах конституционного, гражданского, уголовного административного судопроизводства. Ст. 46 Конституции Российской Федерации «гарантирует каждому защиту прав и свобод»².

Таким образом, законность представляет собой процесс осуществления законов. Режим законности означает такое состояние общественной жизни, при котором участники правоотношений свободно реализуют принадлежащие им юридические права и обязанности.

Как отмечает Р.Х. Макуев, «законность и правопорядок объединяют правовой фактор, выступают правовой основой и средством функционирования государственной власти в демократическом обществе»³.

Законность есть предпосылка такого порядка в общественной жизни, который соответствует предписаниям правовых норм. Другими словами, в результате действия законности в обществе складывается правовой порядок, являющийся целью правового регулирования общественных отношений.

Правопорядок – это система общественных отношений, которая устанавливается в результате точного и полного осуществления предписаний правовых норм всеми субъектами права⁴.

В этой связи правопорядок составляет реальную основу современной цивилизованной жизни общества. В формировании правового порядка участвуют все элементы механизма правового регулирования общественных отношений. Их причинно-следственная связь составляет основу правовой жизни общества, которая и приводит в конечном счете к установлению правового порядка.

¹ Хропонюк В.Н. Теория государства и права- М., 2008. С. 346.

² Конституция Российской Федерации. М.: Омега-Л, 2006. С. 11.

³ Макуев Р.Х. Теория государства и права. Орел, 2003. С. 492-493.

⁴ Хропонюк В.Н. Теория государства и права. М., 2008. С. 347.

Нормы права – это нормативная предпосылка правопорядка, первичное звено механизма правового регулирования, моделирующее «идеальный» правопорядок.

Правоотношения – элемент механизма правового регулирования, обеспечивающий переход от идеального, предполагаемого законодателем правопорядка к установлению конкретного возможного или должного поведения участников общественных отношений, предусмотренного правовыми нормами. На этом этапе к механизму правового регулирования подключается законность, призванная гарантировать возможное и должное поведение субъектов правоотношений.

Акты реализации юридических прав и обязанностей являются завершающей предпосылкой правопорядка. В условиях режима законности права и обязанности участников правоотношений реально воплощаются в их поведении, достигают своей цели и, таким образом, переходят в такую систему общественных отношений, которая и образует правовой порядок.

Содержание правопорядка составляет правомерное поведение субъектов, то есть такое поведение, которое урегулировано нормами права и достигло целей правового регулирования¹.

Структура правопорядка – это единство и одновременное разделение урегулированной правовой системы общественных отношений в соответствии с особенностями их отраслевого содержания².

Правопорядок есть реализованная система права. Он включает конституционные, административные, финансовые, земельные, семейные и другие виды общественных отношений, урегулированные нормами соответствующих отраслей права. В структурном отношении правопорядок отражает реализованные элементы системы права.

Особенность правопорядка как специфической системы общественных отношений выражается в том, что складывается он только на основе правовых норм и в силу этого охраняется государством. Поэтому правопорядком охватываются далеко не все отношения, имеющие место в обществе. В этом смысле правопорядок является лишь элементом общей системы общественных отношений, складывающейся под воздействием нормативного регулирования. Это часть общественного порядка.

Общественный порядок представляет собой всю совокупную систему общественных отношений, которая складывается в результате реализации социальных норм: норм права, норм морали, норм общественных организаций, норм обычаев, традиций и ритуалов.

В правовом государстве все элементы общественного порядка взаимодействуют между собой и находятся под его защитой. Однако только правопорядок охраняется специальными государственно-правовыми мерами.

В правовом государстве существует целая система гарантий законности и правопорядка. Под гарантиями законности и правопорядка понимаются такие условия общественной жизни и специальные меры, принимаемые государством, которые обеспечивают прочный режим законности и стабильность правопорядка в обществе³.

В современной научной литературе выделяют материальные, политические, юридические гарантии законности и правопорядка⁴.

К материальным гарантиям относится такая экономическая структура общества, в рамках которой устанавливаются эквивалентные отношения между производителями и потребителями материальных благ. Материально обеспеченный и социально защищенный индивид, как правило, соотносит свое поведение с правом, поскольку его интересы гарантируются режимом законности и получают объективное воплощение в правопорядке.

Политическими гарантиями законности и правопорядка являются все элементы политической системы общества, которые поддерживают и воспроизводят общественную жизнь на основе юридических законов, отражающих объективные закономерности общественного развития. Государство, его органы, разнообразные общественные объединения и частные организации, трудовые коллективы, то есть все звенья современной политической системы общества,

¹ Пиголкин А.С. Теория государства и права. М., 2008. С. 196.

² Хропонюк В.Н. Теория государства и права. М., 2008. С. 348.

³ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2008. С. 236.

⁴ См.: Горшнев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования. М., 2006; Малько А.В. Механизм правового регулирования. М., 2003. С. 127-134.

в интересах своего жизнеобеспечения всемерно поддерживают необходимый режим законности и стабильность правопорядка. Те политические организации или отдельные политические деятели, которые противопоставляют себя порядку, установленному законом, лишаются защиты со стороны государства.

К юридическим гарантиям относится деятельность государственных органов и учреждений, специально направленная на предотвращение и пресечение нарушений законности и правопорядка. Ее осуществляют законодательные, исполнительные и судебные органы государственной власти. Основные направления борьбы с правонарушениями формируют законодательные органы, издавая соответствующие нормативно-правовые акты, предусматривающие юридическую ответственность за противоправные действия. Непосредственную же работу по профилактике и пресечению правонарушений осуществляют правоохранительные государственные органы. При наличии достаточно прочных экономических и политических гарантий правоохранительная деятельность государства эффективно обеспечивает оптимальный режим законности и устойчивость правопорядка¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что в современных условиях все более возрастает роль нравственных гарантий обеспечения законности и правопорядка. В этой связи важнейшими нравственными гарантиями законности и правопорядка являются благоприятная морально-психологическая обстановка, в которой реализуются юридические права и обязанности участников правоотношений; уровень их духовности и культуры; чуткость и внимание государственных органов и должностных лиц к человеку, его интересам и потребностям. В создании здоровой нравственной обстановки в сфере правового регулирования участвуют все звенья политической системы общества, в том числе благотворительные организации, учреждения культуры и искусства, школа, высшие учебные заведения, церковь. Нравственно здоровое общество – это общество, функционирующее на основе законов в условиях стабильного правопорядка.

Таким образом, законность и правопорядок, являясь важнейшей целью и результатом правового регулирования общественных отношений, обеспечиваются всей системой гарантий, которые органически взаимодействуют между собой, взаимообуславливают и дополняют друг друга. Состояние законности и правопорядка является важнейшим показателем эффективности механизма правового регулирования в современном обществе.

Правопорядок есть результат действия законности, реализованной свободы участников правоотношений. Свободное, основанное на общечеловеческих нравственных идеалах добра и справедливости, а не принуждаемое воплощение в жизнь прав, свобод и обязанностей людей обеспечивает демократический образ жизни, реальную демократию, характеризует цивилизованное общество как общество правопорядка.

Представляется, что реализация такого подхода позволит, выражаясь словами Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, «видеть нашу Россию уже в близком будущем передовой, прогрессивной и удобной для жизни страной, процветающим и основанном на справедливых законах сообществом свободных людей»².

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МОТИВОВ, РОЛИ И ВИНЫ ОБВИНЯЕМЫХ В РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ О ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Костина Л.Н.,

к.психол.н., доцент, начальник кафедры
уголовного права, криминологии
и психологии Орловского юридического
института МВД России

Успешность расследования дел о групповых преступлениях несовершеннолетних зависит

¹ См.: Гойман В.И. Действие права. М., 2002. С. 49-57.

² Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г.// Российская газета. № 49, 6 ноября 2008

от знаний и учета следователем психологии преступных групп несовершеннолетних, социально-психологических закономерностей и механизмов их формирования и сплочения, механизмов влияния группы на ее членов, соучастников преступления друга на друга. На это указывали ученые В.М. Быков, Г.М. Миньковский, Л.Л. Каневский, А.П. Онучин и др.¹. Акцентируя внимание на этом, А.Р. Ратинов отмечал: «Выявленные социально-психологические параметры преступных групп, типичные структуры таких формирований имеют важное значение для разоблачения замаскированных звеньев при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел о групповых преступлениях»².

Одна из важных характеристик преступной группы заключается в том, что ее несовершеннолетние члены объединены совместной преступной деятельностью, которая определяет специфическую психологию, взаимоотношения между ее членами, субкультуру. Этот признак раскрывает суть преступной группы, ее объективный показатель. Чувство ответственности друг перед другом и группой, подсознательная боязнь личной ответственности за содеянное группой, нахождение и участие в групповой преступной деятельности различны. Совместное преступное деятельное участие является двигателем, который обеспечивает развитие преступной группы.

В психологическом механизме преступного поведения логически связаны между собой потребности, мотивы, цель, способ и результат групповых преступных действий. При совершении группового преступления принятие несовершеннолетними преступной цели является центральным звеном данного механизма. Эта цель возникает у субъекта (-ов) вследствие личностной и (или) групповой приемлемости преступного способа удовлетворения потребности или разрешения проблемной ситуации. Как отмечал К.Е. Игошев, «сознательное или бессознательное подчинение ее членов общей преступной цели» есть основная черта преступной группы несовершеннолетних³.

Необходимость же принятия цели предопределяется побуждением – мотивом. Мотив отражает то, ради чего субъект совершает действия (например, удовлетворить некоторую потребность), в то время цель предопределяет способ и непосредственный результат действий (например, «заработать» деньги от продажи украденного для удовлетворения потребности в алкоголе, или «украсть деньги, чтобы накопить на мобильный телефон», и пр.). Поэтому мотив преступления следует искать не только в ситуации его совершения, но чаще всего за пределами криминальной ситуации. После того, как выявлена цель преступления, должен быть поставлен вопрос, ради чего обвиняемый стремился к достижению цели⁴.

Как отмечают отечественные криминологи и психологи (К.Е. Игошев, Н.И. Гуковская, А.И. Долгова, Л.Л. Каневский, Г.М. Миньковский, В.Ф. Пирожков и др.), для подростков характерно большое разнообразие мотивов групповых преступлений, чем для взрослых: мотив подражания и престижа; самоутверждения и утверждения в глазах друзей, повышение авторитета в группе, чтобы закрепиться в ней; корыстные побуждения; детский анархизм, легкомыслие, игровой мотив и пр.⁵. Это подтверждается и результатами бесед с несовершеннолетними

¹ См., например: Быков В.М. Криминалистическая характеристика преступных групп. Ташкент, 1986; Каневский Л.Л. Организация и методика расследования дел о преступлениях несовершеннолетних: Учебное пособие / Л.Л. Каневский, И.М. Лузгин, Г.М. Миньковский. М., 1982; Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск, 1991 и др.

² Ратинов А.Р. Юридическая психология и проблемы борьбы с преступностью // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 38. М., 1983. С. 46.

³ Игошев К.Е. Психология преступных проявлений среди молодежи: Учебное пособие. М., 1971. С. 107.

⁴ См.: Коченов М.М. Изучение следователем психологии обвиняемого: Методическое пособие / М.М. Коченов, Н.И. Ефимова, О.Д. Ситковская. М., 1987. С. 6, 26.

⁵ См. в частности: Гуковская Н.И. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних / Н.И. Гуковская, А.И. Долгова, Г.М. Миньковский. М., 1974. С. 10-16; Игошев К.Е. Психология преступных проявлений среди молодежи: Учебное пособие. М., 1971. С. 84-85; 111-112; Печерникова Т.П. К вопросу о мотивации противоправных поступков у психопатических личностей / Т.П. Печерникова, Б.В. Шостакович, В.В. Гульдман // Судебно-психологическая экспертиза. 1983. Вып. 31. С. 9-17; Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск, 1991. С. 103; Криминальная мотивация. М., 1986. С. 146-157; Пирожков

осужденными, которые ответили на вопрос «Каковы были цели и мотивы групповых преступлений, ради чего они совершались?» следующим образом (см.: таблицу 1).

Таблица 1. Цели и мотивы групповых краж, грабежей и разбоев, указанные несовершеннолетними осужденными

<i>Ответы на вопрос о целях и мотивах групповых преступлений</i>	<i>Кол-во осужден. (в %)</i>	
	<i>совершивших кражи</i>	<i>совершивших грабежи, разбои</i>
Нужны были деньги для приобретения чего-либо, материальные затруднения	56,7	46,7
Были в состоянии алкогольного опьянения	30	56,7
Желание завоевать или повысить авторитет в группе	13,3	16,7
Желание самоутвердиться	-	13,3
Желание доказать, на что я способен	3,3	10
Вошли в азарт	13,3	3,3
Наркотики	-	6,7
Не знаю	16,7	10

Групповая преступная деятельность определяет *специфические взаимоотношения* между членами группы, которые строятся в соответствии с принятыми нормами, правилами поведения, традициями и пр. Значительная часть несовершеннолетних осужденных (83,3 % из числа совершивших групповые кражи и 63,3 % совершивших грабежи и разбои) отметили, что они «находились в дружеских отношениях»; соответственно 16,7 % и 40 % осужденных указали на доверительные отношения. В группах корыстно-насильственной направленности в силу их «повышенной эмоциональной импульсивности, низком самоконтроле»¹ в два раза чаще возникали конфликты (46,7 %), чем в группах корыстной направленности (26,7 %). Последние возникали из-за противоречий или неприязни среди отдельных членов группы, на почве пьянства, а также противоборства за лидерство и большую долю доходов. В значительной степени такое положение вещей связано с реальным опытом жизни лиц, подозреваемых и осужденных за корыстно-насильственные преступления. Многие из осужденных за корыстно-насильственные преступления (73,3 %) отмечали в беседе, что во время следствия их друзья «предали». Для подозреваемых и осужденных за групповые корыстно-насильственные и корыстные преступления характерна низкая оценка «друзей» и средняя оценка «людей», так как, по их мнению, они готовы «подтолкнуть падающего», обмануть, предать и пр.

В соответствии со ст. 61 УК РФ сам факт совершения преступления несовершеннолетними в составе группы обязывает следователя тщательно исследовать мотивы, цели преступления, данные о личности каждого несовершеннолетнего обвиняемого как обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Результаты исследования показывают, что в обвинительных заключениях уголовных дел следователи указывают чаще цели, чем мотивы групповых преступлений несовершеннолетних (см.: Таблицу 2).

Практически во всех обвинительных заключениях отмечается хищение как цель групповых преступлений: краж – в 87,3 % случаев, грабежей – 82 % и разбоев – 100 %. Значительно реже указываются мотивы групповых преступлений: в материалах о кражах – 18,1 %, грабежах – 16,4 %; разбоях – 37,9 %. Полагаем, что следователи, указывая в обвинительном заключении лишь цель – хищение ..., одновременно подчеркивают наличие корыстного мотива. Несмотря на различие криминальной направленности групп и особенности психологии несовершеннолетних участников преступных групп, все указанные цели и мотивы только корыстные.

В.Ф. Криминальная психология. М., 2001. С. 22; Кон И.С. Психология старшеклассника. М., 1980. С. 76-77 и др.

¹ Семке В.Я. Пенитенциарная психопатология: Руководство в 2-х т. / В.Я. Семке, С.И. Гусев, Г.М. Снегирева. Москва-Томск-Кемерово, 2007. С. 565.

Таблица 2. Цели и мотивы преступлений, указываемые следователями в обвинительных заключениях по уголовным делам о групповых преступлениях несовершеннолетних

Указанные в материалах дела	Количество уголовных дел (в %)		
	О групповых кражах	О групповых грабежах	О групповых разбойных нападениях
Цели:	- с целью хищения (кражи) имущества – 8,9 - умысел на совершение тайного хищения имущества, документов и пр. – 9,6 - решили совершить кражу или кто-то предложил совершить кражу – 27,8 - вступили в сговор, направленный на совершение хищений – 41,1	- в целях открытого хищения имущества – 69,7 - имея умысел на завладение имущества – 12,3	- с целью внезапного вознижновения умысла на хищение денег – 22,1 - с целью завладения имущества – 11,6 - в целях хищения имущества – 66,3
Мотивы:	- из корыстных побуждений – 14,4 - из-за стремления к личному обогащению, жажды наживы – 3,7	- из корыстных побуждений – 6,6 - стремление к обогащению – 9,8	- из-за стремления к обогащению – 11,6 - имея умысел на незаконное обогащение – 26,3

Анализ психологической стороны противоправных действий, психологических особенностей обвиняемых, характера взаимоотношений обвиняемых в группе позволяет установить и другие мотивы преступлений. Так, в уголовном деле¹ о грабеже (2 эпизода), совершенном двумя подростками, Б. (15 лет) и Д. (14 лет), состоявшими на учете в ПДН за неоднократное участие в кражах, отмечается: «...находясь в состоянии алкогольного опьянения, они подошли к несовершеннолетнему и потребовали под физической угрозой снять футболку, затем часы, отобрали велосипед. ... Через три дня, находясь в состоянии алкогольного опьянения, подошли к двум подросткам. Применив физическую силу, заставили подростков снять кроссовки и футболки, а затем забрали эти вещи».

Согласно предоставленным характеристикам Б. проявляет склонность к бродяжничеству, воровству, эмоционально несдержанный, создает конфликтные ситуации, часто применяет физическую силу в отношении к слабым и младшим и пр. Второй обвиняемый Д. из школьной характеристики и данных из ПДН характеризуется следующим образом: «Со сверстниками ведет себя в повелительном тоне, вспыльчив, бродяжничает с 10 лет, совершил побег из спецучреждения (ПТУ), употребляет спиртные напитки и «чифирит»». Ранее он дважды в составе групп совершал преступления - угон мотоцикла и кражу продуктов из киоска. Согласно заключению комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы Д. проявляет пренебрежение к социально одобряемым формам поведения, легковесность суждений и пр. На следствии Д. заявил, что «деньги от продажи вещей пропили».

Оба подростка из неблагополучных семей (отцы злоупотребляют алкоголем, родители не занимаются воспитанием). Судя по образу жизни, у подозреваемых сформировались устойчивые корыстные мотивы (у каждого имелся опыт совершенных краж, а у подростка Д. – групповой преступный опыт), связанные с деформацией потребностей, ценностей и отношений. Несовершеннолетние пренебрегают социальными нормами поведения, стремятся проводить свободное время в свое удовольствие, употребляют алкоголь. В представленных характеристиках речь идет об устойчивых мотивах самоутверждения среди младших и слабых (потерпевшие были младше их по возрасту). Кроме того, оба подозреваемых обладают эмоциональной неустойчивостью, импульсивностью. Агрессивность, проявленную несовершеннолетними подозреваемыми в отношении к младшим потерпевшим, можно рассматривать как результат фрустрации, как следствие научения и (или) подражания. В обвинительном заключении по данному

¹ Архив Орловского районного суда г. Орла. Уголовное дело № 1-552-99.

уголовному делу следователь отметил лишь следующее: «Вступив в сговор..., с целью совершения открытого хищения чужого имущества...».

Таким образом, проведенное исследование показывает, что следователи ограничиваются в процессе доказывания лишь корыстными мотивами и целями, недооценивают роль установления других мотивов несовершеннолетних соучастников группового преступления в процессе доказывания, устанавливают мотивы преступления в отрыве от наиболее устойчивых мотивов поведения обвиняемого. Возникающие психологические сложности по поводу выяснения других мотивов совершения несовершеннолетними групповых преступлений (особенно грабежей и разбойных нападений) следователи не разрешают при помощи экспертного исследования.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ В РАКУРСЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

Красникова И.А.,
студентка 3 курса Курского филиала
Орловского юридического института
МВД России

Научный руководитель:
Клаверова Л.А.,
преподаватель кафедры ОГ и СЭД
Курского филиала Орловского
юридического института МВД России

Сегодня Россия стоит на важном этапе своего исторического развития. В настоящее время в нашей стране наблюдается тенденция к построению правового государства, гражданского общества. Но стоит заметить, что построение правового государства невозможно без наличия основ правового сознания, правовой культуры в обществе. И особое внимание необходимо уделить формированию правовой культуры среди современной молодежи, поскольку, как известно, за молодежью стоит будущее любого государства.

Таким образом, рассматриваемый доклад посвящен проблеме правовой культуры современной российской молодежи. В докладе была сделана попытка проанализировать понятие и структуру правовой культуры, осветить сегодняшнее состояние правового сознания молодежи, поведенческие аспекты правовой культуры молодежи, отношение молодых людей к существующей правовой системе России и факторы, препятствующие реализации прав подростков¹.

Принято считать, что понятие правовой культуры подразумевает совокупность знаний, ценностей и установок личности относительно прав и возможностей их практического осуществления, реализуемых в процессе взаимодействия субъектов правовых отношений. Правовая культура – это сложный комплекс явлений общественных отношений, которые включают в себя правовые нормы, принципы, правосознание, правоотношения, правовое поведение в процессе реализации жизненных установок

Настоящим законодательством подросткам, как категории молодых людей, имеющим особый правовой статус, предоставлен спектр прав и гарантий: право на образование, право на участие в культурной жизни, право на участие в научном прогрессе и так далее, гарантии в первые годы самостоятельной работы, регламентации труда, защиты чести и достоинства и другие.

¹ Термин «подростки» применим к рассматриваемой возрастной группе, так как в настоящее время в отечественной и западной социологии, педагогике, психологии, демографии отсутствует единый методологический подход к возрастной периодизации. С учетом законодательно закрепленных периодов дееспособности несовершеннолетних в данной возрастной группе подростков выделяются 12-13-летние (малолетние) и 14-18-летние (частично дееспособные).

Для периода, в настоящее время переживаемого Россией, характерно влияние социально-политических преобразований на правовые отношения и состояние правовой культуры молодежи.

Закрепление прав и обязанностей в сознании личности образует сущностный элемент правовой культуры. На качество правового сознания общества в целом оказывают влияние социально-политические процессы, как раз и происходящие в этом обществе, а уже правовые основы, доминирующие в данном обществе, влияют на формирование правового сознания каждой отдельной личности. Практически правосознание включает в себя следующие элементы: правовое образование – уровень знаний в области права; ценности – одобренные обществом представления о высших правовых принципах, нормах, соблюдение которых обязательно; установки – состояние готовности к совершению действия в правовом пространстве определенным способом.

По данным исследования, проведенного Отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2003 и в 2005 гг., большинству (примерно 90 %) подростков в разной степени известно об особом юридическом статусе лиц несовершеннолетнего возраста; 11,6 % российских подростков не знают о социальном статусе, закрепляющем их социально-экономические и социокультурные права. Что касается осведомленности относительно прав, закрепленных в Конституции РФ (право на образование, право участвовать в научном прогрессе, право участвовать в культурной жизни и др.), то отмечены следующие показатели: 1) меньше выражена степень информированности об экономических правах (25,7 %) и праве участвовать в научном прогрессе (12,6 %), так как учащиеся и студенты, как правило, не включены в экономические отношения, а блага научного прогресса воспринимаются ими как должное; 2) третью позицию занимает у молодых российских граждан информированность в таком очевидном для современной молодежи праве, как свободное участие в культурной жизни (37,2 %); 3) вместе с тем подростки хорошо знакомы с правом на информацию (48,9 %), включая свободу убеждений и выражения их; 4) с правом на образование знакомы 30,6 респондентов, этот факт можно объяснить затянувшимся и не всегда последовательным реформированием системы образования в России, которое не дает возможности подросткам свободно ориентироваться в своих правах в данной сфере.

Что касается поведенческих аспектов правовой культуры, то значимую роль здесь играют ценности в качестве регулятора правовых отношений.

В соответствии с результатами исследования, в большинстве случаев для достижения своих целей подростки используют соображения взаимной выгоды (3,94 %). Здесь оставлен социально-психологический отпечаток складывающихся и развивающихся в постсоветском обществе рыночных отношений. Преследование собственных целей занимает второе ранговое место в понимании подростками наиболее предпочтительных путей достижения жизненного успеха в отношениях с другими людьми, в чем видны современные индивидуалистические установки, распространенные в обществе (3,77 %). Рассмотренные принципы показывают связь правового поведения подростков с социально-политическими реформами государства.

Свое отношение к существующей правовой системе в обыденной жизни молодежь формирует на основе собственного чувства защищенности. Сегодня наблюдается наличие у молодежи негативной установки относительно правовой защищенности.

Наиболее защищенными молодые люди чувствуют себя в отношениях с родителями (49,9 %), сверстниками (23 %), учителями (22,3 %). Наименьшую защищенность со стороны Закона подростки ощущают в отношениях с посторонними взрослыми (17,1 %), милицией (14,6 %).

Из сказанного можно сделать вывод, что ограничивает возможность реализации молодежью своих прав несовершенство правовой системы и ее функционирования, низкий уровень правосознания молодежи. Тем не менее в формировании правовой культуры российской молодежи прослеживаются тенденции либерализации правового сознания и поведения (высокий уровень информированности о конституционных правах).

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Красуля Ю.Ю.,

курсант 2 курса Курского филиала
Орловского юридического института
МВД России

В современной социологии социальная адаптация в большинстве случаев понимается как такой социальный процесс, в котором и адаптант (личность, социальная группа), и социальная среда являются адаптивно-адаптирующими системами, то есть активно взаимодействуют, оказывают активное воздействие друг на друга в процессе социальной адаптации.

Непосредственным толчком к началу процесса социальной адаптации чаще всего становится осознание личностью или социальной группой того факта, что усвоенные в предыдущей социальной деятельности стереотипы поведения перестают обеспечивать достижение успеха и актуальной становится перестройка поведения в соответствии с требованиями новых социальных условий или новой для адаптанта социальной среды¹.

В общем виде чаще всего выделяется четыре стадии адаптации личности в новой для нее социальной среде:

- 1) начальная стадия, когда индивид или группа осознают, как они должны вести себя в новой для них социальной среде, но еще не готовы признать и принять систему ценностей новой среды и стремятся придерживаться прежней системы ценностей;
- 2) стадия терпимости, когда индивид, группа и новая среда проявляют взаимную терпимость к системам ценностей и образцам поведения друг друга;
- 3) аккомодация, т.е. признание и принятие индивидом основных элементов системы ценностей новой среды при одновременном признании некоторых ценностей индивида, группы новой социальной средой;
- 4) ассимиляция, т.е. полное совпадение систем ценностей индивида, группы и среды.

Интенсивность адаптационных процессов в обществе существенным образом зависит от того, какую стадию в своем развитии оно переживает. Во времена серьезных социальных изменений, а тем более социальных катаклизмов адаптационные процессы приобретают особую интенсивность и захватывают практически все слои общества. На примере постсоветского общества хорошо видно, что проблему адаптации к новым социальным условиям, определения и утверждения новой своей позиции в обществе приходится решать практически каждому человеку, и не всегда этот процесс протекает одинаково успешно².

Помимо этого следует отметить, что, по мере ускорения общественного развития, ускоряется и интенсивность адаптационных процессов в обществе в целом. Это приводит к тому, что процессы социальной адаптации даже в эволюционно развивающемся обществе становятся практически непрерывными и умение адаптироваться к изменениям приобретает жизненно важное значение не только для молодых, но и для старших поколений. Готовность к переменам становится одним из главных условий жизненного успеха человека.

В результате в современном обществе значительно повышается роль целенаправленной деятельности государства и общественных организаций, роль образования и прикладной науки в осуществлении процессов социальной адаптации.

Особое внимание общество через систему институтов и целевых программ уделяет воздействию процессам социальной адаптации тех своих членов, чьи возможности адаптироваться к изменениям самостоятельно ограничены. Так, во многих странах разрабатываются и реализуются программы по социальной адаптации инвалидов, уволенных в запас военнослужащих - в случае массовых сокращений армии, мигрантов, выходящих на свободу заключенных и т.д. Не меньшее значение в современном переходном обществе придается программам содействия социальной адаптации молодежи³.

¹ Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. М., 1999, С. 187-190.

² Корнилов А.П. Саморегуляция человека в условиях социального перелома. // Вопросы психологии, 2005, № 5, С. 69-89.

³ Ротенберг В.С. Поисковая активность и адаптация / В.С. Ротенберг, В.В. Аршавский. М., 2003, С. 54-56.

Следует различать адаптацию как процесс и адаптированность как результат, итог процесса социальной адаптации. Существуют субъективные и объективные критерии адаптированности. Объективные - степень реализации индивидом норм и правил жизнедеятельности, принятых в данной социальной группе. Субъективные - удовлетворенность членством в данной социальной группе, предоставляемыми условиями для удовлетворения и развития основных социальных потребностей.

В качестве непосредственной социальной среды могут выступать различные социальные группы, такие как семья, производственный коллектив, соседи по дому и т.д. Роль социальной адаптации состоит в том, что она позволяет включить личность в процессы, протекающие в непосредственной социальной среде, и в то же время является одним из средств изменения личности и среды.

Вся сложность процесса социальной адаптации может быть хорошо проиллюстрирована на примере *адаптации* новых работников на предприятиях, которая наиболее широко исследуется в современной прикладной социологии и *социальной* психологии, что обусловлено, в свою очередь, практической значимостью проблемы для экономической эффективности деятельности предприятий.

В процессе адаптации организация и личность вступают во взаимодействие как сложные системы. Так, например, на успешность адаптационного процесса существенное влияние оказывают такие характеристики предприятия, как его материально-техническая оснащенность, тип и уровень организации труда, характер внутриколлективных отношений и корпоративная культура, система и уровень оплаты труда. Предприятие через эти свои характеристики предъявляет потенциальному работнику свои требования и одновременно свои преимущества по сравнению с другими участниками рынка труда.

Со стороны индивида на успешность производственной *адаптации* влияние оказывают как психофизиологические особенности, так и социально-демографические характеристики личности. Безусловно, наиболее важны для успешной производственной адаптации профессиональная подготовка индивида, умение работать в группе.

Социальная адаптация на предприятии представляет собой единство нескольких адаптационных процессов. В литературе чаще всего выделяют следующие из них: профессиональную адаптацию, социально-психологическую адаптацию и адаптацию к условиям труда. Профессиональная адаптация предусматривает выбор профессии, обучение специальности, а также вхождение в профессию с момента начала работы по специальности. Критерием профессиональной адаптированности является достижение индивидом соответствия профессиональных навыков, личностных качеств требованиям конкретной профессиональной деятельности. Показателями профессиональной адаптированности являются профессиональная квалификация, уровень и стабильность производственных показателей, удовлетворенность профессией.

Социально-психологическая адаптация - процесс вхождения новичка в новый для него производственный коллектив, формирования личностных связей и отношений с другими людьми. В процессе социально-психологической адаптации происходит активное сравнение и взаимоприспособление ценностных ориентаций, нравственных идеалов и представлений коллектива и нового работника. Социально-психологическая адаптация выражается в формировании положительных неформальных отношений с коллегами по работе и руководителями, в достижении ценностного единства работника и коллектива. Основным объективным показателем социально-психологической адаптированности является отсутствие конфликтов с руководством и членами коллектива.

Субъективным показателем социально-психологической адаптированности выступает удовлетворенность отношениями с руководителями и коллегами по работе.

Важным аспектом социальной адаптации является принятие индивидом определенной социальной роли. Можно говорить о двух формах социально-психологической адаптации: активной, когда индивид стремится воздействовать на среду с тем, чтобы вызвать реакцию изменения (в том числе тех норм, ценностей, форм взаимодействия и деятельности, которые он должен освоить), и пассивной, конформной, когда он не стремится к такому воздействию и изменению. Эффективность социально-психологической адаптации в значительной степени зависит от того, насколько адекватно индивид воспринимает себя и свои социальные связи. Искан-

женное или недостаточно развитое представление о себе ведет к нарушениям социальной адаптации, крайним выражением которых служит аутизм¹.

Показателями успешной социальной адаптации являются высокий социальный статус индивида в данной среде, а также его психологическая удовлетворенность этой средой в целом и ее наиболее важными для него элементами (например, удовлетворенность работой и ее условиями, ее содержанием, вознаграждением, организацией). Показателями низкой социальной адаптации являются стремление индивида к перемещению в другую социальную среду (текучесть кадров, миграция, разводы), аномия и отклоняющееся поведение. Успешность социальной адаптации зависит от характеристик как самого индивида, так и среды. Чем сложнее новая среда (например, шире спектр социальных связей, сложнее совместная деятельность, выше уровень социальной неоднородности), чем интенсивнее в ней происходят изменения, тем более трудным для индивида оказывается процесс социальной адаптации. В большой степени значимыми для социальной адаптации являются социально-демографические характеристики индивида - образование и возраст².

Проблема занятости населения стала одной из острейших социальных проблем, с которыми столкнулось человечество в XX веке. Безработица несет с собой не только бедность значительным слоям населения, но и духовную, моральную, нравственную деградацию людей. Поэтому решение проблемы занятости населения стоит в числе наиважнейших, первоочередных задач в любой цивилизованной стране.

В Российской Федерации конституционно гарантирована добровольность труда, при которой гражданин вправе как работать, так и не работать, выбирать ритм труда, его объем и нагрузку. С крушением административно-командной системы управления наряду с другими рынками появляется и рынок труда, на котором происходит купля-продажа рабочей силы. Рынок труда представляет собой систему социально-экономических отношений между работниками и предпринимателями по поводу включения первых в процесс общественного производства через механизм спроса и предложения. При этом должны функционировать важнейшие компоненты рынка труда: свобода предпринимателей (ограниченная лишь законом) в найме работника; свобода граждан в продаже своей рабочей силы и оплаты в соответствии с ее квалификацией. В то же время свобода продажи рабочей силы не может быть обеспечена без гарантий свободы передвижения, выбора места и сферы приложения труда.

Важной характеристикой современного общества является его социальная поляризация, расслоение на бедных и богатых. За время реформ произошли значительные изменения в относительных уровнях оплаты труда. Увеличивается разброс в величине заработной платы как между секторами экономики, так и внутри них. Идет активный процесс перераспределения труда и капитала в более эффективные секторы экономики. Одни работники выигрывают от повышения заработной платы, а уровень жизни других резко падает.

Таким образом, происходит дальнейшее углубление социальной дифференциации, увеличивается имущественное расслоение, приобретая поляризационный характер и деля общество на бедных и богатых. Информационные процессы ещё более усугубляют социальное неравенство, увеличивая и без того значительную долю неимущих и малообеспеченных, ухудшая их бедственное положение. Неимущий и малообеспеченный слой работающих составляют в основном специалисты, рабочие и служащие. С ростом должностного статуса растёт и уровень материального благосостояния, ядро состоятельного слоя составляют руководители разного уровня.

¹ Гусев, Г.А. Социальная адаптация и педагогическая реабилитация несовершеннолетних. М., 2003. С. 96-97.

² Коржова Е.Ю. Жизненные ситуации и стратегии поведения. / Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 2007, С. 75-88.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ОВД

Лысенко Е.С.

преподаватель кафедры гражданско-
правовых дисциплин Уфимского
юридического института МВД России

Под социальной защитой понимается система гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер, реализуемая путем деятельности соответствующих органов и граждан, уполномоченных государством на создание надлежащих условий, обеспечивающих материальную и иную поддержку в установленных законом случаях, с целью обеспечения достойной жизни и свободного развития граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Категория «социальная защита» должна, на мой взгляд, включать в себя весь комплекс мер как охранительного, так и правозащитного характера. Тем самым в сфере социальной защиты меры охраны и меры защиты, традиционно рассматриваемые в юридической науке как самостоятельные категории¹, отождествляются. Это связано с тем, что социальная защита должна осуществляться не только тогда, когда гражданин попал в категорию граждан, имеющих право на социальную защиту, но и в случае заинтересованности государства в проведении превентивной работы, направленной на снижение категорий граждан, которые нуждаются в социальной помощи.

К особой категории граждан, нуждающихся в социальной защите, относятся сотрудники органов внутренних дел. Сознательно выделяя данную категорию граждан в «особую», я имею в виду то, что социальная защищенность сотрудников ОВД напрямую связана с интересами государства и общества и поэтому их служебная деятельность обусловлена рядом ограничений.

Сотрудники ОВД в ряде случаев ограничиваются в гражданских, личных, политических и социально-экономических правах. Учитывая особый характер служебной деятельности, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации», иные федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, принятые в пределах предоставленных полномочий нормативные правовые акты правоохранительных органов предусматривают такую возможность ограничения некоторых прав в отношении сотрудников ОВД. Именно по этим причинам государство устанавливает для сотрудников ОВД наряду с различными моральными стимулами целый комплекс стимулов материального характера. Льготы сотрудников ОВД, предусмотренные российскими законами, не преследуют цель поставить их в какие-то привилегированные условия. Главным назначением моральных и материальных стимулов является повышение эффективности деятельности сотрудников ОВД, а также компенсация издержек, обусловленных ограничением прав и свобод человека и гражданина, в отношении служащего правоохранительной службы.

Между тем социальная защищенность данной категории граждан хотя и имеет тенденцию к улучшению, но всё же на современном этапе имеет довольно низкий уровень.

Анализ кадровой ситуации в органах внутренних дел свидетельствует о высокой текущей кадрах: доля сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел менее трех лет, составила в 2006 году 26 %. Наиболее серьезная обстановка сложилась в основных службах: в уголовном розыске сотрудники, проходящие службу менее трех лет, составляют 49,3 %, в следственных аппаратах - 44,1 %, в службе участковых инспекторов - 52,7 %, в подразделениях

¹ См., например: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 130; Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 203; Ведяхин В.М., Защита прав как правовая категория / В.М. Ведяхин, Т.Б. Шубина // Правоведение. 1998. № 1. С. 67-79 и др.

БЭП - 50,9 %¹. Отток наиболее квалифицированных кадров приводит к осязаемому размыванию профессионального кадрового ядра, ухудшению морально-психологического состояния кадров, снижению престижа службы в органах внутренних дел и боеготовности в целом.

Такое положение напрямую связано с недостаточной социальной защитой личного состава, крайне неэффективной практикой реализации социальных гарантий, которая, в свою очередь, обусловлена отсутствием четкого механизма защиты данной категории граждан и несовершенством законодательства, закрепляющего гарантии социальной защиты сотрудников органов внутренних дел.

О низком уровне социальной защиты свидетельствуют и данные социологического опроса сотрудников, проведенного автором. Из 490 респондентов 67 % сотрудников оценили реальное состояние своей социальной защиты как неудовлетворительное, 26 % — как удовлетворительное и лишь 7 % респондентов высоко оценили состояние своей социальной защиты.

Следует констатировать, что право сотрудников органов внутренних дел на обеспечение жильем реализуется достаточно слабо. В целом по стране на учете в качестве нуждающихся в получении жилья состоят более 20 тысяч сотрудников органов внутренних дел, из них более 10 тысяч сотрудников, имеющих безусловное преимущественное право на получение жилья, — это участковые уполномоченные милиции, инвалиды и участники боевых действий в регионах Северного Кавказа, заслуженные работники МВД России. В среднем по России не удовлетворены своими жилищными условиями 84% сотрудников, при этом не удовлетворены полностью — 58%, удовлетворены частично — 26%. Данная ситуация объясняется обстоятельствами не только правового, но, в первую очередь, экономического характера.

В этой связи большое значение приобретают факты недостаточного финансирования деятельности сотрудников органов внутренних дел.

За честную службу сотрудник милиции получает из казны зарплату, на которую при постоянно растущих ценах день ото дня все труднее сводить концы с концами. А за нечестную — имеет от лиц, стремящихся любыми путями обойти закон, такую «подпитку», что зарплату можно отдать детям на мороженое².

В связи с этим приоритетной задачей в настоящее время является совершенствование социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел как составной части социальной защиты личности в Российской Федерации.

В совокупности эти факторы приводят к тому, что человеку, решившему посвятить себя защите прав и законных интересов личности, неимоверно тяжело справляться со всей массой нарушений этих прав и свобод, порой смотреть «сквозь пальцы» на менее тяжкие преступления для того, чтобы предупредить совершение более тяжких либо раскрыть их.

Соблюдение принципа законности в деятельности органов внутренних дел подразумевает недопущение проявлений предвзятости, тенденциозного подхода при проведении дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства, волокиты, черствости, безразличия к судьбе людей, полного исключения случаев необоснованных задержаний и арестов, незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности и освобождения от нее.

Таким образом, здесь сам напрашивается вывод о том, социальная защита сотрудников ОВД — это необходимость. Причем её необходимость вызвана тем, что её отсутствие либо недостаточность, прежде всего, влияет на эффективность работы органов внутренних дел.

Также огромное значение данного фактора прослеживается на законность действий органов внутренних дел. Не вызывает сомнения, что в современном обществе у «служителя закона» не может вызывать хотя бы раздражение то, что государство и общество, интересы которого оно защищает, не проявляет к нему должной заботы и внимания.

Поэтому, на наш взгляд, для укрепления правопорядка, законности, эффективности деятельности органов внутренних дел, беспристрастности его сотрудников при принятии решений,

¹ См.: Состояние работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2005 год. М.: ДКО МВД РФ. 2006. С. 45.

² Колмаков В.А. О коррупции, службе и законе // Российское государство и углубление реформ в контексте внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18 - 20 апреля 2001 г.). Выпуск 1. Калуга, 2001. С. 488.

прежде всего, необходимо развивать стойкую структуру социальной поддержки сотрудников ОВД.

ПРИНЦИПЫ РОССИЙСКОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И НЕУТРАЧЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Макуев Р.Х.,

доктор юридич. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Конституция Российской Федерации 1993 года является Основным законом новой России. Она сохраняет в своем содержании логику развития не только демократической практики конституционной монархии и Февральской революции, но и советского периода развития России, ибо логика динамизма развития включает в ее содержание конституционную практику и монархии, и Февральской революции, и советского периода.

В этом убеждаемся даже при фрагментарном ознакомлении с историей подготовки и принятия действующей Конституции. Проект был разработан Конституционным совещанием, работавшим в период с 29 апреля по 10 ноября 1993 года. До него, надо вспомнить, был и еще один этап подготовки проекта Конституции, и политический кризис октября 1993 года, который мог обернуться гражданской войной. Эти обстоятельства и приблизили дату ее принятия. Появление Конституции Российской Федерации ознаменовало поворотную веху не только в истории российского общества и государства, но и мирового сообщества.

Каждый принцип правового государства в Конституции Российской Федерации получает нормативное закрепление. Достаточно обратиться к ст.1 Конституции РФ, чтобы получить конституционное подтверждение юридической природы российского правового государства, логически распространяющееся и на его принципы, подтверждаемые в соответствующих статьях.

Научные вопросы принципов правового государства и условий его генезиса и эволюции на современном этапе – это вопросы практики и стратегии перехода от демократического государства к более совершенной его форме – правовому государству. В таком представлении о нем, какое сегодня есть, т.е. исключая попытки его нового прочтения¹.

Теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение верховенства права², как уже отмечалось, имеет историю в несколько тысячелетий. Проведенный нами анализ принципов правового государства убедительно доказывает конституционный характер юридической природы российского правового государства, благодаря чему она не поддается деформации вызовам глобализации. Следует только добавить, что правовому государству, кроме рассмотренных собственных, т.е. персонифицированных, присущи, разумеется, и принципы, изначально характерные государству.

Наверное, уместно напомнить тем, кто по разным причинам все еще не в состоянии избавиться от болезненной мании пересмотра Конституции, значение человеческого фактора. Если до 2000г., вопреки Конституции, мы были страной «кризисной» экономики и «безвольного» государства, то после 2000г., опираясь на эту же Конституцию, новому Президенту удалось ее преобразить в страну восходящей надежды. Так что не отдельные несовершенства Конституции, которые, конечно, тоже имеют место быть, мешают нам быть успешными, а недостатки иного рода, которых, к сожалению, предостаточно.

Разделяя точку зрения о том, что «право – для человека», а не человек для права³, хотелось бы вместе с тем напомнить, что право – это система, для которой характерны определенные закономерности и свои законы развития, которые нами изучены только на уровне принци-

¹ Макуев Р.Х. Глобализация и человеческий фактор в эволюции российского правового государства. Орел: ОАГС, 2007. С. 135-150.

² Общество, личность и государство. СПб., 1901. С. 12; Нерсисянц В. Право и закон. Из истории правовых учений. М., 1983.

³ Зорькин В.Д. Право – для человека // Российская газета. 25 ноября 2008.

пов. Образно выражаясь, право значительно сложнее скакуна, которого должен оседлать человек. Первого можно заменить, если последнему не удастся его приручить, заставить служить себе. С правом так вольно поступать не дано. Какие-либо кардинальные изменения в Конституции допустимы лишь тогда, когда какие-то ее нормы стали явно сдерживать, тормозить курс на созидание. При этом они должны быть произведены так, чтобы не смотрелись инородно на сложном организме Конституции. Намного сложнее устроен не только человеческий мир, но и мир права.

Конституция Российской Федерации подтвердила свою политическую, логическую и юридическую состоятельность. Сегодня принцип верховенства Конституции является средоточием центристских сил целостного правового пространства. Задача состоит в том, чтобы его отстаивание стало убеждением и моральной потребностью для каждого человека, независимо от его национального происхождения или религиозного убеждения.

Конституция стала стержнем правовых основ создания и развития в Российской Федерации демократической политической системы, сориентированной на эволюционное развитие, укрепление государственности вопреки преждевременным идеям о несвоевременном «сетевом» государстве (демонтаже иерархии властной вертикали в пользу горизонтальных связей), переустройство государственного аппарата, который, как отметил В.В. Путин на расширенном заседании Госсовета 9 февраля 2008 года, не способен сегодня на позитивные изменения, тем более не мотивирован на динамичное развитие.

Одновременно удалось защитить суверенитет государства, добиться его утверждения на всей территории Российской Федерации в духе ст. 3 и 4 Конституции Российской Федерации. Данный принцип, установленный Версальской системой, которой исполнилось в этом году 360 лет, вопреки ненаучному мнению отдельных господ, не трансформировался и не устарел. Как не одряхлело и само государство, которому по последним данным более 7 тысяч лет. Меняются, как не раз мы подчеркивали, не признаки и принципы государства, а частично его функции, методы и средства осуществления его деятельности. Государство должно иметь суверенитет!

Сегодня мы можем подтвердить, что заложены основы достаточно конструктивной политической системы, способной к функционированию с большей эффективностью и перспективой к развитию. И надо признать, что этим мы обязаны политическому мужеству В.В. Путина, который, преодолевая вздохи и шептание о поджидаемых опасностях, порой с самыми немыслимыми сюжетами, способствовал возникновению и эволюции многопартийной политической системы, обеспечил демократические выборы нового президента.

Политическая власть с 2000 года строго следовала духу и юридическим принципам Конституции при преобразовании экономических отношений, модернизации государственной системы, осуществлении административного реформирования, реализации многоцелевых президентских программ и совершении иных важных созидательных дел. Тем самым подтвердила несостоятельность подозрений, основанных на домыслах о некой опасности сползания к «суперпрезидентской власти» или авторитаризму, а то и к диктатуре личной власти. Не оправдались опасения и обратного порядка о возможном расползании государственной власти и превращении ее в некую ассоциированную аморфную организацию. При демонстрируемой действительной верности высшей власти Конституции последнее просто было невозможным, ибо в ней нет норм, напрямую способных обслужить подобную метаморфозу. Отметая такие подозрения, Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию 5 ноября 2008г., которое, считаю, содержит программу действия не на один год, отметил, что «теперь вопрос не о том, быть или не быть демократии в России, как это было еще совсем недавно, 15 лет назад. Понятно, что быть. Очевидно. С этим никто не спорит. Теперь вопрос: как должна развиваться дальше российская демократия?».

Трагедия в Цхинвале, события вокруг Южной Осетии и Абхазии убедительно подтвердили, что конституционный строй России устойчив, а руководство, следуя своим конституционным обязанностям и принципам международного права, способно и настроено защитить жизненно важные интересы своего государства и собственных граждан. Его решительные действия также помогли европейскому сообществу понять, что слепое следование в фарватере даже самого могущественного государства не отвечает интересам ни их, ни даже самого этого государства – США. Сама идея однополярного мира никогда не имела под собой научной базы, тем более на новой ступени («Третьей волны», по Э.Тэффлеру) процесса глобализации. Да, мир

един и все больше интегрируется, но он и многообразен. Цивилизационные различия не угасают под натиском вызовов глобализации.

Конституция Российской Федерации по своей юридической силе, логике своей структурно-функциональной композиции, правовому, демократическому, социальному содержанию, признанием своим высшим назначением и критерием успех в обеспечении прав и свобод человека (ст. 45 Конституции), его социального комфорта занимает достойное место в современной мировой конституционной теории и практике. По всем общепризнанным критериям, по признанию не только отечественных, но и западных ученых и политиков, несомненно, выдерживает конкуренцию с конституциями ведущих западных государств. По ряду же показателей, например, конституционно-правовой гарантированности (ч.4 ст.3), необратимости приверженности демократии (ст.1, 8, 13, 29, 32, и др.), признания прав и свобод человека высшей ценностью (глава II, ст.18), следования по пути эволюции гражданского общества и построения правового государства (ст.1 ч.1, ст.8, 12 и др.), заметно превосходит их.

Те недостатки, которые имеют место в нашем обществе, не мешает поискать и в нас самих, прежде всего, в нашем правовом нигилизме или идеализме, в обнищавшей правовой культуре, доведших нас до гиперкоррупции, катастрофически угрожающей разрушением государственности и иммунной системы гражданского общества. Есть и иные недостатки, производные от названных. Например, неспособность судебной системы обеспечить эффективную защиту прав человека, олигархическое всевластие, удушающие условия для среднего бизнеса, которые привели к недопустимому, взрывоопасному соотношению (разрыву) между уровнем жизни самых богатых и самых бедных.

Однако все эти бедствия, подчеркнем еще раз, почти ничего общего с Конституцией не имеют. Они живучи вопреки ее таким основополагающим принципам, как народовластие (ст. 3), верховенство Конституции (ч.2. ст.4, ч.1. ст.15), суверенитет и территориальная целостность (ч.3 и 4 ст.4), законность (ч.2. ст.15), равная защита форм собственности (ч.2 ст. 8), многопартийность (ч.3 ст.13) (ч.1 ст.29), отделение религиозных организаций от государства (его светский характер) (ст.14), плюрализм (ч.1 и 2 ст.13 осн.29) и другим.

Сегодня мы с полным основанием можем сказать: жизнь подтвердила, что Конституция Российской Федерации 15 лет назад была разработана конструктивно и на перспективу с учетом ожидаемых испытаний. Она выдержала обвалы кризисов, шторм экономической и финансовой систем, показала свою способность быть надежной и устойчивой правовой основой инновационных поисков в модернизации и реформировании экономической, государственной и муниципальной систем управления. При этом никто не считает ее идеалом совершенства, но признает запас ее прочности.

Впереди сложный путь наращивания экономической, культурной и нравственной мощи нации и ее государства. Для этого необходимо побороть те негативные поползновения, о которых уже упоминалось или остались анонимными. И, прежде всего, речь идет о развитии среднего класса, многократном сокращении разрыва между безумно богатыми и недопустимо бедными. Этому, несомненно, будет способствовать Стратегия развития Российской Федерации Президента Д.А. Медведева и Председателя Правительства В.В. Путина (см. Россия 2020. Главные задачи развития страны), которая нашла подтверждение в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 5 ноября 2008 года.

Преодоление правового нигилизма и обуздание коррупции являются в ней приоритетными направлениями. С учетом их взаимосвязи и введены две параллельные долгосрочные программы, чтобы исключить хлесткие компании там, где должна идти упорная и каждодневная работа. Для дальнейшего решения задач на пути созидания и успешного восхождения России к своему расцвету и величию Конституция Российской Федерации имеет самодостаточный политический, правовой, интеллектуальный, и, я бы сказал, человеческий потенциал. «Так что «реформаторский зуд» в отношении Основного закона», как отметил Президент РФ, не только «абсолютно неуместен»¹, но и вреден. И еще, как наказывал патриарх Алексий II, человеку нельзя унывать, надо быть оптимистом, с «какими бы горестями и трудностями ему не прихо-

¹ Послание Президента России Д.А Медведева Федеральному Собранию РФ. // Российская газета «Неделя». 6-12 ноября 2008. № 230 (4787).

дилось сталкиваться». Ему надо научиться жить по нашей Конституции, Конституции Российской Федерации.

ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПО ФЕОДАЛЬНОМУ ПРАВУ РОССИИ

Матросов А.А.,

к.ю.н., преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
Орловского юридического института
МВД России

Феодальное право - исторический тип права, соответствующий экономическим и социально-политическим отношениям феодального общества. При всем многообразии исторических и культурно-цивилизационных вариаций феодализма сущность феодальной системы можно свести к особой форме собственности на землю. Земельные собственники были связаны между собой сложной системой иерархических отношений. На нижней ступени иерархии стояли крестьяне, которые владели землей и обязаны были нести повинности в пользу ее другого, вышестоящего владельца - феодала. Тот мог получить землю в свою очередь от феодала более высокого ранга и был также обязан нести в пользу последнего определенную службу. Во главе этой системы стояли феодальные монархи, считавшие себя верховными собственниками всей земли. От них получали и «держали» землю феодалы низших рангов. Таким образом, феодальная собственность расчленялась на «верховную собственность» и владение.

Для большинства феодальных обществ в определенный период их развития было характерно также наличие внеэкономических способов принуждения крестьян к труду (серваж, крепостничество), хотя такое принуждение не является обязательным и универсальным признаком феодальной системы.

Важной отличительной чертой феодального права являлось открытое закрепление юридического неравенства различных категорий населения, что получило выражение в сословной организации общества. В соответствии с принадлежностью человека к тому или иному сословию определялся объем его прав и обязанностей. Для всех феодальных обществ типичны следующие сословия: дворянство, духовенство, городское население и крестьянство. Господствующее положение в феодальной системе занимали дворянство и духовенство. Оба эти сословия пользовались рядом привилегий - владением землей и крепостными, отправлением правосудия, освобождением от налогов, преимущественным по государственной службе, правом на суд равных и пр. Сословное положение переходило по наследству, и переход из низших сословий в высшие был очень затруднен.

Несмотря на своеобразие исторического развития, указанные признаки феодального права были, в целом, свойственны и России. Свое наиболее полное воплощение они получили в период сословно-представительной монархии, когда в России господствовал так называемый зрелый феодализм (XVI – XVII вв.).

Одним из показателей ценности и значимости права выступает степень правомерности поведения субъектов правоотношений. Видом правомерного поведения выступает соблюдение норм права, ненарушение его запретов. Для феодализма с его сословным делением общества и господством принуждения данная форма правомерного поведения становится одной из ведущих.

Рассматривая правомерное поведение субъектов, необходимо учитывать, что система права в XVI-XVII вв. существенно отличалась от современной. Важнейшими отраслями феодального права являлись крепостное право и поземельное право. Поэтому правомерные действия, прежде всего, основывались на соблюдении норм земельного права.

Характерные черты феодального поземельного права, которые отличали его от поземельного права любого иного типа и, прежде всего, буржуазного права, состояли в следующем. Во-первых, феодальное право собственности на землю было сословным и закрепляло монополию феодалов на землю. На этой монополии фактически базировался феодальный строй. Ведь именно монополия феодалов на землю предопределяла феодальную поземельную ренту (в ее

разнообразных видах) и повинности крестьян в пользу феодалов. Именно земля, населенная крестьянами, выплачивавшими ренту, была средством обеспечения военной и государственной службы дворянства.

Иными словами, феодальное право монопольной собственности на землю являлось как бы стержнем, на котором держалось все феодальное общество и государство, а также правомерное поведение субъектов.

Во-вторых, феодальное право собственности на землю носило условный характер. Оно предоставлялось под условием несения службы и, прежде всего, военной. Конечно, вотчину можно было передать по наследству, продать, купить, подарить. Но вместе с переходом права на нее к новому собственнику переходила и обязанность несения службы. При отказе от службы вотчина могла быть «отписана на государя» и передана иному собственнику, который будет нести службу.

Иерархическая структура земельной собственности и соответствующая ей феодальная военная иерархия создавала необходимую силовую структуру, которая давала возможность феодальному классу охранять свою монопольную собственность на землю, прикрепить крестьянина к земле и осуществлять внеэкономическое его принуждение - заставлять его выплачивать поземельную феодальную ренту и нести повинности. И это третья характерная черта феодального поземельного права. Следовательно, право феодальной собственности на землю неразрывно связано с господством над сидящим на этой земле населением. Земельные и политические отношения теснейшим образом переплетены в системе феодального права и, в первую очередь, в поземельном праве. Отсюда и вытекает право вотчинной юстиции.

В XVI-XVII вв. в России различались следующие виды землевладения: земли государственные или черные, дворцовые, и земли, которыми владели отдельные феодалы на вотчинном и поместном праве.

Черные земли находились в пользовании черносошных крестьян, которые несли государственное тягло, то есть платили налоги и отбывали разнообразные повинности в пользу государства. Черносошные крестьяне довольно свободно распоряжались своими участками (продавали, закладывали, делили и т.п.), но при переходе участка к новому владельцу к нему же переходили и все повинности. К XVII в. черные земли в центре государства были почти полностью захвачены феодалами и сохранились лишь на севере и других окраинах.

Феодальное государство в лице царя, являясь верховным собственником земли, использовало фонд черных земель для удовлетворения требований феодалов.

Дворцовые земли - собственность царя и царской семьи. В XVII в. весьма значительное количество этих земель было роздано представителям придворной знати и дворянству.

Вотчина - феодальная земельная собственность, переходящая по наследству. В XVII в. различались вотчины родовые, т.е. полученные по наследству, выслуженные - пожалованные за службу (в 1628 г. они были приравнены к родовым), княженицкие и купленные. В связи с развитием товарно-денежных отношений предметом оборота в некоторой степени становится и земля. Купленную вотчину можно было продать, заложить, подарить и завещать любому лицу. Она могла перейти по наследству к жене вотчинника. Но раз перешедшая по наследству такая вотчина становилась родовой. Распоряжение родовыми и выслуженными вотчинами было более ограничено. Боковые родственники, если родовая вотчина была продана без их согласия, имели право ее выкупа в течение 40 лет.

Родовые и выслуженные вотчины сохранялись за родом мужа. Жены их не наследовали. Однако Соборное Уложение 1649 г. разрешало в случае отсутствия поместий выделять вдовам во владение часть выслуженной вотчины до их смерти, пострижения в монастырь или вторичного выхода замуж, после чего вотчины возвращались в род мужа. Но, несмотря на ограничения, право распоряжения и родовой, и выслуженной вотчинами было весьма широким.

Распоряжение княженицкими вотчинами (т.е. бывших удельных князей) было ограничено еще указом Ивана Грозного 1562 г. Их нельзя было продавать, менять, давать в приданое. Указ был направлен против старой удельной аристократии.

В несении военной службы вотчинники были уравнены с помещиками. Размеры службы были регламентированы указом Ивана Грозного от 1556 г., а затем Соборным Уложением и целым рядом царских указов.

К началу XVII в. образовалась развитая система поместного права. Владеть поместьями могли только служилые люди, которые получали поместный оклад по чинам за службу и только на время службы. Кроме того, величина поместья зависела от качества земли. Помещики не могли свободно распоряжаться своими поместьями. Но дворянство упорно добивается приравнивания поместья к вотчине.

Уже в начале XVII в. помещики получили право «припускать» своих сыновей к участию во владении поместьем и передавать поместья (в случае отставки по болезни, увечью и т.д.) своим сыновьям. С 1611 года стали выделять часть поместья вдовам и дочерям на прожиток. Дочери могли передавать поместья своим женихам при условии несения ими службы. Так, фактически поместье уже передавалось по наследству. Тем самым стиралось важнейшее его отличие от вотчины. Уложение 1649 года закрепило возможность мены поместья на поместье, поместья на вотчину и наоборот. На эти действия требовалось согласие правительственного органа в лице Поместного приказа. Под видом мены часто скрывались запрещенные купля-продажа и дарение поместий.

Обобщая сказанное, следует отметить, что земельное право выступает в период феодализма ведущей отраслью права. Оно тесно связано с сословным делением общества. От отношения субъекта к земле зависел круг его прав и обязанностей, соответствующий тому или иному статусу, в рамках которого в феодальной России реализовывалось правомерное поведение.

КОНТРОЛЬ ЗА ЗАКОННОСТЬЮ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Нефедова И.И.,

к.ю.н., Врио начальника кафедры
теории и истории государства и права
Орловского юридического института
МВД России

Уровень законности в государстве и обществе определяется многими факторами - признанием властью прав и свобод человека (включая ратификацию соответствующих международно-правовых документов), наличием эффективного государственного механизма их реализации, защиты и контроля за их соблюдением.

Важную роль в обеспечении действия нормативных актов, реализации прав и их защите отводится органам внутренних дел, сотрудники которых нередко с риском для жизни делают многое по защите прав и свобод человека, обеспечению личной безопасности граждан России. Примерами могут служить операции по освобождению заложников, задержанию преступников, спасению людей и имущества во время стихийных бедствий, по борьбе с терроризмом, оказанию помощи гражданам при затруднительных или чрезвычайных для них обстоятельствах.

Вместе с тем используемые данными органами средства и методы работы бывают неадекватны реальным потребностям защиты прав человека, а в ряде случаев не соответствуют нормативным установлениям. Нередки случаи, когда сотрудники сами причиняют гражданину вред, нарушают его права и свободы, уповая лишь на силу как главное средство осуществления служебных функций¹.

В связи с этим актуален вопрос о контроле за законностью в деятельности органов внутренних дел. Важно учитывать, что в специальной юридической литературе деятельность органов внутренних дел подразделяется на виды с точки зрения содержания, а также используемых форм, методов и средств правоприменительной деятельности.

В.В. Лазаревым и И.П. Левченко особо выделяются административная, оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность². Каждый из этих видов деятельности име-

¹ Обращение министра внутренних дел Р.Г. Нургалиева к сотрудникам органов внутренних дел и военнослужащим внутренних войск // Щит и меч. 2005. 23 августа

² Лазарев В.В. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел. Учебное пособие / В.В. Лазарев, И.П. Левченко. М., 1989. С. 16.

ет особую правовую характеристику. Следовательно, формы, процедуры и объем контроля также различны для каждого из этих видов деятельности.

Общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности органов внутренних дел по реализации возложенных на них задач, подвержены контролю, как в сфере административной деятельности, так и в области уголовного процесса.

Сущность судебного контроля за законностью деятельности органов внутренних дел составляют многочисленные отношения, возникающие между судом, сотрудниками органов внутренних дел и субъектами различных отраслей права.

Для реального функционирования этих отношений в законодательстве Российской Федерации и субъектов в ее составе должны быть точно определены: субъекты материальных и процессуальных отношений (участники различных видов судопроизводства); установлен объем и пределы прав и обязанностей каждого из них; детально регламентирован круг действий, которые они могут или обязаны осуществлять; разновидности принимаемых субъектами правоприменительной деятельности решений; порядок и процедуры их обжалования; юридические факты, от которых зависит возникновение, изменение и прекращение правоотношений.

Своевременность защиты, реализуемой через систему различных форм контроля за законностью деятельности органов внутренних дел, является не только дополнительной гарантией охраны и защиты прав участников правоотношений, но и условием скорейшего их восстановления в случае нарушения.

Положения Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, современного российского законодательства признают высшей (основной, ведущей) формой защиты прав участников правового общения деятельность судов, учреждений на основе закона.

В целях повышения авторитета права и государства в обществе представляется целесообразным законодательно ужесточить меры ответственности за неисполнение актов российских государственных судов, вынесенных по существу юридического дела на основе норм права. Судебные решения должны, безусловно, исполняться адресатами как имеющие наибольшую юридическую силу по сравнению с актами иных органов и должностных лиц, решения и действия которых были оспорены в судебном порядке.

Задачей судебных учреждений современной России является осуществление не только функции правосудия и судебного контроля, но и функции содействия в сохранении социального партнерства субъектам спорных правоотношений. Поэтому независимые судьи, оценивая только юридически значимые факты, обязаны принимаемые ими решения обосновывать правовыми нормами, действующими в рамках правовой системы российского государства.

В период продолжающегося развития российской государственности и правовой системы для всей правоприменительной практики, в том числе и для сотрудников органов внутренних дел, наиболее приемлемо нормативное понимание права. Нормативизм, отражающий природу права как свободу, определяемую законом, и, прежде всего, Конституцией (имеющей прямое действие), адекватно выражает инструментальную роль права - быть регулятором общественных отношений.

Неправомерные действия сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих административную деятельность и производство по делам об административных правонарушениях, оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность, могут быть подвергнуты как судебному контролю, так и внутриведомственному посредством рассмотрения жалобы.

Не отрицая эффективности судебного контроля (рассмотрения жалоб граждан на неправомерные действия и решения органов внутренних дел), представляется важным обратить внимание и на преимущества внутриведомственного контроля (рассмотрения жалоб и обращений граждан руководителями органов внутренних дел).

В литературе уже давно обоснованно высказываются суждения о том, что сотрудники органов внутренних дел, занимающиеся рассмотрением письменных и устных жалоб и обращений граждан, играют важную роль в организации обратной связи между властью и населением страны. Такая связь позволяет оперативно и достоверно оценивать ситуацию, вносить продик-

тованные жизнью коррективы в решения, как самих органов внутренних дел, так и органов законодательной и исполнительной власти¹.

В Документе Копенгагенского совещания по человеческому измерению СБСЕ подчеркивается, что административные решения, направленные против какого-либо лица, должны быть обоснованными и, как правило, содержать указание на имеющиеся обычные средства правовой защиты.

Эта норма имеет самостоятельное значение для уважения достоинства, присущего человеческой личности, ее законных прав и интересов. Гуманизм и уважение прав человека вписываются в процесс качественного совершенствования законности на началах господства права².

На наш взгляд, уважение достоинства личности должно являться и важнейшим критерием оценки работы органов внутренних дел. В случае обжалования действий и решений руководителей и рядовых сотрудников компетентный орган или уполномоченное должностное лицо должны определить, насколько поведение каждого из них соответствует Конституции Российской Федерации, стандартам международного сообщества и закону во всех случаях нарушения или ограничения прав и свобод личности. Проверке также должно подлежать и соблюдение порядка применения сотрудниками органов внутренних дел тех или иных видов наказания к правонарушителям.

Следует согласиться с мнением о том, что, даже ограничивая права человека в связи с совершением им неправомерных действий, сотрудник милиции, руководствуясь ст. 5 Закона Российской Федерации «О милиции», обязан во всех случаях ограничения прав, во-первых, разъяснить гражданину основания, во-вторых, повод такого ограничения, а в-третьих, растолковать возникающие в связи с этим его права и обязанности³.

Материальной основой уважения прав личности сотрудниками органов внутренних дел служат правовые (материальные и процессуальные) гарантии законности их деятельности, которые находят отражение в разделе VIII Закона Российской Федерации «О милиции» - контроль и надзор за деятельностью милиции; дисциплинарная, материальная, гражданско-правовая, уголовная ответственность сотрудников органов внутренних дел.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». Вместе с тем нормативные акты, регулирующие некоторые вопросы оперативно-разыскной деятельности, содержат сведения, составляющие государственную и служебную тайну.

Правовой природе негласных оперативно-разыскных мероприятий присуща противоречивость. С одной стороны, негласные оперативно-разыскные мероприятия осуществляются в связи с необходимостью борьбы с преступностью, а с другой - для достижения в ней положительных результатов существует объективная необходимость в ограничении определенных прав и свобод личности.

Согласно действующему Закону об оперативно-разыскной деятельности⁴ (ст. 7 и ст. 8), оперативно-разыскные мероприятия могут проводиться только при наличии определенных оснований и условий.

В литературе по общей теории права, конституционному праву и уголовному процессу отмечается⁵, что способом предотвращения нарушений и необоснованных ограничений конституционных прав и свобод личности субъектами оперативно-разыскной и уголовно-

¹ Бутылин В.Н. Защита прав граждан в органах внутренних дел // Личность и право в канун XXI века: Материалы научно-практической конференции, 29-30 июня 1995. Орел: Высшая школа МВД РФ, 1995. С. 58-61.

² См.: Мехович А.М. Законность и уважение прав человека в деятельности органов внутренних дел / А.М. Мехович, А.С. Мордовец, А.В. Силантьева // Правоведение. 1999. № 3. С.161.

³ Там же. С.162.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁵ Кобликов А. Судебная власть и процессуальные гарантии // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8. С. 26; Стецовский Ю.И. Судебная власть. Учебное пособие. С. 54; См.: Шейфер С.А. Понятие судебной власти и ее функции / С.А. Шейфер, В.Л. Яблоков. // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность. Сб. трудов. Самара, 1999. С. 193 и др.

процессуальной деятельности является предварительный судебный контроль, предусмотренный статьями 22, 23, 25 Конституции Российской Федерации. Он осуществляется судом только при наличии мотивированного ходатайства органа уголовного преследования о проведении некоторых следственных действий.

Таким образом, нормы и принципы материального и процессуального права, закрепленные в Конституции Российской Федерации, развитые в текущем законодательстве и судебной практике, выступают и важнейшими правовыми предпосылками реализации прав личности в государстве, и одновременно должны являться элементами гарантий реализации, охраны и защиты прав человека всеми государственными органами, в том числе и органами внутренних дел.

О НАУЧНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ТРАНСПОРТЕ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Пестов Н.Н.

к.ю.н., старший преподаватель Академии
управления МВД России

В последние годы по ряду объективных причин (угроза террористических посягательств и иных актов незаконного вмешательства в деятельность транспорта, рост аварийности на транспорте и т.п.) особую остроту обрела проблема транспортной безопасности.

Обеспечение транспортной безопасности объективно обрело характер самостоятельной области общественных отношений, регулируемой определенным набором правовых норм (главным образом административных), в которой действуют специальные субъекты с особым правовым статусом. Вследствие этого возникла необходимость в выработке доктринального определения и нормативного закрепления транспортной безопасности как правовой категории. Такие попытки предприняты в последние годы в научной литературе, а также в процессе разработки проектов официальных документов – федерального закона «О транспортной безопасности» и «Государственной концепции обеспечения транспортной безопасности России»¹.

Принимая во внимание все возрастающую роль транспортных коммуникаций в устойчивом развитии национальной экономики, транспортная безопасность должна рассматриваться в качестве одного из элементов национальной безопасности Российской Федерации наряду с такими категориями как «экономическая безопасность», «военная безопасность», «общественная безопасность», «экологическая безопасность» и др.

Транспортная безопасность – комплексное понятие. По мнению разработчиков Государственной концепции транспортной безопасности России, она включает в себя следующие, в определенной степени самостоятельные составляющие: технико-технологическую²; антитеррористическую (противодействие актам незаконного вмешательства в транспортную деятельность)³; организационно-управленческую⁴. Соглашаясь в целом с подобной трактовкой, следует отметить, что второй компонент необоснованно заужен, поскольку помимо террористических акций опасность для транспортного комплекса представляют и иные акты незаконного

¹ Транспортная безопасность в проекте Государственной концепции транспортной безопасности определяется как «состояние транспортной системы Российской Федерации, позволяющее обеспечивать национальную безопасность и национальные интересы в области транспортной деятельности, устойчивость транспортной деятельности, предотвращать (минимизировать) вред здоровью и жизни людей, ущерб имуществу и окружающей среде, общенациональный экономический ущерб при транспортной деятельности».

На доктринальном уровне вопросам транспортной безопасности посвящены работы Г.Х. Гудемы, Ю.П. Козлова, И.Г. Кокорева, Ю.В. Степаненко, увидевшие свет в последние годы. Появление работ указанных авторов можно рассматривать на данном этапе разработки столь сложной теоретической проблемы как приглашение к дискуссии.

² соответствует английскому понятию safety.

³ соответствует английскому понятию security.

⁴ соответствует английскому понятию preparedness.

вмешательства в его деятельность, совершение правонарушений, могущих повлечь опасные последствия. Следовательно, речь должна идти о правоохранительном компоненте транспортной безопасности, который, разумеется, включает в себя и антитеррористическую защиту объектов транспортной системы.

Таким образом, транспортная безопасность неотделима от сферы правопорядка в транспортном комплексе, основными субъектами обеспечения которого выступают органы внутренних дел. Поэтому в более широком контексте, с учетом возложенных на них функций и решаемых задач правоохранительного характера, ОВДТ должны рассматриваться как субъекты обеспечения транспортной безопасности. Этот статус транспортная милиция реализует в повседневном режиме, осуществляя оперативно-служебную деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на транспорте. В конечном итоге вся ее деятельность направлена на безопасное функционирование транспорта. Рассмотрение транспортной милиции как субъекта обеспечения транспортной безопасности позволяет предположить необходимость наделения ее дополнительными функциями и полномочиями, выходящими за рамки традиционной компетенции данного правоохранительного органа. Речь, например, может идти о контрольно-надзорных функциях, в настоящее время не характерных для статуса ОВДТ. Однако этот вопрос нуждается в детальной научной проработке. И здесь свое слово необходимо сказать ведомственной науке, прежде всего в лице Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации (ВНИИ МВД России).

Следует выделить основные направления научного обеспечения деятельности органов внутренних дел на транспорте в сфере транспортной безопасности. Их можно подразделить на два уровня:

1. Научное сопровождение проектов федеральных нормативных правовых актов: федерального закона «О транспортной безопасности» и «Государственной концепции обеспечения транспортной безопасности России».

Работа над проектом ФЗ «О транспортной безопасности» велась во исполнение поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, предусматривающих создание правовых и организационных основ безопасности на транспорте, обеспечения защиты объектов транспорта от актов незаконного вмешательства. Непосредственно подготовка проекта осуществлялась Минтранс России во взаимодействии с МВД России, ФСБ России и Минпромэнерго России.

Необходимость принятия данного закона обусловлена рядом факторов. Основным из них является террористическая угроза, опасность которой для объектов транспортного комплекса в последнее время резко возросла. Террористические акции последних лет показали недостаточность имеющейся системы мер обеспечения транспортной безопасности.

В части, касающейся органов внутренних дел, законопроект имеет целью более четко обозначить их статус как субъекта обеспечения транспортной безопасности; определить их компетенцию, задачи и функции в рассматриваемой сфере деятельности.

Государственная концепция обеспечения транспортной безопасности является основным (исходным) государственно-управленческим документом, определяющим содержание государственной политики в области обеспечения транспортной безопасности, программы ее реализации, формирующим и приводящим в действие механизм исполнения.

Предполагается, что Государственная концепция обеспечения транспортной безопасности России будет утверждена Указом Президента Российской Федерации. В силу этого она будет являться нормативно-правовым актом, обязательным для исполнения всеми органами государственной власти и местного самоуправления, юридическими и физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, включая нерезидентов, как на территории Российской Федерации, так и на борту транспортных средств в условиях действия российской юрисдикции.

Концепция содержит в себе положения, затрагивающие интересы органов внутренних дел и иных правоохранительных органов – субъектов транспортной безопасности. Именно эти положения вызывают необходимость более тщательной проработки. Кроме того, разработчики внесли предложения об изменении ряда статей УК РФ и КоАП РФ, устанавливающих ответст-

венность за правонарушения в сфере транспортной деятельности. На наш взгляд, данные предложения также нуждаются в дополнительном обосновании.

2. Участие представителей ВНИИ МВД России и иных научно-исследовательских и образовательных учреждений в разработке ведомственных нормативных актов. На этом уровне задачи ведомственной науки можно распределить по следующим проблемно-тематическим линиям:

А). Правовое и методическое обеспечение взаимодействия ОВДТ со службами авиационной безопасности в процессе проведения предполетного досмотра пассажиров и багажа.

На протяжении многих лет проблема организации предполетного досмотра пассажиров и багажа на воздушном транспорте оставалась предметом острых дискуссий между транспортной милицией и представителями служб авиационной безопасности: в какой мере, и в каких формах сотрудники ОВДТ должны участвовать в этой ключевой с точки зрения обеспечения воздушной безопасности процедуре? С принятием поправок в Воздушный кодекс РФ и иные нормативные акты данная проблема начала разрешаться. Однако мы столкнулись с тем, что методически взаимодействие ОВДТ и САБ практически не проработано. ВНИИ МВД России в 2005 году подготовлены методические рекомендации «Правовые и организационные основы взаимодействия органов внутренних дел на транспорте со службами авиационной безопасности авиапредприятий и разрешении возникающих при этом проблемных вопросов».

Данная научная разработка была разослана во все УВДТ, в оперативном обслуживании которых имеются объекты воздушного транспорта и соответствующие досмотровые подразделения.

Это направление исследований представляется важным также и с иной точки зрения. В настоящее время в связи с ростом угрозы совершения террористических акций обсуждается вопрос о введении института досмотра и на железнодорожном транспорте. Поэтому не исключено, что перед ведомственной наукой возникнет еще одно поле изысканий.

Б). Правовое и методическое обеспечение деятельности сотрудников милиции в процессе сопровождения воздушных пассажирских судов в полете.

Эта проблема также обсуждается на протяжении целого ряда лет. Однако после трагических событий августа 2004 года, когда практически одновременно во время полета были подорваны два воздушных судна с пассажирами на борту, решение этого вопроса перемесилось в практическую плоскость.

ВНИИ МВД России включена в план НИР-2006 заявка Департамента обеспечения правопорядка на транспорте МВД России о разработке методических рекомендаций по действиям сотрудников ОВД при сопровождении ими пассажирских воздушных судов в полете.

Казалось бы, эта сугубо прикладная заявка не имеет научной составляющей, тем более, что в СССР в 70-х годах прошлого столетия имелся опыт такой деятельности и можно использовать разработанные в тот период инструкции и методички. Но это только на первый взгляд. К настоящему времени изменились типы воздушных судов (в наши дни многие российские авиакомпании используют воздушные суда зарубежного производства), знание конструктивных особенностей которых необходимо сотрудникам службы сопровождения; стали более изощренными способы проноса запрещенных к провозу предметов; появились новые виды оружия, применяемого преступниками при совершении террористических акций, и т.д.

Кроме того, в ряде стран мира за этот период накоплен значительный опыт по сопровождению воздушных судов, и он также должен быть изучен и обобщен.

В). Научное обеспечение внедрения института участковых уполномоченных в деятельность ОВДТ при сопровождении ими фирменных пассажирских поездов дальнего следования;

Одним из направлений совершенствования деятельности органов внутренних дел является работа по изучению и внедрению новых форм и методов работы. При этом зачастую традиционные формы оперативно-служебной деятельности одной службы могут с успехом заимствоваться другой: например, отдельные аспекты практики территориальных органов внутренних дел вполне применимы к сфере деятельности органов внутренних дел на транспорте и способны оказать положительное воздействие на состоянии оперативной обстановки. Это относится к целым милицйским институтам. Как известно, для системы органов внутренних дел на транспорте до недавнего времени штатные должности участковых уполномоченных милиции были не характерны и вводились они исключительно для оперативного обслуживания стационарных

объектов железнодорожного транспорта, удаленных от мест дислокации линейных подразделений. Т.е. там, где существовала объективная необходимость в разъездном характере работы сотрудников милиции в процессе обеспечения правопорядка. Лишь в подразделениях отдельных УВДТ действуют штатные уполномоченные милиции, численность которых не превышает трех десятков единиц. В то же время представители этой службы составляют весьма многочисленный отряд в структуре территориальных органов внутренних дел.

Одна из ключевых задач, которые призваны решать участковые уполномоченные милиции, является обеспечение личной и имущественной безопасности граждан, профилактика правонарушений в жилом секторе. Сходная социальная среда существует и на транспорте, особенно железнодорожном: транспортные коммуникации являются зонами высокой концентрации граждан, в процессе пассажирских перевозок осуществляется перемещение больших масс людей, идут активные миграционные процессы, функционирование транспорта обеспечивается многочисленным персоналом и т.д. Уголовная преступность и административная деликтность на транспорте по многим параметрам сходна с противоправной деятельностью в жилом секторе населенных пунктов. Эти обстоятельства приводят к выводу о необходимости апробации опыта деятельности участковых инспекторов применительно в сфере пассажирских перевозок.

Согласно Инструкции по организации деятельности участкового уполномоченного милиции, утвержденной приказом МВД России от 16 сентября 2002 г. № 900, штатная численность участковых уполномоченных в системе органов внутренних дел на железнодорожном транспорте устанавливается органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями транспорта по территориальности по согласованию с управлениями внутренних дел на транспорте, исходя из состояния правопорядка и общественной безопасности на обслуживаемых объектах. В настоящее время данное положение инструкции реализуется в Среднеуральском УВДТ (г. Екатеринбург).

В порядке эксперимента в целях совершенствования оперативно-служебной деятельности, направленной на обеспечение правопорядка в поездах дальнего следования, Среднеуральским УВДТ в подчиненных линейных подразделениях введены должности участковых инспекторов милиции по сопровождению поездов дальнего следования. Этому решению предшествовала детальная проработка.

С введением должностей участковых инспекторов милиции по сопровождению фирменных поездов высвобождено до 50% личного состава патрульно-постовой службы, ранее задействованных на сопровождении данных поездов в виде парных нарядов, которые были использованы для обеспечения общественного порядка в электропоездах.

В связи с этим стало возможным издать Распоряжение СУВДТ № 2206 от 20.08.2003 года о 100% охвате сопровождением электропоездов. На сегодняшний день из 382 электропоездов, следующих по дороге, в среднем ежедневно сопровождается 328, что составляет 85,6%. В ночное время сопровождается практически 100 % электропоездов (82).

Приказом по управлению № 37 от 30.01.2003 года утвержден комплекс мероприятий по организации обеспечения общественного порядка и работы по сопровождению фирменных поездов формирования Свердловской железной дороги.

Вопрос о введении штатных должностей участковых инспекторов был согласован как с руководством ГУВДиС МВД России, так и Свердловской железной дороги.

За основу положения об участковых инспекторах милиции был взят принцип административного деления, где в качестве административных участков выступают составы фирменных поездов.

В процессе оперативно-служебной деятельности участковых инспекторов активно и на постоянной основе к обеспечению общественного порядка привлекаются члены поездных бригад, которым на сегодняшний день придается статус добровольных общественных формирований (ДНД).

Предварительная оценка показала, что за время работы участковых инспекторов состояние правопорядка в сопровождаемых ими поездах улучшилось.

В ходе проведенного 30 августа 2005 года ДОПТ МВД России анкетирования пассажиров и членов поездных бригад фирменных пассажирских поездов № 15 сообщением «Свердловск – Москва» и № 17 сообщением «Пермь – Москва», (в котором несут службу участковые

инспектора), в целом опрошенными респондентами работа участковых инспекторов была оценена положительно.

По пути следования поезда участковыми осуществляется охрана общественного порядка, предупреждение, выявление и пресечение преступлений, а также административных правонарушений. Проводится целенаправленная работа по предупреждению хищений, выявлению преступлений в сфере незаконного оборота оружия и наркотиков, на потребительском рынке в сфере незаконного оборота оружия и наркотиков, на потребительском рынке, предупреждению хулиганских проявлений и преступлений против личности. Осуществляются мероприятия по выявлению лиц, находящихся в розыске. Таким образом, проводится целый комплекс мер, направленных на обеспечение правопорядка, личной и имущественной безопасности пассажиров и членов поездных бригад.

Внедрение института участковых инспекторов в практику оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел на транспорте вместе с тем выявило определенные проблемы.

1. В настоящее время участковые уполномоченные действуют только в системе подразделений Среднеуральского УВДТ, их правовое положение определено всего лишь приказом начальника управления. Однако для придания данному начинанию более солидного статуса следовало бы, вероятно, юридически закрепить его как эксперимент в масштабах всей транспортной милиции (например, по аналогии с экспериментом по передаче в оперативное обслуживание привокзальных площадей от территориальных ОВД транспортной милиции). При этом, в целях расширения географии и, как следствие, обеспечения большей чистоты эксперимента, вполне целесообразно внедрить этот опыт еще в двух-трех УВДТ. Только в этом случае можно дать объективную оценку результатам использования данного правоохранительного института в новых условиях – на объектах железнодорожного транспорта.

2. Неоднозначные оценки опыта внедрения института участковых обусловлены тем, что высвободившаяся штатная численность сотрудников милиции в результате замены наряда сопровождения из двух-трех сотрудников одним участковым уполномоченным была направлена на сопровождение пригородных поездов, а не на укрепление правопорядка в поездах дальнего следования. Это несколько «размывает» итоговые показатели.

3. Кроме того, проблему представляет то обстоятельство, что участковый уполномоченный сопровождает фирменный поезд в одиночку, и в случае возникновения нештатной ситуации располагает меньшими возможностями в пресечении противоправных действий, чем наряд в составе группы сотрудников. Например, при пресечении группового правонарушения, задержании преступника, возникновении иного чрезвычайного обстоятельства.

По результатам накопленного опыта в качестве предварительного вывода следует подчеркнуть необходимость дальнейшего проведения данного эксперимента, поскольку, во-первых, накопленный опыт работы по сопровождению участковыми инспекторами милиции пассажирских поездов дальнего следования пока еще не столь продолжителен и объемен, чтобы давать его однозначные оценки и рекомендовать к масштабному внедрению; во-вторых, данный опыт может оказаться полезным в процессе внедрения в ближайшей перспективе института сопровождения сотрудниками органов внутренних дел пассажирских воздушных судов. Однако в плане научной поддержки следовало бы проработать вопрос о внесении изменений в действующую Инструкцию по организации деятельности участкового уполномоченного милиции.

Г). Методическое обеспечение деятельности сотрудников ОВДТ в сфере физической защиты объектов транспортного комплекса от посягательств террористического характера и иных актов незаконного вмешательства.

Речь идет об определении той роли, которую должны играть ОВД в процессе защиты объектов транспорта как потенциально опасных (высокорисковых). Эта проблема решается ими главным образом в процессе осуществления различного рода охранных и режимных мероприятий (например, обеспечение пропускного режима, предполетный досмотр пассажиров и багажа, охрана общественного порядка нарядами ППС и др.).

Как один из шагов в решении этой комплексной научной проблемы ВНИИ МВД России в настоящее время в соответствии с указанием МВД России принимает участие в разработке методики расчета штатной численности подразделений ППС в системе ОВД для объектов

транспорта различных категорий. Одна из целей этой работы – оптимизировать штатную численность подразделений ППС ОВД с учетом специфики объектов оперативного обслуживания. Не менее важная цель этих исследований – рекомендовать управленческие решения, направленные на максимальное прикрытие нарядами ППСМ наиболее уязвимые элементы транспортной системы. К настоящему времени сотрудниками института предварительно проработан перечень критериев, учет которых необходим при расчете штатной численности ППСМ (объем грузо- и пассажиропотока, режим функционирования объекта, его местоположение – удаленность от крупных населенных пунктов, либо приближенность к густонаселенным жилым массивам и т.п.). Данная работа осуществляется в рамках плана НИР-2006.

Говоря о вопросах физической защиты объектов транспортного комплекса и роли в этой работе органов внутренних дел, следует отметить еще одну проблему. В системе Минтранса России действует своя система ведомственной охраны, при этом численность сотрудников охранных структур на железнодорожном транспорте превышает численность сотрудников транспортной милиции. Значительная часть из них осуществляет несение службы с оружием. Однако лицензирование и контроль за этими структурами осуществляют территориальные ОВД, хотя логичней было бы передать эти функции в систему ОВДТ. Однако подразделений лицензионно-разрешительной системы в структуре последних не существует.

Кроме того, назрела необходимость проработки вопроса о наделении органов внутренних дел на транспорте контрольно-надзорными полномочиями за выполнением администрацией охраняемых объектов обязательных требований по технической укреплённости объектов транспорта.

Таковы основные и наиболее актуальные направления научных исследований деятельности ОВДТ по обеспечению транспортной безопасности.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК РОДОВОЙ КАТЕГОРИИ И ОСНОВНОГО ПРИЗНАКА ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Рукавишников Д.В.,
соискатель кафедры государственно-
правовых дисциплин НА МВД РФ

Политика любого государства имеет своей целью создание такого механизма правового регулирования и реализации права, когда все члены общества в своей деятельности неукоснительно придерживались бы предписаний законов и иных нормативных правовых актов, иными словами, поступали правомерно.

Не секрет, что, несмотря на все усилия властей, уровень преступности в нашей стране вот уже много лет подряд остается стабильно высоким. И это только регистрируемые данные. Реальные же показатели правонарушаемости значительно выше. Борьбе с преступностью и проблемам правомерности поведения уделял активное внимание еще В.В. Путин, в бытность Президента РФ, но с приходом к власти Президента Д.А. Медведева такое «внимание» обрело новые формы. В частности, с первых дней Д.А. Медведев объявил о борьбе с коррупцией, что называется, «по всем фронтам»: и правовом, и социально-экономическом, и традиционно правоохранительном. Результатом активизации деятельности правоохранительных структур стал рост выявляемости фактов коррумпированности публичных органов власти и соответствующих должностных лиц, о чем уже осенью было объявлено Генпрокурором РФ. Однако на традиционном правоохранительном варианте решения проблемы Д.А. Медведев не остановился и уже в ноябре 2008 года в своем первом президентском Послании Федеральному Собранию РФ значительное внимание уделяет ценностям нашего общества, их значимости в нашей жизни и их упорочению. А это еще один важнейший фактор, детерминирующий правомерность поведения членов любого общества.

Все это не могло остаться незамеченным для научных и творческих кругов и подтолкнуло гуманитарную общественность вновь и с большим вниманием обратиться к вопросам и проблематике правомерного поведения. При этом актуальными стали не только вопросы и про-

блемы практического плана, но и различные вопросы теоретического характера, в том числе и проблематика категориального аппарата.

Вряд ли сегодня можно говорить о принципиально разных подходах ученого сообщества к пониманию «правомерного поведения», однако и о полном единстве мнений говорить также не приходится. При этом ни у кого не вызывает возражений, что родовым к понятию «правомерное поведение» является категория «поведение». К тому же правомерное поведение как разновидность человеческого поведения в целом рассматривается в качестве основного признака соответствующего понятия. Это значит, что закономерности, лежащие в основе «поведения», вполне справедливы и для «правомерного поведения», естественно, с поправкой на специфический сегмент «правомерное».

В настоящей статье мы бы хотели рассмотреть опыт исследования человеческого поведения, показать значение этого опыта для теории правомерности поведения.

Поведение человека – явление сложное и многогранное, поэтому и исследовать его нужно с разных позиций. Общие энциклопедические издания определяют «поведение» как «присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, включающее их двигательную активность и ориентацию по отношению к этой среде»¹. Философские энциклопедические издания определяют «поведение» через систему внутренне взаимосвязанных действий, осуществляемых каким-либо сложным (обладающим некоторой организацией) объектом; эта система подчиняется определенной логике и направлена на реализацию той или иной функции, присущей данному объекту и требующей его взаимодействия с окружающей средой². Общими предпосылками поведения живых организмов являются: наличие субъекта, обладающего определенной организацией, которая позволяет ему строить целесообразную систему действий; наличие объекта, на который направлено поведение, поскольку он включает в себе цель поведения; наличие определенной программы поведения и механизма оценки эффективности её выполнения³. Таким образом, энциклопедические издания, предлагая наиболее общие определения понятию «поведение», дают нам представление и о составе поведения, который включает субъект, объект, субъективную сторону (цель, мотив, оценка) и внешнее проявление поведения, т.е. объективную сторону.

Несмотря на то, что ученые и философы с древних времен пытаются раскрыть тайну регуляции поведения (так, для Аристотеля таким регулятором была душа, как имманентно присущая живым телам начало, для Дарвина – рефлекс, для Фрейда – влечение⁴), активное исследование поведения началось лишь в конце XIX века.

Первое, что попало «под объектив» ученых, – это внешне наблюдаемое взаимодействие субъекта и объекта, т.е. человека с внешней средой. Этот механизм изначально объясняли на основе классической рефлекторной теории, согласно которой поведение представляет совокупность рефлексов, а каждый конкретный акт поведения рассматривается как реакция организма на внешний стимул (рефлекторная дуга, «стимул»-«реакция», И.П. Павлов, И.М. Сеченов). Однако с развитием научного знания оказалось, что классическая рефлекторная схема оказалась недостаточной для объяснения поведения, всех типов взаимодействия с внешней средой. В результате схема рефлекторной дуги была переработана в схему рефлекторного кольца (Н.А. Бернштейн, П.К. Анохин). В отличие от предыдущей, схема рефлекторного кольца включает в себя дополнительные звенья, например, так называемые «модели потребного будущего»⁵.

За время развития рефлекторной теории было установлено, что поведение имеет сложную иерархическую структуру, складывающуюся и реализующуюся на целом ряде уровней (от последовательности мышечных сокращений до последовательности целенаправленных действий). «Совершенно очевидно, что поведение организуется одновременно на нескольких уров-

¹ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. М., 1989. С. 1029.

² См.: *Философская энциклопедия*. – Т. 4. С. 280: Электронный ресурс. М., 2006.

³ См. подробнее: *Большая советская энциклопедия*: Электронный ресурс. М., 1998.

⁴ См. подробнее: *Философский энциклопедический словарь* / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М., 1983. С. 504.

⁵ См.: *Большая советская энциклопедия*: Электронный ресурс. М., 1998, *Философская энциклопедия*. – Т. 4. С. 280: Электронный ресурс. М., 2006.

нях, характеризующихся разной степенью сложности»¹. По мнению В.Н. Кудрявцева, самый нижний уровень человеческого поведения есть телодвижение, затем идет действие, а третий уровень занимает операция. При этом подчеркивается, что наряду с указанными понятиями следует различать еще одно – поступок. «Это не следующий уровень поведения, а социальная характеристика уже перечисленных уровней при условии, что они имеют общественную значимость». «Этот термин относится к таким актам поведения, которые приобретают положительную или отрицательную социальную (в том числе правовую) оценку»².

Важно отметить, что кроме уровней поведения была также установлена общая схема поведения, которая складывается из двух основных компонентов – относительно жёсткой структуры, передаваемой наследственным путём (врожденные инстинкты), и надстраиваемых над ней функциональных схем, включающих в себя элементы субъективной оценки ситуации³.

Таким образом, акцент научных изысканий постепенно начинает смещаться с исследований объективной стороны поведения к исследованию субъективной стороны. Делаются попытки понять суть, вскрыть определенные закономерности того или иного поступка, идет энергичное обращение к мотивационной сфере поведения, одно из центральных мест в которой занимают ценности. Активную роль в этом процессе сыграла философская наука. Не случайно мы упоминали, что ученые и философы уже с древних времен пытались раскрыть тайну регуляции поведения.

Следует заметить, что ценностные, аксиологические аспекты поведения не всегда столь очевидны. Более отчетливо они выступают тогда, «когда действие приобретает характер поступка, т.е. лично значимого акта, контролируемого системой принятых в обществе норм»⁴. Учитывая это, вполне справедливым следует признать утверждение и соответствующее ему определение, что в некоторых случаях под поведением понимается «система поступков человека, представляющих собой реализацию определенных нравственных установок»⁵.

Несмотря на заслуги других наук, наибольшее внимание вопросам субъективной стороны поведения уделяет все же психология. Согласно этим взглядам в поведении следует выделять два основных аспекта – аффективный (эмотивный) и когнитивный (интеллектуальный). Обычно аффективной стороне поведения приписывают роль источника энергии и – в той или иной степени – роль ценностного регулятора. Согласно Клапареду, чувства предписывают поведению цель, а роль интеллекта ограничивается тем, что он предоставляет поведению средства⁶.

Одну из интересных концепций поведения предложил К. Левин. Он представил поведение в виде целостного «поля», охватывающего субъект и объект; динамику этого поля образуют чувства (которые выступают как факторы, регулирующие у субъекта обмен энергией с внешней средой; в этой связи они выполняют функцию реальных или фиктивных «ценностей»), а структурируется это поле при помощи восприятия, моторной функции и интеллекта. Дальнейшее развитие данный системный подход к поведению нашел в концепции Пиаже. Приняв предложенное Левиным различие двух аспектов поведения, Пиаже дополнил его принципом генетизма, т.е. положением, согласно которому чувства и когнитивные формы зависят не только от актуально существующего «поля», но и от предшествующей истории действующего субъекта. При этом ни чувства, ни интеллект, согласно Пиаже, не имеют примата в поведении: чувства выступают как энергетический и волевой источник поведения (воля понимается как своеобразная игра чувственных операций, направленных на создание высших ценностей и на то, чтобы сделать эти ценности обратимыми и сохраняемыми); в то же время с необходимостью существует некоторая форма или структура, определяющая возможные пути реализации поведения, – это и есть когнитивная сторона поведения. Следовательно, всякий взаимообмен со средой предполагает и наложение структуры, и создание ценностей⁷.

¹ Миллер Д. Планы и структура поведения / Д. Миллер, Ю. Галантер, К. Прибрам. М., 1966. С. 29.

² Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 9.

³ См.: Большая советская энциклопедия: Электронный ресурс. М., 1998.

⁴ Философский энциклопедический словарь. С. 504.

⁵ См.: Философская энциклопедия. – Т. 4. С. 280. Электронный ресурс. М., 2006.

⁶ См. подробнее: Там же. С. 280-281.

⁷ См.: Там же. – С. 281.

Таким образом, психология концентрирует усилия на исследовании внутренних детерминационных сил в поведении человека. При этом наряду с идеей социально-исторической обусловленности поведения человека и выделения в этой связи роли социальных факторов и социального опыта в построении и реализации поведения (школа Л.С. Выготского) одно из определяющих мест в системе поведенческих детерминант также отводится ценностям.

Следует заметить, что в современной психологии в качестве центральной категории принято рассматривать не категорию «поведение», а «деятельности». Их соотношение между собой до сих пор вызывает споры в научной среде, к тому же в это «противостояние» периодически «вмешивается» еще и третье понятие – «жизнедеятельность». Не имея возможности детального рассмотрения отдельных позиций, укажем лишь, что таковых три. Согласно первой позиции категория поведения шире категории деятельности (напр., В.Н. Кудрявцев), согласно второй – наоборот, деятельность шире поведения (напр., Н.И. Уздимаева), а третья позиция, как обычно, нейтральная – отождествление обеих категорий (напр., В.А. Рыбаков)¹.

В отличие от психологии, социология максимум своих усилий концентрирует на исследовании объекта и объективной стороны поведения. Согласно социологической точки зрения «поведение личности» рассматривается как «внешне наблюдаемый процесс взаимодействия личности с окружающей средой, опосредованной ее активностью, проявляющейся в отдельных поступках и действиях, взятых в их определенной последовательности»². Однако в социологии существуют еще одно определение с поправкой на специфику предмета – «социальное поведение личности», под которым понимается «внешне наблюдаемая совокупность действий (поступков) по отношению к социально значимым объектам, в котором реализуется внутренняя система диспозиций личности». Последние выступают в качестве механизмов саморегуляции поведения личности, поскольку представляют фиксированные в ее опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом³. Таким образом, социология констатирует, что оценка ситуации является неотъемлемым условием человеческого поведения. Однако, как известно, для оценочного акта нужны критерии, основным из которых является разделяемая оценивающим субъектом некая совокупность идеалов и ценностей.

Важно заметить, что социальное поведение личности рассматривается на четырех уровнях. Последний, четвертый уровень – уровень целостного поведения личности, связанный с реализацией жизненных целей, «полагается как высший, ориентированный на отыскание механизмов превращения идеального в реальное»⁴.

Таким образом, лишь вкратце рассмотрев опыт исследования феномена поведения в разных науках, мы смогли убедиться, что таковой очень богат, изобилует целым набором фундаментальных знаний. Все это не только можно, но и должно быть использовано в исследованиях проблематики правомерного поведения. Юристам следует лишь подвергнуть соответствующие умозаключения, закономерности и прочее правовой оценке и экстраполировать данные знания на исследуемый предмет.

Определенные умозаключения по результатам настоящей работы можно сделать уже сейчас. Так, правомерное поведение есть взаимодействие с окружающей средой, ситуацией. Оно включает определенную двигательную активность, имеющую сложную структуру поуровневой иерархии. В состав правомерного поведения входит субъект, объект, объективная и субъективная стороны. На правомерность оказывает непосредственное влияние субъективная оценка. Одним из наиболее важных оценочных критериев, а значит и детерминантой правомерности выступает разделяемая субъектом некая совокупность идеалов и ценностей. Следова-

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 7-8; Уздимаева Н.И. Правомерное поведение: понятие, квалификация, мотивы / Н.И. Уздимаева; под общ. ред. Н.И. Матузова. Саратов, 2006. С. 12-14; Рыбаков В.А. Формирование правомерного поведения лиц, осужденных к лишению свободы (Вопросы теории и практики) / В.А. Рыбаков, К.В. Толкачев, А.Г. Хабибуллин. Уфа, 1982. С. 30.

² Социология: Краткий тематический словарь / Под общей редакцией Ю.Г. Волкова. Ростов-на-Дону, 2001. С. 238-239.

³ См.: Там же. С. 241-242.

⁴ Там же. С. 242.

тельно, в процессе правомерного поведения идет реализация определенных нравственных установок субъекта.

ЗАКОННОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ИНСТИТУТЫ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

*Сысоева Ю.А.,
Султанова Д.С.,
Девятина Ю. В.,
студентки 3 курса социально-правового
факультета Орловского филиала
Воронежского экономико-правового
института*

*Научный руководитель:
Гапонов О.И.,
к.ю.н., доцент кафедры социально-
экономических дисциплин Орловского
филиала Воронежского экономико-
правового института*

Может ли закон быть несправедливым, а то, что, по мнению общества, справедливо, незаконным? Этот вопрос существовал издревле, ещё со времён становления государственности. Ещё Сократ говорил об этом: «Что законно, то справедливо». Но так ли это на самом деле? Прежде чем ответить на этот вопрос, стоит, наверное, разобраться, а что же мы понимаем под словом «справедливость»? Значение этой нравственно-правовой категории велико на протяжении всей истории человечества и особенно остро ощущается в контексте современных условий, то есть проблема остаётся крайне актуальной до сего дня.

Итак, термин «справедливость» имеет два различных значения, однако в обыденном словоупотреблении они зачастую пересекаются, вызывая путаницу. Во-первых, следует выделять «процессуальную» справедливость. В этом смысле справедливость относится к результату или решению, достигнутому благодаря правильно функционирующему механизму отправления закона. Считается, что применение закона, относящегося к сфере статутного или обычного права, к тому или иному конкретному случаю имеет целью достижение справедливости. В такой интерпретации справедливость – это логическая, почти механическая оценка действия согласно критериям, зафиксированным в общепринятой и обязательной нормативной системе – законе.

Во втором значении справедливость – это апелляция к некоторому критерию или совокупности ценностей, которые считаются более высокими, чем те, что нашли воплощение в законе. В принципе, именно это обычно имеют в виду, когда говорят о «праве справедливости». Высшая заповедь «Пусть восторжествует справедливость» выражает убеждение в том, что если механизм отправления правосудия не способен достичь справедливости, которая диктуется этим верховным критерием, то судебное решение должно быть исправлено своего рода моральным судом. Вот как, например, недавно вовсю обсуждался случай в Санкт - Петербурге, где боксер насмерть забил напавшего на своего сына педофила. Конечно, юридически он является убийцей, но общество его поддерживает и считает, что он поступил справедливо, поскольку любой родитель поступил бы таким же образом. И как здесь быть: назначить ему наказание или помиловать? Понимая необходимость такого дополнения, способного обеспечить право справедливости при отправлении правосудия, даже демократические государства с представительной системой правления предоставляли исполнительным органам право помилования или смягчения наказания.

Если обратиться к работам Мишеля де Монтеня, то можно проследить, что он много раз обращается к понятию «справедливость», оценивая её с разных сторон. Монтень утверждает, что справедливость заключается в том, чтобы воздавать каждому по заслугам, то есть это означает, что справедливость установлена одна для всех и всего человечества в целом. Да, с этим

утверждением трудно поспорить, но в нашем современном мире мы чаще всего сталкиваемся с несправедливостью по отношению к жертвам наших врачей, которые с удивительной лёгкостью избегают наказания. И где же здесь справедливый закон? [1, с. 4]

Также справедливость можно определить как частную, то есть человек сам для себя определяет, что такое справедливость, и как общественную, когда справедливость признаётся многими или всеми либо определяется по законам государства или по законам нравственности. Сложно не согласиться с тем утверждением, что справедливость является редким для современного человечества явлением, поскольку с ней оно встречается чуть ли не ежедневно. В обобщенном виде можно сказать, что справедливость – это самосознание, самовыражение и самооценка права и потому вместе с тем правовая оценка всего остального внеправового.

Считается, что справедливость является постоянной спутницей правосудия. Однако часто бывает так, что доводы справедливости не совпадают с доводами юридических норм, то есть законов как формы выражения права, регулирующего общественные отношения. Был случай, когда к воинской части приехала группа хулиганов, пыталась проехать на территорию. Дежурный прапорщик их не пропустил, и те начали его избивать. Он достал пистолет и застрелил одного из нападавших. Суд приговорил его к шести с половиной годам заключения. Отсидев два года, он обратился в Комиссию по помилованию Ростовской области с просьбой о снисхождении. Многие члены Комиссии проголосовали «за», поскольку военнослужащий, несущий службу и подвергшийся нападению, безусловно, имеет право применить оружие. Но даже в столь очевидном случае суд расценил это иначе. [2, с. 4] Чего же ожидать обычному человеку, который спас свою жизнь ценой жизни преступника?

Законы пользуются всеобщим признанием не из-за того, что они справедливы, а лишь потому, что они являются законами, то есть они обладают сильной властью, и, следовательно, люди имеют достаточно большую долю страха. Несмотря на свой переменчивый характер, некоторые из законов действуют на протяжении достаточно долгого времени, приобретая большую силу.

Итак, по мнению нашего общества, несправедливость в российском законодательстве всё же существует. Из примеров, приведенных выше, мы видим, что уголовный закон несовершенен. Но это касается практически всех отраслей права. Возьмём нормы трудового права. Так, в соответствии с законом, трудовой договор может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае сокращения численности или штата работников организации. [3, с. 4] Казалось бы, всё справедливо, ведь существуют различные гарантии и компенсации в подобных случаях. Но если человеку, проработавшему в данной организации много лет, осталось до выхода на пенсию всего 3 года, а его увольняют? Здесь не утешат никакие компенсации. Выход, конечно, можно найти. В некоторых случаях возможен уход на пенсию до достижения пенсионного возраста, но опять-таки не всегда.

Говоря о справедливом отправлении правосудия, нельзя не отметить такой конституционный принцип, как независимость судей и подчинение их только закону. Этот принцип, безусловно, является проявлением демократичного строя. Но и здесь следует задуматься. А что если моральные принципы судьи не столь высоки или расходятся с мнением общества по какому-либо вопросу. Получается, здесь важную роль играет категория нравственности, которая сама по себе очень субъективна.

Россия всегда была и остается страной, народ которой чутко реагирует на любую несправедливость, страной, поиск правды в которой, в том числе в государственных судах, составляет насущную потребность населения. [4, с. 4] И подводя итог всему сказанному, можно сделать такой вывод: по мнению нашего российского общества, не всё законное справедливо, а то, что справедливо, является законным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хайруллин В.И. // Право и политика. 2001. № 5. С. 26-30.
2. Ключников А. Справедливость и закон – это, к сожалению, не одно и то же. // Аргументы и факты. 2008. № 08 (720). С. 33.
3. Трудовой кодекс РФ: офиц. текст: по сост. на 1 июня 2008 г. М.: Проспект, 2008. С. 176.

4. Аболонин В.О. «Справедливый» гражданский процесс: иллюзия или реальность? О роли морали и нравственности при разрешении гражданских дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 2. С. 19.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА НЕПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Фурсова Р.Ю.,

студентка 3 курса социально-правового факультета Орловского филиала Воронежского экономико-правового института

Научный руководитель:

Гапонов О.И.,

к.ю.н., доцент кафедры социально-экономических дисциплин Орловского филиала Воронежского экономико-правового института

Одной из самых актуальных и социально значимых задач, стоящих перед нашим обществом, сегодня, безусловно, является поиск путей снижения роста преступлений среди молодежи и повышение эффективности их профилактики.

Основными причинами подростковой преступности считают распад семей, жестокое обращение с детьми, нарушение неотъемлемых прав детей на получение воспитания и образования, проживание в нормальных условиях и, как результат, уход детей из дома.

Быть подростком сегодня особенно тяжело. Общество внесло в жизнь юношей и девушек такие проблемы, которые не переживали их родители в своей молодости. Падение идеалов, безработица родителей, инфляция, расслоение общества на богатых и бедных, преступность – все это вносит беспокойство в души молодых людей. Где искать выход? Каковы идеалы? В чем смысл жизни?

Психологи говорят, что сегодня может выжить тот, кто найдет опору в семье, в отношениях со своими близкими.

И с этим нельзя не согласиться. Роль семьи в обществе несравнима по своей силе ни с какими другими социальными институтами, так как именно в семье формируется личность человека, происходит овладение им социальными ролями, необходимыми для безболезненной адаптации ребенка в обществе.

Однако, что делать детям из неблагополучных, асоциальных семей? Имея низкий социальный статус, эти семьи не справляются с возложенными на них функциями, их адаптивные способности существенно снижены, процесс семейного воспитания ребенка протекает с большими трудностями. Одни семьи вообще не хотят воспитывать детей, другие – не умеют это делать, третьи не понимают, зачем им это нужно.

В таких семьях родители в большинстве своем страдают алкоголизмом, ведут антисоциальный образ жизни, недееспособны, воспитанием детей, как правило, не занимаются.

Поэтому дети оказываются безнадзорными, полуголодными, отстают в развитии, становятся жертвами насилия как со стороны родителей, так и других граждан того же социального слоя.

Чаще всего детей из таких семей изымают, родителей лишают родительских прав в целях защиты интересов ребенка. Разлука с близкими в ранний период жизни сказывается на развитии детей, фатальным образом предопределяет дальнейшую судьбу ребенка. В большинстве своем эти дети пополняют ряды подростков с девиантным поведением, являющимся предпосылкой неправомерного поведения.

Девиантное поведение – один из видов отклоняющегося поведения, связанный с нарушением соответствующих возрасту социальных норм и правил поведения, характерных для

микросоциальных отношений (семейных, школьных) и малых половозрастных социальных групп. То есть этот тип поведения можно назвать антидисциплинарным. Типичными проявлениями девиантного поведения являются ситуационно обусловленные детские и подростковые поведенческие реакции, такие, как демонстрация, агрессия, вызов, самовольные и систематические уходы из дома и бродяжничество, пьянство и алкоголизм детей и подростков, ранняя наркотизация и связанные с ней асоциальные действия; антиобщественные действия сексуального характера; попытки суицида. Существуют и негативные формы девиаций (делинквентное поведение, криминальное поведение). Эти формы девиаций являются социальной патологией: пьянство и алкоголизм, токсикомания и наркомания, проституция, суицид, правонарушения и преступность. Они дезорганизуют систему, подрывают ее основы и наносят ущерб, в первую очередь, личности самого подростка.

Стремление к удовлетворению материальных или духовных потребностей является тем внутренним мотивом, который побуждает подростков с недостаточно развитой социальной ориентацией к поступкам и действиям, не соответствующим общепринятым нормам поведения.

Прогрессирующая тенденция непрерывного роста различных проявлений девиантного поведения, их объективность и неизбежность ставят перед обществом в качестве основных задач поиск форм, методов и технологий работы с дезадаптированными подростками, концентрацию усилий, направленных на реабилитацию ребенка, так и, что более необходимо, предупреждение отклонений от социальных норм.

Цель социально – педагогической деятельности может быть реализована путем решения следующих задач:

1. Создание форм активной действенной социально – педагогической помощи и защиты для конкретного ребенка.
2. Формирование у подростка позитивных ценностных ориентаций в процессе социально – педагогической и коррекционной работы.
3. Вовлечение подростков в социально – полезную деятельность, формирование у него разносторонних интересов и увлечений.
4. Воспитание активной личности, привитие ей качеств гражданина, семьянина, формирование положительной самооценки.
5. Укрепление физического и психического здоровья ребенка путем осуществления комплекса медицинских, психолого-педагогических и других мероприятий.
6. Формирование основ правовой культуры ребенка.

Социально – педагогическая деятельность должна реализовываться в виде комплекса профилактических, реабилитационных мероприятий, а также путем организации различных сфер жизнедеятельности подростков.

В заключении мне хотелось бы сказать о самом главном.

Интеграция усилий общества и государства в отношении подростков с девиантным поведением может осуществляться лишь в рамках научно обоснованной, обеспеченной эффективными технологиями социально – педагогической системы перевоспитания личности несовершеннолетнего посредством последовательных педагогических и воспитательно-профилактических воздействий, обеспечивающих формирование личности с твердыми и правильными жизненными установками.

Необходимо развитие и социальная поддержка государством социального института семьи, так как именно семья является наилучшей средой для развития и совершенствования человека.

Выполнение этих условий и будет являться одной из предпосылок правомерного поведения подростков.

СОЦИАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XIX - НАЧАЛА XX В.)

Шепарнева А.И.,

к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского юридического института МВД России

Хорошо известно, что важным показателем социального, экономического и морального состояния общества является уровень преступности. И наоборот, стабильность или нестабильность в развитии всех сфер жизни общества создает условия для уменьшения или, напротив, увеличения количества совершаемых в стране преступлений. Характеристика уровня преступности в России XIX - начала XX в. позволяет наглядно проиллюстрировать это утверждение.

Исследования современных авторов¹ позволяют заключить, что динамика преступности в указанное время имела явно циклический характер. До отмены крепостного права уровень преступности имел тенденцию – к понижению, а после эмансипации к повышению. Индекс преступности в 1851-1860 гг. составлял 95 % от уровня начала XX в., а в 1911-1913 гг. – 305 % от уровня 1851-1860 гг. В пореформенный период преступность непрерывно возрастала, с остановкой в 1890-х гг. Другими словами, она возрастала в либеральное царствование Александра I, уменьшалась при консервативном правлении Николая I, после вновь, на этот раз весьма значительно, – в 2,7 раза, возрасла в реформаторскую эпоху Александра II, затем уменьшилась в консервативное правление Александра III и вновь выросла на 55 % при противоречивом и неустойчивом правительственном курсе Николая II². Минимальный уровень зарегистрированной преступности в России наблюдался в конце царствования Николая I, тогда он был на 13 % ниже, чем в начале XIX в., а максимальный ее уровень наблюдался перед Первой мировой войной – в 1913 г. Во время войны (1914-1916 гг.) преступность в целом по стране снизилась по сравнению с 1911-1913 гг. примерно на 28-29 %, но с 1916 г. вновь появились тенденции к ее повышению³.

Как свидетельствуют различные показатели преступности, чем жестче был император и консервативнее его царствование, чем тверже проводилась внутренняя политика, тем ниже была преступность, и наоборот, чем мягче был император и либеральней правительственный курс, тем она была выше. Зависимость преступности от курса внутренней политики объяснялась не столько усилением репрессий в отношении нарушителей закона со стороны консервативного правительства, сколько повышением контроля за поведением подданных как со стороны государства, так и со стороны общества в целом. Это оставляло меньше места для безнаказанных проступков и сдерживало проявление всех видов отклоняющегося поведения, в том числе и криминальных. Напротив, ослабление контроля в периоды бурных социальных преобразований увеличивали шансы остаться безнаказанным при совершении правонарушения, что и способствовало росту количества совершаемых по стране преступлений.

Особенно ярко такая зависимость преступности и внутриполитического курса правительства проявилась в первой половине XIX в., в годы правлений императоров Александра I и Николая I. Так, индексы зарегистрированной преступности за 1803-1860 гг. позволяют заключить, что в первые тридцать лет XIX в. преступность увеличивалась (например, процент осужденных увеличился на 28 %), а в следующем тридцатилетии преступность понизилась (по разным показателям от 5 до 29%)⁴. Рост преступности в годы правления Александра I отечествен-

¹ См. например: Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX - начале XX века // Отечественная история, 1998, №1. С. 24-40.

² См.: Тарновский Е.Н. Война и движение преступности в Российской Империи за 1899-1908 гг. // журнал министерства юстиции, 1909, № 9. С. 52-99.

³ Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX - начале XX века // Отечественная история, 1998, № 1. С. 30.

⁴ Там же, С. 37 (таблицы 1,2).

ный историк Б.Н. Миров¹ связывает, прежде всего, с многочисленными и кровопролитными войнами, которые велись Россией как за пределами, так и на ее территории (например, русско-турецкая и русско-иранская войны, Отечественная война 1812 г., начало Кавказской войны (1817-1864 гг.) и пр.). Это, однозначно, способствовало ослаблению государственности и общественного порядка, разорению больших территорий, вооружению населения, повышению налогов и снижению жизненного уровня. При этом нельзя забывать, что при Александре I происходили важные реформы государственного управления (например, 1802 г. – министерская реформа, затем реформа Сената, учреждение Государственного Совета и др.), что приводило к временному расстройству управления, ослаблявшему силу и эффективность государственной машины.

Что же касается периода правления Николая I, то в это время наблюдалась весьма устойчивая тенденция к снижению уровня преступности. Это можно объяснить, прежде всего, ростом законности, порядка, дисциплины в государственном управлении, полиции и суде. Именно при Николае Павловиче в 1830-1832 гг. был наконец-то создан кодекс законов, поставивший все государственное управление на правовую основу. В частности, в период проведения реформы государственной деревни в 1837-1841 гг. правительство предприняло попытку ввести твердые законы в быт казенного крестьянства, рассматривая этот опыт как начало переустройства жизни всего общества на основе закона.

В целом в дореформенной России уровень преступности был низким в сравнении с другими европейскими странами. Самой низкой точки зарегистрированная преступность достигла в 1850-е годы, высшей – в 1820-е годы – соответственно 562 и 650 зафиксированных преступлений на 100 тыс. человек, что было примерно в 4 раза ниже, чем, например, во Франции, в 7,6 раза ниже, чем в Англии². После проведения в 1860-х годах демократических преобразований в обществе, разрушивших институт общины в деревне и городе, ослабивших общественный контроль за поведением людей и ускоривших модернизацию общества, что привело к изменению ценностных ориентаций и стандартов поведения, преступность начала расти и в 1911-1913 гг. в 3,4 раза превысила уровень 1850-гг.

Таким образом, уровень преступности является важным показателем состояния общества. В стабильном, традиционном обществе, в котором население привязано к месту жительства и своим общинам, существует строгий социальный контроль, общинные связи сильно развиты и общественные цели преобладают над личными, обычно наблюдается низкий уровень преступности. Наоборот, высокий уровень преступности устанавливается в обществе, испытывающем серьезные изменения в культурных, социальных и политических ориентациях, где значительное число людей является маргиналами, с трудом приспосабливающимися к новым условиям жизни. Мотивированность правомерного поведения повышается тогда, когда достигается социальный мир и материальное благополучие и когда система правоохранительных и управительных учреждений существенно улучшается.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СОТРУДНИКАМИ ГИБДД

Юринова Ю.В.,
адъюнкт Академии управления
МВД России

Семантическое значение словосочетания «властные полномочия» исходит из понятий «власть» и «полномочие».

Власть является чрезвычайно многоплановым явлением, которое пронизывает все сферы нашей жизни, и не случайно этот феномен исследуется многими науками: философией, политологией, правоведением, социологией, менеджментом, психологией и т.п. Так, еще Платон

¹ Там же, С. 38.

² Гернет М.Н. Моральная статистика. М., 1992. С. 50-97.

и Аристотель затрагивали вопросы власти. Позднее определения власти давали социолог М. Вебер, философ Б. Рассел, политолог Р.Э. Дал, и этот список можно продолжать. Если в концентрированном виде обобщить даваемые ими дефиниции, то можно сказать, что во всех случаях речь о власти идет тогда, когда кто-либо оказывается в состоянии побудить другого сделать нечто, чего этот другой иначе не стал бы делать. В этом случае мы выходим на рассмотрение феномена власти с психологической точки зрения, когда власть определяется возможностью и способностью оказывать влияние на поведение и деятельность человека или группу посредством воли, авторитета, права, т.е. как «возможность и способность влиять на поведение людей, побуждая их делать то, что они не стали бы делать добровольно»¹. При этом психология стремится сделать акцент на исследовании процесса использования власти и его предсказаний, в отличие от других наук об обществе, в частности социологии и политологии, которые анализируют сложившиеся отношения власти и объясняют их постфактум.

Основу власти составляет асимметрия отношений между людьми и существующая в связи с этим возможность одного человека влиять или воздействовать на другого, т.е. власть предполагает зависимые отношения.

Воздействуя на личностную сферу другого человека, использующий власть имеет в своем распоряжении определенные ресурсы, т.е. средства, с помощью которых он может соответствующим образом мотивировать адресата своего воздействия. Такие ресурсы называются источниками власти. Одна из наиболее известных классификаций оснований или источников власти была предложена Дж. Френчем и Б. Равеном². Не будем подробно останавливаться на них, лишь кратко перечислим их: 1) вознаграждение (власть поощрения), 2) принуждение (власть силы, насилия), 3) легитимность (должностная власть, закрепленная законами, нормами и правилами), 4) экспертные знания (экспертная власть), 5) харизма (референтная власть) и 6) информация (информационная власть). При этом должностная власть является родовым понятием по отношению ко всем остальным властным основаниям, которыми она, как правило, автоматически обеспечивает любого субъекта должностной власти.

Многие авторы (Т. Болл, С.А. Зелинский, С.Б. Каверин и др.) подчеркивают непереносимую связь власти и ответственности, т.е. чем большей властью обладает человек, тем должен быть выше уровень его ответственности. Обладание властью есть не что иное, как способность действовать в качестве человека, сознающего моральную ответственность³. Это в полной мере относится и к сотрудникам ГИБДД как представителям власти.

Власть предполагает наделенность определенными полномочиями. Так, в словаре Ожегова⁴ говорится, что «полномочие – это право, предоставленное кому-нибудь на совершение чего-нибудь». Полномочия – это официально предоставленные должностному лицу права и обязанности в какой-либо сфере деятельности.

Несколько конкретизируя определение полномочия с правовой точки зрения, Ю.А. Тихомиров отмечает, что «властное полномочие есть обеспеченное законом ориентирующее требование уполномоченного субъекта определенного поведения и действий, обращенное к физическим и юридическим лицам»⁵.

Властные полномочия, в свою очередь, могут быть двух видов: властные обязанности и властные права. Обязанности, возлагаемые на Госавтоинспекцию, и права, предоставляемые ей для выполнения возложенных обязанностей, закреплены в п.п. 11, 12 Положения о ГИБДД МВД РФ⁶. Обязанности и права сотрудника ДПС прописаны в п.6 Наставления по работе ДПС

¹ Занковский А.Н. Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология». М.: Флинта: МПСИ, 2000. С. 106.

² Там же. С. 109.

³ Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т.1. Хрестоматия. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1999. С. 36.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок.57000слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. –20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.

⁵ Тихомиров Ю.А. Публичное право. Учебник. М.: БЕК, 1995. С. 139.

⁶ Положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Указ Президента РФ от 15.06.1998г. № 711.

ГИБДД МВД РФ¹. Все возложенные обязанности и права должностное лицо обязано реализовывать.

Так что же представляет собой реализация властных полномочий? Это профессиональная служебная деятельность, принципиально отличающаяся от всех других видов практической и духовной деятельности. Она носит профессиональный характер по целям и качеству выполняемых действий и правовой характер по своей сути. Важным компонентом этой деятельности являются законодательно закрепленные средства и нормы ее осуществления. К объективным характеристикам этой деятельности относятся конкретные условия ее выполнения и ее конечные продукты. Такими условиями могут быть политические, правовые, социально-психологические факторы, влияющие на реализацию властных полномочий субъектом власти, а также материальная оснащенность.

Деятельность должностного лица по реализации властных полномочий обладает такими чертами, как сознательность, целеполагание, результативность, общественный характер.

Однако сознательная деятельность по реализации властных полномочий осуществляется не беспристрастным исполнителем, а активным субъектом и личностью. Объективно поставленные перед должностным лицом цели и задачи не просто переносятся в его голову, но должны быть им поняты и приняты.

По отношению к системам ценностей деятельность по реализации властных полномочий должностным лицом, в том числе и сотрудниками ГИБДД, может быть моральной и аморальной, законной и противоправной. Нельзя сбрасывать со счетов проблему этики поведения должностного лица. Ведь выбор – поступить по закону или нарушить его – сотрудник, в конечном счете, делает сам. Должностное лицо добровольно и сознательно выполняет правовые предписания только тогда, когда они соответствуют его убеждениям о справедливости правовой нормы, т.е. когда мораль и личные интересы полностью совпадают с государственными, изложенными в нормах права.

Реализация властных полномочий субъектом власти может быть адекватной и неадекватной. Так, адекватная реализация властных полномочий предусматривает действия субъектов власти (должностных лиц) в рамках действующего законодательства.

Неадекватная же реализация властных полномочий может происходить в нескольких формах:

- 1) злоупотребление должностными полномочиями;
- 2) превышение должностных полномочий;
- 3) бездействие должностного лица.

Неадекватная реализация властных полномочий должностным лицом может вызываться целым рядом предпосылок. Проведем их анализ на примере сотрудников ГИБДД. Будем исходить из предположения, что все предпосылки неадекватной реализации властных полномочий можно разделить на следующие группы:

1. контекстные;
2. индивидуально-психологические;
3. социально-психологические.

Рассмотрим подробнее каждую из перечисленных групп.

Так, к контекстным предпосылкам неадекватной реализации властных полномочий сотрудником ГИБДД относятся «фоновые» факторы профессиональной деятельности правового, экономического, политического характера, которые, создавая атмосферу, контекст деятельности, оказывают определенное психологическое воздействие на сотрудников, но на которые сотрудник и/или группа сотрудников не могут оказать значительного влияния. К этой группе относятся:

- низкий уровень материального благосостояния сотрудников;
- недостаточная материально-техническая оснащенность;
- несовершенство действующего законодательства, пробелы в котором сотрудники порой вынуждены восполнять по своему усмотрению;

¹ Наставление по работе дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Приказ МВД РФ от 20.04.1999г. № 297.

– политические приоритеты и установки в обществе, поддержка определенных социальных групп на государственном уровне.

К индивидуально-психологическим предпосылкам, которые лежат в психологии самого сотрудника, можно отнести следующие:

– Компенсация комплекса неполноценности. Люди, ориентированные на власть, часто производят впечатление сильных, независимых и самоуверенных. Однако психологи высказывают предположение, что чрезмерная амбиция – это, возможно, всего лишь способ компенсации низкого уровня самооценки.

– Желание унижать. Это желание выходит на первый план особенно у тех людей, чувствуя собственное достоинство которых был нанесен унижительный удар, в результате чего они стали мстительными. Обычно в детстве они прошли через ряд связанных с унижением переживаний, которые могли либо иметь отношение к социальным условиям, в которых они росли (например, низкий социальный статус родителей, собственная физическая неполноценность, бедность и т.п.), либо быть связанными с постоянной предвзятостью, презрительностью со стороны других.

– Локус контроля, влияющий на выбор способов оказания влияния. Так, люди с внешним локусом контроля гораздо в большей степени, чем лица с внутренним контролем, полагаются на принуждение и наказание, последние же сначала пробуют применить уговоры и убеждение. Поскольку люди с внешним локусом контроля с детства ощущают себя отчужденными и бессильными, они, по всей вероятности, считают все способы оказания влияния, за исключением наказания и принуждения, чересчур слабыми. Хотя порой применение этих способов влияния и не требуется. Сила используемых средств возрастает вместе с уменьшением уверенности человека в себе.

– Недостаточный уровень профессиональной подготовленности сотрудника, приводящий к неадекватной правовой оценке возникающих проблемных ситуаций профессиональной деятельности и, как следствие, к возникновению неуверенности в своей профессиональной компетентности.

– Недостаточный культурный уровень порой не позволяет сотруднику адекватно, всесторонне взглянуть на ситуацию и выстроить эффективные взаимоотношения с гражданами – участниками дорожного движения.

– Психологически сотрудник не готов к реализации возложенных на него властных полномочий. При этом он не способен осознать себя субъектом реализации властных полномочий.

Анализ социально-психологических предпосылок неадекватной реализации властных полномочий проведем, разделив их на две подгруппы. В основе первой подгруппы лежат взаимоотношения, сложившиеся в конкретном служебном коллективе подразделения ГИБДД, преобладание тех или иных ценностей, установок профессиональной деятельности, в целом атмосфера осуждения, равнодушия либо одобрения неправомерного поведения, т.е. осуществление группового давления, а также позиция, занимаемая руководством конкретного подразделения по отношению к сотрудникам, допускающим правонарушения. К этой же подгруппе относятся и влияния окружающей сотрудника микросреды, которую составляют семья, ближайшие родственники, друзья. Здесь выделяются следующие аспекты:

– Склонность к конформному поведению, следование воле большинства членов группы. Так, идя на поводу у коллектива, сотрудник может допускать правонарушения, даже если он знает, что это является неправомерным поведением.

– «Заражение». Суть его состоит в том, что в процессе группового общения сотрудников происходит взаимовлияние друг на друга и даже обмен, так сказать, «передовым» опытом получения взяток, поборов, совершения других нарушений.

– Подчинение, являющееся атрибутом общественной жизни, ведь сама принадлежность к обществу невозможна без подчинения. При этом система органов внутренних дел усиливает эту тенденцию, ведь здесь отдаются приказы, а подчинение является реакцией на приказ.

– Социальные стереотипы, сложившиеся в обществе в отношении поведения сотрудника ГИБДД. И молодой сотрудник, являясь членом общества, порой уже приходя на службу,

приносит с собой этот стереотип, начиная осуществлять свою профессиональную деятельность в соответствии с ним (в этом отношении показателен эксперимент Ф.Зимбардо со студентами, играющими роль «тюремных охранников» и «заключенных»). В формировании социальных стереотипов велика роль средств массовой информации.

Вторая подгруппа социально-психологических предпосылок неадекватной реализации властных полномочий сотрудниками ГИБДД лежит в плоскости их взаимодействия с участникам дорожного движения, ведь реализация властных полномочий сотрудниками осуществляется не в вакууме, а в процессе общения, взаимодействия с водителями, пешеходами и пассажирами транспортных средств, т.е. представителями различных социальных групп.

– Провокации взяток со стороны водителей. Предложения «решить вопрос на месте», без составления административного материала. При этом зачастую граждане искренне не понимают, что, предлагая взятку, сами совершают преступление, за которое предусмотрена уголовная ответственность.

– Наличие визиток высокопоставленных руководителей или «телефонное право» отдельных водителей. Это может приводить к следующим следствиям: первое - пренебрежительное отношение со стороны водителей к инспекторам ДПС, что в свою очередь может спровоцировать агрессивную или конфликтную реакцию со стороны сотрудника. Вторым следствием подобной ситуации является бездействие сотрудника ГИБДД, в то время как в соответствии с действующим законодательством как представитель власти он обязан применять свои властные полномочия.

Таким образом, проведенный психологический анализ реализации властных полномочий сотрудниками ГИБДД показывает всю сложность и многогранность проблемы. Неадекватная реализация властных полномочий сотрудниками ГИБДД в каждом конкретном случае может быть обусловлена различным сочетанием ее предпосылок, чаще всего их комплексом. Вместе с тем следует отметить, что поведение сотрудника не всегда детерминируется этими факторами однозначно, оно может иметь и вероятностную обусловленность, что находит свое отражение и в мысли, высказанной Д. Майерсом, о том, что «наше поведение может различаться, даже когда на него воздействуют одни и те же социальные силы»¹. Все это обуславливает необходимость индивидуального подхода к анализу каждой конкретной ситуации неадекватной реализации властных полномочий сотрудниками ГИБДД.

¹ Майерс Д. Социальная психология. Интенсивный курс. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2000. 512 с. (Секреты психологии). С. 49.

